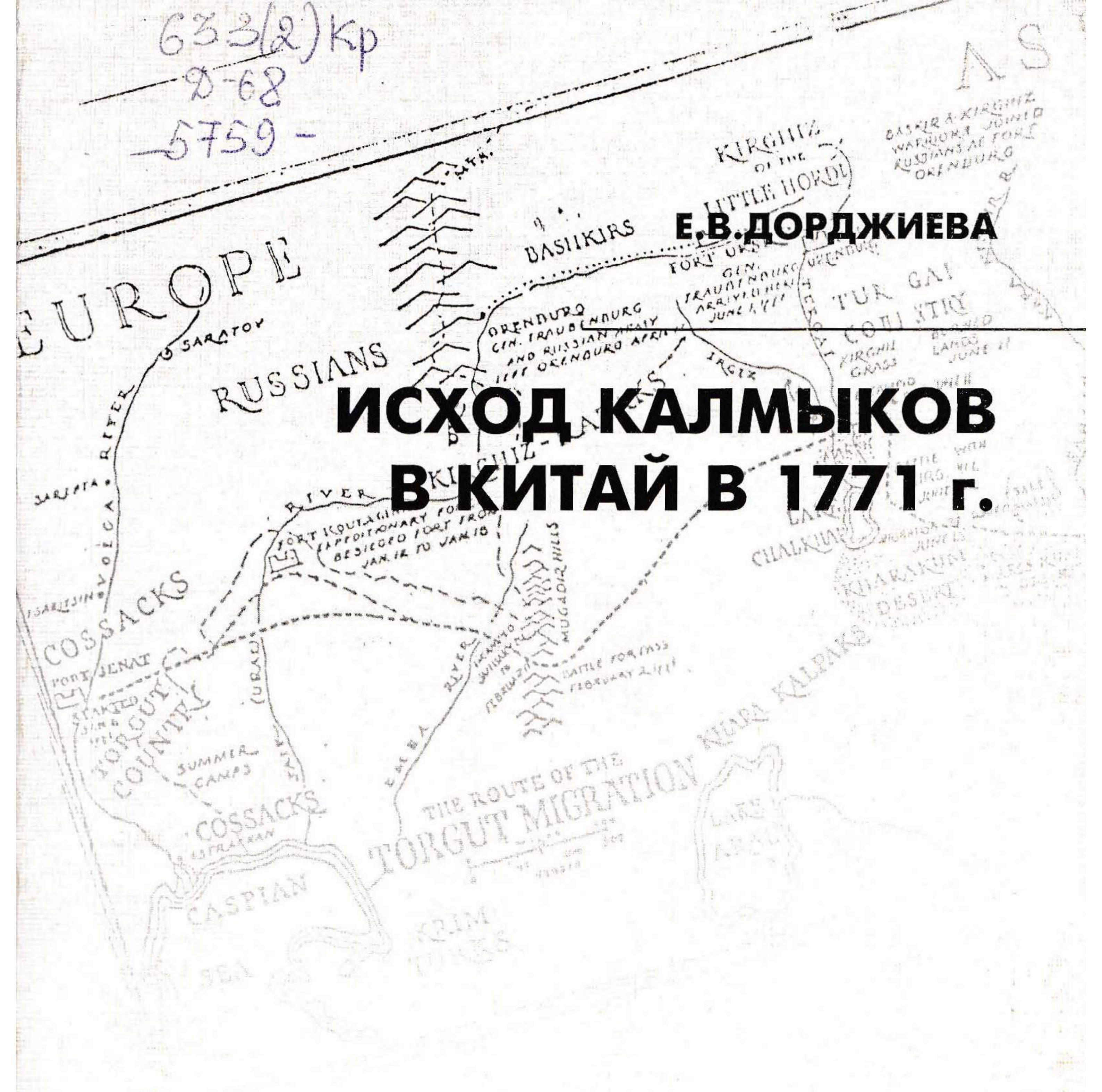

Е.В.ДОРДЖИЕВА

ИСХОД КАЛМЫКОВ В КИТАЙ В 1771 г.

Ростов-на-Дону
2002

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.В.ДОРДЖИЕВА

ИСХОД КАЛМЫКОВ В КИТАЙ В 1771 г.

**Ростов-на-Дону
2002**

УДК 947(470.47)
ББК Т3(2Р-6Ка)4
Д 685

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор *В.Б.Убушаев.*
Рецензент: кандидат исторических наук, доцент *А.В.Цюрюмов.*

Е.В.Дорджиева. Исход калмыков в Китай в 1771 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.– 212 с.

Ил. 1.Табл.5. Библ.221.
ISBN 5-87872-118-х

Книга посвящена истории массового исхода калмыков в Китай в 1771 г. Автор предпринял важную по значению и актуальности попытку показать исторические условия возникновения идеи возвращения калмыков в Китай, выявить причины исхода, специфику миграции калмыков и исследовать последствия событий 1771 г. для калмыцкого народа.

Работа предназначена для специалистов, студентов и учащихся.

ISBN 5-87872-118-х **ББК Т3(2Р-6Ка)4**
Д.01(03)-2002.Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Острейшей проблемой государственно-политического развития Российской Федерации в начале XXI в. является проблема сохранения единства и целостности страны и обновления региональной политики. В истории Калмыкии, прочно связавшей с конца XVI в. свою судьбу с Россией, только однажды, в 1771 г., была сделана попытка разрушить этот союз. Речь идет о массовом исходе калмыков из России в Китай и последовавшей за ним ликвидации калмыцкой государственности.

Эта книга является первым специальным исследованием политики абсолютизма в Калмыкии в XVIII в. и массового исхода калмыков в Китай в 1771 г. Ряд обстоятельств делает эту тему особенно актуальной. Во-первых, лишь при учете истории взаимоотношений между центром и периферией мы можем понять остро стоящие сегодня вопросы федерализма в многонациональной России.

Во-вторых, обращение к истории становится важным фактором национально-культурного возрождения калмыцкого народа, укрепления его государственности. Причем внимание людей привлекают, как правило, моменты, имевшие переломное значение, такие как трагедия, пережитая калмыцким народом в 1771 г. Закономерен или случаен был тот итог, к которому пришло Калмыцкое ханство? В чем заключались истинные причины ухода значительной части калмыков из России? Соответствовал ли выбор, сделанный в январе 1771 г., историческим, национальным и духовным ценностям калмыков, или они были принесены в жертву утопическим иллюзиям правящей элиты ханства? Наличие такого спектра вопросов, интерес к проблеме – а он очевиден – доказывают, как представляется, ее значимость.

Третий аспект связан с недостаточным уровнем исследованности проблемы. Специальных конкретно-исторических работ этой важной темы все еще нет. В историографии слабо освещены внутренние и внешние проблемы Калмыцкого ханства, под влиянием которых правящая знать приняла решение об уходе. Не воссоздана полная картина обстоятельств и основных этапов откочевки. Мало известно о положении калмыков в Цинской империи в конце XVIII в. Наличие этих «белых пятен» доказывает, как нам кажется, необходимость продолжения изучения данной проблемы.

В-четвертых, тема представляет интерес в свете последних споров, возникающих не только в среде профессиональных историков. Некоторые авторы, пытающиеся дать собственную оценку событиям 1771 г., называют решение наместника Убаши вернуться в Джунгарию «мудрым», подчеркивая различия в

жизни российских калмыков и их китайских сородичей, и даже предлагают совершить новое переселение[1]. Наличие подобных предвзятых взглядов, искажающих факты и мешающих плодотворному изучению истории, опасно, на наш взгляд, тем, что они могут быть использованы людьми, для которых история по-прежнему остается политикой, обращенной в прошлое. Поэтому исследование данной проблемы, способное разрушить стереотипы, предвзятость, ложные посылки и мифы, сложившиеся вокруг истории откочевки калмыков, является весьма актуальным.

Наконец, изучение последней крупной миграции кочевников в истории человечества вызывает интерес в связи с необходимостью углубления и уточнения такого важного вопроса, как формационная природа номадизма, вокруг которого в последнее время вновь развернулась острая дискуссия[2].

В работах по истории калмыцкого народа, появившихся в дореволюционное время, события, предшествующие откочевке калмыков, как, впрочем, и обстоятельства их ухода описывались довольно скупо, во многих случаях фрагментарно.

В отечественной историографии XIX-начала XX в. можно выделить две основные точки зрения на проблему ухода калмыков. Во-первых, это признание филантропического характера намерений правительства в отношении калмыцкого народа и возложение вины за ухудшение русско-калмыцких отношений в 70-х гг. XVIII в. на калмыков. Основоположниками такого подхода в 30-х гг. XIX в. стали одесский градоначальник А.И.Левшин, астраханский губернский прокурор Н.А.Нефедьев, известный русский синолог Н.Я.Бичурин (Иакинф), профессор Казанского университета А.В.Попов. Исследуя причины откочевки, они отметили субъективные моменты: интриги отдельных владельцев, неопытность наместника Убаши, присущую калмыкам легкомысленность. А.И.Левшин первым назвал нойона Шеаренга, прикочевавшего на Волгу из Джунгарии в 1759 г., инициатором ухода: «Разсеяв разные слухи о неприязненных... намерениях Русского Правительства против всех калмыков, Шерен ... овладел умом слабого и доверчивого тургутского повелителя Убаши; воспользовался несогласием его с ближайшим к нему Русским начальством, прельстил его надеждою переменить название подданного на достоинство независимого владельца, и убедил бежать из России, чрез степи киргиз-кайсак в древнюю Зюнгарию»[3]. Н.Я.Бичурин отметил, что калмыки не собирались принимать китайское подданство. Они возвратились в Джунгарию «по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками»[4], надеясь объединенными силами вытеснить маньчжурские гарнизоны из Или и Тарбагатая. Он добавлял, что возможно наместник не склонился бы на убеждения Шеаренга, «если бы не был к тому вынужден притязательной строгостью местного Российского начальства,

оскорблявшего достоинство Калмыцких Владельцев»[5]. Оправдывая политику правительства, Н.А.Нефедьев подчеркивал, что оно всегда было заинтересовано благоденствием калмыков и занималось усовершенствованием постановлений для них[6]. В то время, как калмыки, писал А.В.Попов, постоянно нарушали принятые на себя обязательства, считая подданство свое в России не более, чем союзничеством[7].

В 1846 г. было опубликовано исследование барона Ф.А.Бюлера об инородцах Астраханской губернии. Для Ф.А.Бюлера характерен такой же подход к истории ухода калмыков, как и для авторов 30-х гг. XIX в. Он отметил, что до 1771 г. русское правительство «почти не входило в их внутреннее управление, которое представлялось то хану, то наместнику ханства, словом, – их народному начальнику, и с ним уже вело переговоры – сношения скорее дипломатические, чем властелинские»[8]. Вместе с тем Ф.А.Бюлер не отрицал ограничительных действий правительства, ущемлявших интересы калмыцких владельцев. Распоряжения о реорганизации Зарго, увеличении военных поселений на Волге и Яике, считал он, были «перетолкованы» неблагонамеренными нойонами и «возбудили ропот»[9]. Автор ошибочно приписывал калмыкам намерение освободить Джунгарию из-под власти Китая.

Сторонниками такого подхода к настоящей проблеме в 70-80-х гг. XIX в. были главный попечитель калмыцкого народа (1859-1873) К.И.Костенков и известный монголовед А.М.Позднеев. Период пребывания калмыков под покровительством России вплоть до 1771 г., по мнению авторов, представлял «разгул дикой свободы, необуздываемой правительством»[10], когда они «не переставали на каждом шагу обманывать и эксплуатировать Россию, а последняя как бы не хотела изучить и понять этого народа с тем, чтобы выработать себе определенную политику для правильных отношений к нему»[11]. Главной причиной откочевки калмыков А.М.Позднеев считал реорганизацию Зарго в середине 60-х гг. XVIII в.[12], К.И.Костенков видел ее в увеличении русских поселений на Волге, сокращавших территории калмыцких кочевий[13]. Свою роль сыграли и интриги нойона Цебек-Доржи, которого авторы назвали основным зачинщиком ухода.

В начале XX в. эта точка зрения была развита сотрудником русской консульской службы в Монголии Б.В.Долбежевым. Он утверждал, что калмыки в отношении правительства «держались обычной политики кочевников – политики вероломства и самого грубого оппортунизма»[14]. Глубоко ошибочным являлось мнение автора о том, что калмыки, сохраняя связи с Джунгарией, поддерживали ее «военные замыслы и во всякую минуту были не прочь, смотря по обстоятельствам, повоевать, и с Россией и с Китаем»[15]. Реорганизация Зарго, полагал он, побудила калмыков решиться на откочевку в Джунгарию. Вызывает сомнения его вывод, что стремление покинуть Россию, чтобы сохранить

независимость ханства, «охватило всех – от князей до последнего бедняка»[16]. Допустив ряд ошибок, автор, вместе с тем, сообщил весьма интересные сведения о положении калмыков в составе Цинской империи в 70-80-х гг. XVIII в. Он правильно обратил внимание на то, что политика маньчжуров была направлена на закрепощение пришельцев. Анализ деятельности цинских властей в отношении калмыков Б.В.Долбежев дополнил описанием её результатов: «вместо огромной сплочённой орды», которую Убаши привёл в Китай, остался «ряд хотя и полунезависимых, но зато разобщённых территориально и политически мелких сеймов, искусно ослабленных и дезорганизованных и, благодаря этому, представлявших из себя величины политически ничтожные».[17]

Принципиально иной позиции придерживался в отношении этой проблемы А.С.Пушкин. В 1833 г. в «Истории Пугачева» великий поэт отметил верную службу калмыков на южных границах России. Характеризуя обстановку накануне крестьянской войны 1773-1775 гг. в междуречье Яика и Волги, он писал о положении калмыков: «русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностью от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего мирного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решили оставить Россию и тайно снеслись с китайским правительством. Им не трудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества»[18]. Сведения об откочевке А.С. Пушкин почерпнул из неизданной тогда еще книги Н.Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». Позже в примечании к первой главе «Истории Пугачева» он подчеркнул: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения с Востоком»[19]

В 1869 г. «Уральские войсковые ведомости» поместили на своих страницах обстоятельную статью некого Юр.-Ко.- [20] об уходе калмыков, в основу которой легли материалы из архива Уральской войсковой канцелярии. Взгляды автора близки воззрениям А.С.Пушкина на причины откочевки. Он упомянул о «беззаконных поборах, притеснениях и вымогательствах разного рода чиновников», в частности, астраханского губернатора Н.А.Бекетова и руководителя «Калмыцких дел» И.А.Кишенского[21]. Автор сообщил весьма ценные сведения о маршруте уходящих калмыков, действиях центральных правительственных и местных органов по поимке беглецов, позиции казахских феодалов, в чьи владения вторглись калмыки. Он первым высказал предположение о предварительных контактах правящей знати ханства с цинскими властями по поводу возвращения калмыков. Юр.-Ко-. выразил сожаление в связи с уходом калмыков, под-

черкнув, что их пребывание на Волге с экономической точки зрения было полезным для русского государства.

Заметным явлением в историографии откочевки калмыков стала работа М.Г.Новолетова, основанная на материалах астраханского архива калмыцкого управления. По мнению автора, возвращение в улусы крещеных князей Дондуковых, реорганизация Зарго, поселение нойона Замьяна, заведение казачьих станиц на правом берегу Волги, перепись кибиток и другие мероприятия правительства, воспринимавшиеся владельцами «в смысле угнетения народа, искоренения его обычаев», стали причинами того, что правящая знать ханства приняла в 1767 г. решение покинуть пределы России[22]. О понимании М.Г.Новолетовым данной темы свидетельствует то, что он отделил намерения главных владельцев от желаний простого народа, который «по данному сигналу в виду посланных отрядов, вынужден был собраться, бросая кибитки, худой скот, даже малолетних детей и больных»[23]. Автор первым обратил внимание на то, что правительство, получив информацию от губернатора Н.А.Бекетова о планах калмыков, проигнорировало ее, тем самым, упустив возможность предотвратить уход. Описав трудности, с которыми калмыкам пришлось столкнуться в Китае, М.Г.Новолетов пришел к выводу, что, если бы не жесткий манъчжурский режим и сложный переход через казахские степи, то «весь народ двинулся бы в Россию»[24]. Вместе с правильными наблюдениями в его работе есть спорные моменты. Вряд ли можно согласиться с автором, что ликвидация Калмыцкого ханства и другие меры, принятые правительством после ухода части калмыков, были целесообразными.

Определенный интерес для изучения интересующей нас темы представляет книга Н.Г.Прозрителева, посвященная военной службе калмыков. В ней автор утверждал, что русское правительство, искусно используя междоусобицы калмыцких владельцев, активно вмешивалось во внутренние дела ханства. Оно регулярно пользовалось военными услугами калмыков, «прощая их мелкие повинности, грабежи и разорения»[25]. Н.Г.Прозрителев считал, что колониальная политика правительства привела к роковым последствиям – уходу калмыков из России в 1771 г.

Полезные данные о переходе калмыков через казахские кочевья в 1771 г. встречаются в статье Ч.Ч.Валиханова, опубликованной в 1860 г. Автор раскрыл позицию султана Среднего казахского жуза Аблая по отношению к откочевке калмыков. Он выразил мнение, что возвратившиеся в Джунгарию калмыки «попались в хитрые сети китайской политики»[26].

Для настоящей темы также интересна работа А.А.Ивановского, которая вышла из печати в 1893 г.[27] Автор рассмотрел обстоятельства визита в Калмыцкое ханство китайского посла Тулишена в 1714 г. Опираясь на его дневник

«И-эу-лу», А.А Ивановский сделал вывод, что во время переговоров с ханом Аюкой Тулишен от имени императора Канси предложил калмыкам возвратиться в китайские пределы. Развивая эту мысль, он подчеркнул, что результатом этих переговоров стал уход калмыков из России в 1771 г. В остальном автор ограничился констатацией взглядов китайских и русских исследователей по этому вопросу.

После Октябрьской революции 1917 г. изучение данной проблемы продолжалось по старой традиции. Концепция об интригах владельцев как главной причины откочевки характерна для исследования Н.Н.Пальмова, опубликованного в 1922 г. Он писал, что «из-за властолюбия одного человека и по слабоумию другого калмыцкий народ попал в тяжелую китайскую неволю»[28]. Однако уже в следующей работе он оговаривается: «событие 1771 г. не было какой-либо простой случайностью и делом прихоти нескольких лиц: решение порвать всякие связи с кочевьями, на которых калмыки провели почти 140 лет (1632-1771), подготавливалось постепенно и было принято народом с восторгом»[29]. Важной причиной ухода автор назвал ограничение возможностей экономического и политического развития калмыков со стороны царского правительства. Будучи сотрудником Калмыцкого архива, Н.Н.Пальмов привлек к исследованию его материалы, но не составил их анализ. Поэтому изменения в управлении калмыцким народом в его освещении получают, как считал А.А.Чужгинов, расплывчатую характеристику[30].

В статьях П.Г.Любомирова о заселении Нижнего Поволжья в XVIII в., появившихся в 20-х гг., содержатся полезные для нас сведениях о положении калмыков накануне ухода и их численности[31]. Автор обратил внимание на ограничение территорий калмыцких кочевий в 60-х гг. XVIII в.: правительство, «стесняя татар и калмыков в пользовании водами и землею … имело в виду интересы русских»[32].

Л.И.Думан в ряде исследований, посвященных истории Синьцзяна конца XVIII в, дает отрывочные сведения о положении калмыков в составе Цинской империи[33]. Неоспоримым достоинством работ автора является использование широкого круга китайских источников и их критический обзор.

Тезис о филантропическом характере намерений правительства по отношению к калмыкам, культивировавшийся многими историками XIX в., получил решительную отповедь в работе В.В.Мавродина. Он утверждал, что уход наместника Убаши в Джунгарию был первой «своеобразной формой борьбы против гнета царизма»[34]. Вопрос о политике царизма в XVIII в. в национальных окраинах, в том числе и в Калмыкии, в 60-х гг. разрабатывала Н.Г.Аполлова[35].

Авторы обстоятельного очерка дореволюционной истории калмыков, опубликованного в 1967 году, полагали, что откочевка 1771 года стала результатом

того кризиса, который нарастал в ханстве с начала второй четверти XVIII в., когда Калмыкия превратилась в объект колонизации земледельческого населения России. Хозяйственная колонизация земель сопровождалась ограничением ханской власти со стороны царского правительства, ухудшением экономического положения калмыцкого народа, христианизацией. Поэтому «вполне естественно, что инициатива откочевки целиком и полностью исходила от узкой группы крупнейших и наиболее богатых калмыцких феодалов, что именно эта группа выступила в роли организатора заговора, чтобы обманным путём заставить широкие народные массы следовать за ними в далёкую Джунгарию»[36].

Продолжение и развитие концепция В.В.Мавродина получила в исследованиях Л.С.Бурчиновой и Т.И.Беликова. Названные авторы считали, что трагедия 1771 г. явилась «следствием великодержавного колонизаторского курса царского правительства в Калмыкии»[37], «ответом на усиление экономического и политического гнёта и бесцеремонное вмешательство во внутренние дела калмыков»[38]. Аналогичного взгляда на откочёвку в Джунгарию придерживался Ш.Б.Чимитдоржиев. Он подчеркнул, что накануне ухода калмыки находились в тяжёлом экономическом положении[39].

Среди работ, появившихся в 80-х гг., следует выделить статью В.П.Санчирова о судьбе калмыков в Цинской империи в конце XVIII в., в которой автор называет откочевку 1771 г. «авантюрой, затеянной ханом Убаши и его ближайшим окружением в своих узкоэгоистических, классовых целях»[40], и работу А.Б-.Насунова о роли тибетского духовенства в осуществлении ухода калмыков в Джунгарию[41].

Особый интерес для настоящей темы представляют исследования А.И. Чернышева, опубликованные 80-90-х гг .[42] Знание автором китайского языка дало ему возможность использовать источники и литературу на этом языке, что само по себе является вкладом в понимание исторических событий 1771 г. А.И.Чернышев пришел к выводу, что планы нойона Шеаренга занять джунгарские земли и создать независимое ойратское государство нашли поддержку наместника Убаши тогда, когда царское правительство усилило на последнего административное давление, требуя снарядить калмыцкое войско для участия в войне 1768-1774 гг. с Турцией. Цинские власти, обеспокоенные угрозой вторжения калмыков и возможностью воссоздания ойратской государственности, по мнению автора, поспешили оказать радушный прием пришельцам. Однако затем потерявших самостоятельность калмыков поселили в обезлюдевших районах, в которых маньчжуры проводили политику военной изоляции. Положение работ А.И.Чернышева иллюстрируют цифровые подсчеты, таблицы со ссылочным аппаратом к ним и обьяснениями их техники, что весьма ценно для нас.

О возрастании интереса к событиям 1771 г. свидетельствует появление в

начале 90-х гг. на страницах массовых изданий статей, в которых о данной теме спорят не только историки, но и писатели, публицисты[43]. Дискуссия привлекла внимание к теоретической стороне проблемы. Разработка ее, пройдя стадию газетных споров, обнаруживших недостаток конкретных знаний в этой области, вступила в новую фазу монографических исследований.

Из числа появившихся в результате капитальных изысканий работ следует выделить книгу К.П.Шовунова, в которой подчеркнуто, что главным звеном в правительственной политике по отношению к калмыкам до 1771 г. была идея постепенного перевода их военной силы в составную часть русской армии. С середины XVIII в. преобладающими стали «методы директивных указаний государственных и военных ведомств по отношению к ханской власти»[44]. Частое привлечение калмыков к участию в войнах России тоже способствовало принятию решения об уходе.

С новых позиций написан обстоятельный труд М.М.Батмаева об истории калмыков в XVII-XVIII вв., в котором рассмотрен вопрос откочёвки 1771 г.[45] Работа является итогом его многолетних исследований в этой области и обобщением материалов, вышедших в свет ранее[46]. В ней использован широкий круг неопубликованных до тех пор документов Национального архива Республики Калмыкия. Анализируя события калмыцкой истории до 1771 г., автор пришёл к выводу, что правительству удалось ликвидировать относительную самостоятельность Калмыцкого ханства и подчинить калмыков действию общероссийского законодательства. Он дал оценку мероприятиям правительства, направленным на осуществление этих задач. Впервые М.М.Батмаевым рассмотрены социальные и хозяйственные изменения, начавшиеся в ханстве во второй четверти XVIII в., под влиянием которых калмыцкая знать приняла роковое решение об откочёвке в Джунгарию.

Весьма интересным подходом к событиям 1771 г. отличается работа В.И. Колесника, опубликованная в 1997 г.[47] Автор попытался обосновать особую роль «торгоутского побега» в мировом историческом процессе. Условными вехами для выделения границы между средними веками и новым временем, по его мнению, являются промышленный переворот, Великая французская революция 1789 г. и возвращение калмыков в Джунгарию в 1771 г. Всемирно-историческое значение «торгоутского побега» заключается в том, что это была последняя крупная миграция кочевников в истории человечества.

Перспективным представляется также направление исследований А.В.Цюрюмова[48].

Настоящая тема нашла отражение в зарубежной историографии. Краткие сведения об уходе калмыков из России и положении их в составе Цинской им-

перии появились в исследованиях Т. де Квинси, Х.Ховорса, И.С.Бруннерта и В.В.Гагельстрома, М. Курана, В.А.Рязановского, С.Хедина[49].

Известный вклад в изучение откочевки 1771 г. внесла работа К.Д.Баркмана, основанная на русских и китайских источниках. В ней содержатся сведения о подготовке ухода, маршруте калмыков, столкновениях с казахами и киргизами. Автор попытался сравнить историческую судьбу двух частей калмыцкого народа: «Обе группы та, что осталось, и та, что откочевала, попали под господство великой иностранной державы, хотя окажется, что последние получили больше свободы вести свою кочевую жизнь, хранить свои обычаи и практиковать буддийскую религию, чем их собратья на Волге»[50].

Настоящая тема получила отражение в книге М. Ходарковского, посвященной развитию русско-калмыцких отношений с 1600 по 1771 гг. Откочевку автор называет Великим исходом, полагая, что ее причинами стали колонизация калмыцких земель и частое использование военной силы калмыков[51].

Таковы историографические аспекты проблемы. Подведем итоги:

События 1771 г. постоянно привлекали внимание исследователей. Тем не менее, очевидно, что многие вопросы, связанные с откочевкой, освещены в отечественной и зарубежной литературе явно недостаточно. Весьма кратко в большинстве работ рассматривается период от смерти хана Аюки до 1771 г. Лишь несколько авторов, среди которых отметим М.М.Батмаева и А.В.Цюрюмова, обратились к внутренним проблемам Калмыцкого ханства в XVIII в. Мало изученным в историографии является процесс социально-хозяйственных изменений в ханстве во второй половине XVIII в., под влиянием которого правящая верхушка приняла решение об уходе. Что касается основных этапов откочевки, то исследователи рассматривали в основном ее организацию. Мало известно о маршруте, обстоятельствах ухода, не совсем понятна позиция казахского султана Аблая, не выяснен вопрос о предварительных контактах калмыков с Китаем. Узость источниковой базы объясняет тот факт, что некоторые общие работы в концептуальном и фактическом плане лишены оригинального содержания.

Ряд недостатков имеют исследования советского периода, в основу которых легли теории, в значительной степени исчерпавшие свою методологическую ценность в настоящее время. Разработка таких вопросов, как колониальная политика царизма в Калмыкии в XVIII в., роль Тибета в осуществлении откочевки, нуждается в серьезной корректировке.

Далеко не ясно, имел ли место в ханстве политический и экономический кризис накануне откочевки в Джунгарию. Разноголосица в вопросах о причинах и инициаторах ухода, численности покинувших Россию калмыков свидетельствует о необходимости более глубокого изучения проблемы.

В настоящей работе автор ставит своей целью воссоздать, по возможности, достоверную картину истории откочевки значительной части калмыков из России в Китай в 1771 г. В плане реализации этой цели предполагается решить следующие проблемы:

1. выявить, какие изменения претерпела политика правительства по отношению к калмыкам в период утверждения абсолютизма в России;
2. исследовать исторические условия и предпосылки возникновения плана возвращения в Джунгарию;
3. определить, каково было соотношение внутренних и внешних факторов в причинах откочевки, в чьих интересах она осуществилась, насколько широка была социальная база заговорщиков, каковы особенности массового сознания тех лет;
4. раскрыть роль Тибета и цинских властей в осуществлении откочевки;
5. восстановить обстоятельства организации и основных этапов откочевки калмыков, рассмотреть мероприятия правительства по их возврату;
6. изучить исторические последствия событий 1771 г. для калмыцкого народа.

Хронологические рамки исследования охватывают период от 1715 г. до конца XVIII в. Создание в 1715 г. контрольно-управленческого органа «Калмыцкие дела» стало отправной точкой в процессе ограничения ханской власти со стороны царского правительства. Выбор нижней границы обусловлен радикальным изменением содержания правительственной политики в Калмыцкой степи.

В книге использованы опубликованные в ПСЗ-I объявленные из Сената и сенатские указы об объявлении калмыцких ханов и наместников ханства, учреждении форпостов на Волге и Царицынской укрепленной линии, поселении Замьяна и переводе крещеных калмыков под управление П.П.Тайшина, сборе калмыцких войск для участия в русско-турецких войнах XVIII в., поселении бежавших из Китая калмыков в Колыванской губернии, ликвидации Калмыцкого ханства[53], а также указ императора Цяньлуна об усилении постов на границе с Россией в связи с намерениями волжских калмыков вернуться в Россию. Последний документ из «Да Цин Личао ишлу» («Хроники правления великой династии Цин») опубликован на английском языке Фу Лошу[54].

Делопроизводственные материалы центральных и местных учреждений XVIII в., привлеченные к исследованию, состоят из нескольких групп. Первая группа – опубликованные протоколы заседаний Императорского совета по поводу откочевки калмыков и предотвращения нового побега, в которых фикси-

ровался перечень обсуждавшихся вопросов, их изложение и решения по каждому из них[55].

Вторая группа – это судебно-следственные документы. Протоколы допросов калмыков, захваченных во время отгона скота у казахов в 1770 г., взятых в плен правительственными войсками, преследовавшими беглецов в 1771 г., возвратившихся из Китая, показания купцов, побывавших с торговыми целями на новых местах расселения ушедших, отложились в ф.36 – Состоящий при Калмыцких делах при астраханском губернаторе и в ф.35 – Калмыцкая экспедиция при астраханской губернской канцелярии Национального архива Республики Калмыкия и в фонде военно-походной канцелярии командира Сибирского корпуса Государственного архива Омской области. Материалы последнего фонда частично опубликованы в работе Н.В.Горбань и Д.Д.Орлова[56]. Названные источники сообщают информацию о подготовке откочевки, маршруте беглецов, их устройстве в составе Цинской империи. Опубликованные в сборнике «Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.» показания омского купца З.Пеньевского о взаимоотношениях хана Среднего казахского жуза Вали с цинскими властями содержат сведения о побегах калмыков из Китая[57]. Указ Е.И.Пугачева от 14 августа 1774 г. от имени Петра III к «Калмыцкой орды князю Банбуру» (адресат указа ошибочен, так как Е.И.Пугачев не знал, что Бамбар ушел в 1771 г. в Китай) и документы об участии оставшихся на Волге калмыков в Крестьянской войне 1773-1775 гг. и планах восставших отойти в Джунгарию содержатся в опубликованных следственных материалах по делу Е.И.Пугачева и его соратников[58]. При установлении достоверности и полноты данных, сообщаемых настоящими документами, возникли трудности, связанные с особенностями происхождения, назначения и содержания такого рода источников. Так, в показаниях частных лиц встречаются неточности и пробелы, вызванные ошибками памяти, смещением событий во времени, умышленным умолчанием о тех фактах, которые могли бы усугубить вину допрашиваемых.

Третий подвид – это коллективная челобитная Л.Шапошникова, Ф.Морковцева и др. от имени яицкого войска по поводу угнетения рядовых казаков, адресованная Екатерине II, опубликованная в сборнике «Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках». Казаки писали о «нерадении» войскового атамана Танбовцева со старшинами во время перехода калмыков через Яик в январе 1771 г., разгроме беглецами яицких форпостов, захвате улусов Асархо и Маши[59].

Настоящая категория источников включает также указы, распоряжения, инструкции Коллегии иностранных дел и астраханского губернатора, рапорты, донесения состоящих при калмыцких делах; переписку местных властей с центральными органами, промемории; правительственную переписку с калмыцкими ханами и наместниками ханства по поводу подготовки и осуществления от-

кочевки, состояния оставшихся на Волге и их устройства, новых попытках побега, выезда владельцев Асархо, Цебек-Убаши, Яндыка в Санкт-Петербург и т.д. Названные источники отложились в ф.36 и ф.35 НА РК, в ф.119 – Калмыцкие дела Архива внешней политики России. В ф. 36 НА РК содержится большая масса документов, освещающих политику правительства по отношению к калмыкам, методы, применяемые им для ослабления ханской власти и ограничения зарубежных связей калмыков. Весьма интересной представляется переписка астраханских губернаторов, в частности А.П.Волынского в 1724 г. и В.Н.Татищева в 1741 г., с Коллегией иностранных дел, анализ которой показывает, что основной линией в правительственной политике являлось сохранение «баланса» между группировками калмыцких владельцев с тем, чтобы ни одна из них не усилилась настолько, что в ней оказалось бы большинство улусов. Материалы фонда повествуют о распространении христианства среди калмыков, переводе их на казачью службу, участии калмыков в войнах России. Документы отражают недовольство калмыцких владельцев участившимися случаями бегства их подвластных людей в русские города и села, где, принимая христианство, они получали покровительство местных властей и переходили под их юрисдикцию. В письмах к представителям астраханской администрации встречаются жалобы калмыцких феодалов на сокращение кочевых угодий, частое привлечение на театры военных действий России.

В документах фонда имеются сведения об изменениях, начавшихся в ханстве со второй четверти XVIII в. Отход бедноты на рыбные промыслы, на заработки в города и села на Волге, первые попытки сенокошения, земледелия были не по душе калмыцким владельцам, о чем свидетельствуют высказывания их на этот счет в переписке с местной администрацией.

В фонде сохранились письма нойона Замьяна к губернатору Н.А.Бекетову, в которых первый предупреждал о планах заговорщиков; представления Н.А.Бекетова в Коллегию иностранных дел о необходимости провести следствие; ответный рескрипт коллегии, опровергающий подозрения губернатора.

Материалы фонда отражают события ухода части калмыков из России, прием китайскими властями пришельцев, устройство их на новых местах. Документы позволяют сделать вывод, что простой народ решился на уход вследствие обманных заявлений знати и под ее принуждением. Документы, сосредоточенные в ф.35 НА РК, дают представления об изменениях, происшедших в положении волжских калмыков после ухода наместника Убаши. Материалы фонда говорят о волнениях в оставшихся на Волге улусах, причиною которых якобы было желание владельцев побудить своих подданных откочевать вслед за Убаши, о действиях астраханской администрации, направленных на пресечение возможного побега.

В ф.119 АВПР содержатся материалы, характеризующие взаимоотношения калмыков с кубанскими и крымскими татарами, политику правительства, направленную на ограничение внешних связей калмыков с соседними народами.

Документы фонда свидетельствуют о междоусобной борьбе калмыцких владельцев, которой правительство умело пользовалось для достижения своих целей. В фонде имеются сведения о христианизации калмыков, о расходах правительства на «Калмыцкие дела».

Существенный интерес представляют рапорт оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа в Коллегию иностранных дел от 12 июля 1772 г. о бедственном положении волжских калмыков в Джунгарии, опубликованный в сборнике «Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.»[60], и доклад дачэня Сэбутэна Балэчжуэра императору Цяньлуну о причинах, побудивших часть калмыков откочевать с Волги в Джунгарию, появившийся на английском языке в переводе Фу Лошу в ее публикации «Документальная хроника отношений Китая с Западом»[61].

Актовые материалы представлены в исследовании сосредоточенными в ф.36 и ф.35 НА РК и в ф.119 АВПР грамотами правительства к калмыцким ханам и наместникам ханства и отдельным владельцам, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы политические сделки – договоры между «частным» (юридическим или физическим) лицом и государством. Особый интерес представляет грамота Екатерины II от 12 августа 1762 г., которая подтверждала Убаши в звании наместника. Она содержит сведения о реорганизации Зарго, задуманной правительством для ограничения власти наместника.

Важный вид источников, используемых в работе, – экономико-географические и статистические описания. Первая группа – «путешественные записки» П.С.Палласа, И.П.Фалька, Н.П.Рычкова, участников Оренбургской экспедиции Академии Наук, с беглыми, но весьма интересными заметками о калмыках[62]. Среди них выделяются записки Н.П.Рычкова, который наблюдал в 1771 г. бегство калмыков[63]. Он назвал инициаторами ухода духовных лиц. Н.П.Рычков сообщал, что калмыки, захваченные в плен во время откочевки, показывали на допросах: «Многие причины... принудили их уклониться из российского подданства, но самыя главнейшия поощрения к тому были не столько от их владетелей, сколько от некоего их ламы..., который будучи почитаем от народа за человека бессмертнаго, возбуждал всех именем своих богов идти в Зюнгорию и восстановить там древнее свое владычество»[64]. Автор правильно отметил, что большинство калмыков покинуло волжские пределы против своей воли, следуя только повелению своих владельцев. Из более поздних наблюдателей Астраханской губернии нужно отметить И.Потоцкого и Б.Бергманна, составив-

ших замечания о положении калмыков накануне ухода[65]. Последний автор провел некоторое время среди волжских калмыков, где познакомился с коллежским комиссаром М.Везелевым, захваченным во время ухода людьми Убаши. Показания М.Везелева легли в основу работы Б.Бергманна. Автор сообщал, что подготовка к уходу длилась несколько лет, на протяжении которых в окружении наместника проходили собрания заговорщиков. Он назвал инициатором откочевки Цебек-Доржи, речь которого процитировал в своем сочинении без указания на источник, что вызывает наше сомнение в ее достоверности[66]. В эту группу источников входят описания путешествий Г.Е.Грумм-Гржимайло, Г.Н.Потанина, Р.Данибегашвили, К.Риттера, содержащие данные о положении калмыков в Китае[67]. В работе К.Риттера утверждалось, что удаление необузданной торгоутской орды в Джунгарию накануне восстания Е.И.Пугачева было настоящим счастьем для русских. Ошибкой автора являлась идеализация политики цинского Китая в отношении пришельцев, которым якобы была предоставлена свободная кочевая жизнь и многочисленные привилегии.

Вторая группа – это статистические описания Н.Я.Бичурина, И.К.Кириллова, М.М.Щербатова, оснащенные цифровым материалом, с отрывочными сведениями о волжских и китайских калмыках[68]. Третью группу составило топографическое описание Оренбургской губернии П.И.Рычкова с краткими данными о калмыках[69]. К четвертой группе относится географический словарь Л.Н.Максимовича, содержащий статью о калмыках со сведениями о событиях 1771 г[70].

В монографии используются в качестве источников мемуары и дневники: сочинение В.М.Бакунина «Описание калмыцкого народа» с ценными сведениями по истории калмыков первой трети XVIII в., свидетелем и участником которых был автор[71], журнал казачьего атамана Волошанина и поручика Зейферта, преследовавших калмыков до границ Китая в 1771 г.[72], книга Чунь Юаня «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана»[73], записки Тулишена о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712-1715 гг.[74], записки И.Х.Шпичера о сопровождении названного посольства[75], дневники состоящих при калмыцких делах, сосредоточенные в ф.36 НА РК. Чунь Юань выразил мнение, что планы возвращения в Джунгарию были составлены Шеаренгом. Назвав побег калмыков «безрассудным», он сравнил их с перелетными птицами, которые получив «бытие и силы в одной стране, отлетают в другую»[76].

Для исследования представляют интерес справочные издания: энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, содержащий статью о калмыках со сведениями об откочевке[77], и справочник А.Хаммела о знаменитых китайцах цинского периода[78].

Важные сведения об откочевке содержатся в летописи «Мэн-гу-му-цзи»[79].

Хроника «Шэнь-у-цзи» дает представление о планах Китая в отношении прикочевавших в 1771 г. калмыков[80]. Летописное произведение «Сказание о дербен-ойратах» Батур-Убуши Тюменя расширяет представления о положении оставшихся на Волге калмыков[81].

Таким образом, круг источников, используемых в книге, достаточно широк. Их комплексное использование позволит, на наш взгляд, раскрыть проблематику исследования.

Монография является первым специальным исследованием откочевки большей части калмыков из России в Китай. Автор впервые предпринял попытку соединить исследование исторического менталитета с анализом поведения калмыков в ситуации 1771 г. Преимущественное внимание обращается на анализ политики абсолютизма в Калмыкии внутренних и внешних проблем Калмыцкого ханства в предшествующий откочевке период, детализацию истории подготовки и самого процесса ухода, его последствий. Наконец, некоторые документы НА РК и АВПР были впервые введены автором в научный оборот.

Цель и задачи определили структуру работы. Она состоит из введения, трех глав, разделенных на семь параграфов, заключения, приложений, снабжена библиографией. Прежде всего, в книге рассматривается социально-экономическое и политическое положение Калмыцкого ханства в 1715-1767 гг. и политика абсолютизма в Калмыкии. Основное внимание автор уделяет выявлению причин откочёвки в Джунгарию (глава 1). В работе исследуется организация и основные этапы ухода (глава 2). Проведённый анализ позволяет показать последствия роковых событий 1771 г. для калмыцкого народа (глава 3).

Глава I. КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО В 1715-1767 гг.: ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА

1. ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ХАНСКОЙ ВЛАСТИ

На протяжении второй половины XVII в. и отчасти первой четверти XVIII в. правительство России мало вмешивалось во внутренние дела Калмыцкого ханства, довольствуясь использованием калмыков для охраны юго-восточных границ и привлечением их к участию в различных военных походах. Существовало несколько причин, в силу которых правительство допускало в то время известную политическую и экономическую независимость ханства в составе России. Во-первых, как подчеркнул К.И.Костенков, оно не имело в продолжении этого периода возможности «силою оружия усмирить и держать в покорности эту дикую орду»[1]. Специфический образ жизни калмыков, их сравнительная многочисленность и мобильность, а также наличие относительно свободного коридора от Волги до джунгарских пределов, останавливали широкомасштабные ограничительные санкции правительства. Во-вторых, полупокорный кочевой народ, который являлся в мирное время «живым оплотом от вторжения кавказских горцев и разных орд из глубины Азии»[2] в южные пределы страны, принимал активное участие в военных кампаниях России. В-третьих, отношения с калмыками, добровольно вступившими в состав России, служили наглядным примером национальной политики царизма. Такие факты, как признание государственности у калмыков, предоставление им территории для кочевок, выплата ханам и знатным владельцам царского жалованья, замена сбора ясака несением военной службы, демонстрировали лояльность правительства по отношению к народам, принявшим русское подданство.

Национальная политика царизма в целом и по отношению к калмыкам в частности в означенный период была довольно гибкой. Геополитические условия вынуждали российские правительства проводить осторожную национальную политику, чтобы сохранить единство огромного многонационального государства. Учитывая особенности, традиции, верования, обычаи, уровень экономического развития, царизм выработал определенную систему административного управления национальными районами. Традиционной в означенный период была и политика веротерпимости: русские власти сохраняли конфессиональные особенности национальных регионов. Русский национализм, как справедливо заметил А.Н.Сахаров, был обращен «не внутрь страны, не по отношению

к населяющим ее народам ..., а во вне страны, по отношению к ее исконно внешним врагам»[3].

Однако времена менялись. В первой четверти XVIII в. в России завершился переход от сословно-представительной монархии к абсолютной. Причем, если в Европе абсолютизм являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии, то в России он формировался до появления буржуазных отношений, что сделало государство субьектом исторического процесса в большей мере, нежели в Европе[4]. Государство, являющееся инициатором социально-экономических пребразований, столкнулось с необходимостью перестройки политических институтов, поэтому утверждение абсолютизма в России было связано с радикальными реформами всей политической системы.

Глубокие политические и социально-экономические преобразования совпали по времени с переориентацией внешней политики России в начале XVIII в. с южного направления на северное. Одержав победу в Северной войне над Швецией, Россия превратилась в великую европейскую державу, международный авторитет которой еще более возрос после персидского похода.

Социально-экономические преобразования в XVIII в. сопровождались сдвигами в системе местного административного аппарата, его учреждений и институтов. В результате проведения в 1708-1719 гг. двух областных реформ в стране появилась трехступенчатая система учреждений (губерния – провинция – уезд). Существенным отличием организации управления в XVIII в. по сравнению с XVII в. стало, по мнению С.М.Троицкого то, что «в губернии, провинции и уезде правил не один человек, а «канцелярия», которая делилась на «экспедиции» («столы»),»повытья» и разного рода делопроизводства»[5]. Возглавляли эти структурные подразделения канцелярские служащие разных рангов. В интересующей нас Астраханской губернской канцелярии, сообщал Ю.В.Готье, «три кописта имели самостоятельные делопроизводства и ведали сношениями с калмыками и другими восточными народами»[6].

Создание системы российского абсолютизма, сдвиги в экономическом развитии, расширение территории, успехи на международной арене обусловили изменение общей политики царизма в национальных районах. От обороны Россия переходит к экспансии. В результате такого рода политических тенденций складывается русская самодержавная национальная идеология обращенная «не только вне страны, но и внутрь ее. В имперской России, – писал А.Н.Сахаров, – уже имеет место четкое разделение на русских и инородцев. И по мере укрепления абсолютистского государства и его унитарных черт стеснения былой вольности народов ... эта разница обозначается все более и более четко»[7]. В новых исторических условиях российские правительства в большей степени вынуждены были дифференцировать политику, проводимую в национальных

районах. В первой половине XVIII в. усилилось экономическое и военное давление России на Степь. Россия переняла на Западе европоцентристское сознание превосходства над Азией; понятия «кочевники», «Восток» приобрели негативный характер. Важным критерием, определявшим разграничение с миром Степи, служила религия; понятие «иноверцы» стало коллективным обозначением нехристиан империи. В первой четверти XVIII в. наметились изменения в правительственном курсе по отношению к Калмыцкому ханству, на которые обратили внимание отечественные исследователи. Н.А.Нефедьев связывал истоки правительственного надзора за калмыками с учреждением конторы калмыцких и татарских дел[8], М.Г.Новолетов – с губернаторством в Астрахани А.П.-Волынского[9]. Думается, отправной точкой в процессе ограничения калмыцких ханов стал 1715 год, накануне которого Калмыкию потряс комплекс внутренних и внешних проблем. Озабоченность Аюки-хана вызывали тогда не только многолетняя борьба феодальных группировок за власть и семейные дрязги [10], но и усиление противников ханства, что прослеживается в его послании к государственному канцлеру Г.И.Головкину: «Ради многих российских дел воевался было с башкирцами, с крымцами и кубанцами, и донскими казаками и с астраханцы, и с казачьею ордою и с каракалпаками, и оные все со мною неприятели»[11]. Кризисной обстановкой в улусах поспешили воспользоваться кубанские татары. В описании В.М.Бакунина события начала 1715 г. выглядят следующим образом: «... кубанский Бактагирей – солтан с войсками приходил на Волгу и при Астрахани нападал на хана Аюку и на калмыцкие улусы и несколько разорил, и Аюкину кибитку со всем багажом взял»[12]. Аюка поспешил укрыться под охраной выведенного из Астрахани к реке Болде отряда князя А.Бековича-Черкасского.

После этого случая хан обратился в Санкт-Петербург с просьбой прислать воинский отряд для помощи в борьбе с неприятелями. У российского правительства появилась возможность дополнить традиционные местные институты власти специальным учреждением территориальной компетенции. Так родилась идея создания особого правительственного контрольно- управленческого органа «Калмыцкие дела». В улусы был откомандирован стольник Д.Е.Бахметьев с отрядом в 600 человек. Формально он имел целью охрану жизни Аюки, однако истинной задачей Д.Е.Бахметьева стал контроль за «верностью» хана. В инструкции, данной стольнику Коллегией иностранных дел, ему поручался «надзор» за дипломатическими связями ханства с другими государствами. Д.Е.Бахметьеву поручалось «секретно разведывать» и регулярно докладывать иностранной коллегии о настроении и поведении хана[13]. Крайне осторожный Аюка настоял на переводе стольника в 1718 г. в Саратов. Состоящий при Калмыцких делах осуществлял посредническую роль в сношениях хана первоначально с Посольским приказом, а с 1718 г. – с Коллегией иностранных дел. Должность эта про-

существовала более полувека и была упразднена в связи с откочевкой части калмыков в Джунгарию.

В первой четверти XVIII в. обострилась междоусобная борьба в среде феодальных правителей ханства. Аюка писал Д.Е. Бахметьеву, что «над сыном своим Чапдержапом и другими тайшами не имеет воли: они бы и еще больше своевольничали, если б не знали, что царское величество к нему, хану, милостив и для его охранения прислал своих служилых людей»[14]. Но серьезной помощи в борьбе за укрепление ханства Аюка от Д.Е.Бахметьева не получил, так как последний не обладал еще достаточным влиянием на феодальную знать. Тот же Чакдорчжаб, принимавший участие в военных столкновениях между кубанскими татарами и кабардинцами, игнорировал распоряжения Д.Е. Бахметьева. Он заявил посланцу стольника: «Бахметев не велит ходить на кубанцев, а кубанцы русских людей и калмыков разоряют, а мне русских людей и калмыков жаль и хочу кубанцев разорить без остатка; турецкого султана и крымского хана они мало и слушают; я рад хотя с собакою идти на кубанцев, а Бахметева и других никого слушать не буду, буду слушать указу царского величества, каков будет прислан за государевою подписью и печатью с денщиком, который бы мог между мною и кубанцами рассудить, за дело ли я с ними ссорюсь или нет»[15]. Функции руководителя « Калмыцких дел» со временем расширились. Преемники Д.Е.Бахметьева подполковник Н.Львов и капитан В.П.Беклемишев, контролируя деятельность хана, выполняли также роли посредников в конфликтных ситуациях, возникающих порой между русской и калмыцкой сторонами. Правительство проявляло живой интерес к вопросу о наследнике калмыцкого хана. В инструкциях руководителям «Калмыцких дел» рекомендовалось «усматривать и наведаться, кого из детей своих, он, Аюкай хан, по смерти своей в наследии оставить хочет»[16]. Н.Львов, а затем В.П. Беклемишев должны были приложить усилия, чтобы обеспечить утверждение в ханской должности нойонами наиболее лояльного по отношению к России кандидата.

В 1719 г. калмыцкие дела передали в ведение астраханского губернатора. Главой только что образованной Астраханской губернии стал А.П.Волынский. Калмыков он называл «дикой бестией»[17]. В своей деятельности губернатор взял на вооружение идею защиты российских интересов, рассчитывая ослабить ханскую власть. В.М.Бакунин сообщал, что Аюка «к бывшим в Астрахани боярам и воеводам и к другим российским командирам письма свои писал указами и сие продолжал до бытности в Астрахани губернатора Волынского, который то весьма пресек возвратною к нему таких его указов обсылкою»[18].

В 20-х гг. XVIII в. основным содержанием нового курса правительства по отношению к ханской власти стало постепенное и осторожное ограничение ее самостоятельности. Правительство стремилось свести к минимуму возмож-

ность калмыцких ханов вести независимую внешнюю политику. Еще в шертях, данных Аюкой, можно было наблюдать первые шаги в этом направлении: калмыков обязали не вступать в несанкционированные отношения с Крымом, Джунгарским ханством, Цинской империей. Эти ограничения не помешали, однако, хану укрепить свои внешнеполитические позиции, а в 1680 г. в результате договора с крымцами и азовцами совершить набег на Пензу[19]. По мнению Н.Н.Пальмова, поводом к усилению контроля за внешнеполитическими действиями Аюки было не столько нарушение шертных обязательств, сколько стремление хана «оставить Россию, он только колебался, идти ли прямо в Джунгарию, или же предварительно явиться на поклон к Богдыхану и ждать от него указаний, где расположиться кочевьями под протекторатом Китая[20]. Здесь, на наш взгляд, необходимо добавить, что хотя Аюка действительно грозился, что «пойдет и сыщет себе иную землю»[21], подобные мысли возникали у него лишь в случаях осложнения русско-калмыцких отношений, в частности по причине набегов на улусы башкирских старшин, яицких и донских казаков.

Смерть Аюки 19 февраля 1724 г. вызвала ожесточенную борьбу за верховную власть в ханстве. Еще в 1714 г. своим первым наследником и соправителем в присутствии главы духовенства, знати и китайских послов хан обьявил старшего сына Чакдорчжаба. Но тот умер 19 февраля 1722 г., передав перед смертью свое право на власть старшему сыну Досангу[22].

Аюка вместо того, чтобы выполнить последнюю волю Чакдорчжаба, в июне 1722 г. во время встречи под Саратовым с Петром I обратился к императору с просьбой поддержать кандидатуру его сына от джунгарки Дармы-Балы Церен-Дондука, которому под влиянием жены решил передать власть[23]. Чтобы ослабить позицию Досанга, хан пересcорил его с братьями. Правительственный посланник В.П.Беклемишев, вынужденный вмешаться в междоусобицу, рекомендовал Аюке не допускать «своих сыновей и внучат до войны, иначе навлечет на себя гнев императорского величества»[24] . Он напомнил хану, что калмыкам «надобно просить суда у его же величества, а не самим друг с другом управляться»[25]. Выражая свое мнение по поводу событий в ханстве в письме к канцлеру Г.И.Головкину, В.П. Беклемишев отмечал, что «никак не надобно допускать Досанга до крайнего разорения; если его оставить и этим усилить Черен-Дондука, то последний будет в воле ханского внука Дундука-Омбо, который императорскому величеству очень неверен и весь крымской партии»[26]. Правительство через губернатора А.П.Волынского пыталось примирить Досанга с братьями, чтобы противопоставить их Аюке. В письме в Санкт-Петербург А.П.Волынский докладывал,что старается «Досанга до разорения не допустить», чтобы « между ханом и Досангом баланс был, а ежели тот или другой из них придет в силу, тогда трудно иного будет по смерти Аюкиной учинить

ханом»[27] . Однако усилия губернатора не увенчались успехом. 24 ноября 1723 г. на р. Берекети за Красным Яром посланные Аюкой калмыки во главе с Дондук-Омбо напали на Досанга[28]. Хотя А.П.Волынскому, прибывшему на место сражения в три часа после полудня, удалось развести противников, это событие стало началом нового витка междоусобной борьбы в ханстве.

После смерти Аюки Дарма-Бала, от чьей позиции в тот момент зависели планы правительства и крупных калмыцких нойонов, решила оказать помощь в борьбе за престол Дондук-Омбо, за которого собралась выйти замуж[29]. Новоявленную невесту и жениха не смущало то, что Дарма-Бала формально приходилась Дондук-Омбо бабкой, пусть и неродной. Российское правительство рассчитывало поставить во главе ханства желанного для себя кандидата – влиятельного нойона Дoржи Назарова, двоюродного племянника Аюки. Этот претендент на власть в 1722 г. тайно дал в Астрахани П.А.Толстому «реверс» (обязательство), согласно которому поклялся отдать сына в аманаты (заложники) в обмен на ханский титул[30]. Действия российского правительства спровоцировали династический кризис в ханстве.

Руководитель «Калмыцких дел» В.П.Беклемишев выехал в улусы, получив указание иностранной коллегии «смотреть того, дабы по смерти ханской между его, Аюкиными детьми и внучаты и тамошними владельцы каких явных ссор не произошло, и чтоб Аюкина жена за кого не вышла, и сами б они кого не выбрали в ханы»[31]. Коллегия рекомендовала В.П.Беклемишеву добиться того, чтобы калмыки, «не именуя никакой персоны, послали просить его величество о хане»[32]. А.П.Волынский получил предписание Петра I приложить максимум усилий («лаской и подарками; если же и это не поможет, то действовать против них войском, как против неприятеля»[33]), чтобы избрать калмыцким ханом Доржи Назарова.

Борьба между четырьмя кандидатами за порядок наследования престола велась по всем «правилам средневековья», в ход пускались обманы, интриги, заговоры, убийства. Дондук-Омбо ультимативно заявил о намерении в случае неблагоприятного исхода выборов откочевать на Кубань, в чем получил поддержку своего двоюродного брата Дондук-Даши. Ханша Дарма-Бала, свадьба которой с Дондук-Омбо благодаря усилиям В.П.Беклемишева была расстроена, грозилась уйти в Джунгарию. В.М.Бакунин сообщал, что она « отпустила от себя к Зенгорскому владельцу Хонтайши ... зайсанга своего Еке Абугая... для прошения его протекции»[34].

Российское правительство, обеспокоенное возможностью ухода калмыков на Кубань или Джунгарию, через Коллегию иностранных дел поручило В.П.Беклемишеву перевести их внутрь Царицынской укрепленной линии[35]. Это распоряжение вызвало недовольство Дондук-Омбо, который направил на линию

к бригадиру Шамардину посланца с жалобой: «Если теперь нам за линию или за Волгу идти не позволишь, то разы нам, калмыкам, и скотине нашей помереть, потому что заперты в такой тесноте, что ни хлеба и ничего другого нет»[36].

Между тем, в первоначальные планы правительства пришлось внести коррективы, так как Доржи Назаров в этот момент отошел от А.П.Волынского и отказался от активной борьбы за ханский трон. Очевидно, он понял, что выбор его кандидатуры был продиктован далеко идущими планами российского двора на ограничение власти калмыцкого хана и намерением добиться согласия на это со стороны самого слабого претендента на престол (у Досанга и Церен-Дондука как прямых наследников имелось больше шансов получить ханский титул). Поэтому А.П. Волынский решил провозгласить наместником ханства Церен-Дондука, которому оказал поддержку глава духовенства Шакур-лама. Последний заверил губернатора, что Церен-Дондук «и впредь императорскому величеству будет верен и никуда не уйдет, ... а если ... задумает что-нибудь недоброе, то я донесу, тогда его и переменить можно будет»[37] . Мотивируя свой выбор, А.П.Волынский писал А.И.Остерману: «Хотя знатные калмыки доброжелательные равно почитают его (Церен-Дондука – Е.Д.) и Досанга, что и самая правда, понеже они оба и глупы и пьяны, а Черен-Дундук видится еще поглупее, он же и с епилепсиею, однако улусами своими мало не вдвое сильнее Досанга, а к тому ж много при нем и людей умных и добрых, в том числе и Шахур-лама»[38].

20 сентября 1724 г. Церен-Дондук был провозглашен наместником ханства[39].

События 1724 г. в Калмыцком ханстве вызвали однозначную трактовку в историографии. К.И.Костенков писал, что не для пустой формальности у калмыков было отнято право собственного выбора ханов[40] . По мнению Ф.А.Бюлера, назначение Церен-Дондука наместником обещало царскому правительству «упрочение влияния его на калмыков и обуздание независимого управления ими»[41]. Титул наместника умалял силы Церен-Дондука, уподобляя его с государственным чиновником, которого не трудно сместить в случае необходимости.

Вмешавшись в борьбу за ханский трон, русское правительство использовало политические средства, чтобы постепенно укрепить свое влияние в Степи. При этом дипломатические отношения с Калмыкией следовали традиционным образцам «степной политики», которая сводилась к передаче власти своему ставленнику на престол, к личным союзам-коалициям. Правительство определило направления внешнеполитической и внутренней деятельности Церен-Дондука, о чем свидетельствует содержание присяги, данной наместником: 1) верно служить императору, 2) с неприятелями императора «дружбы и пересы-

лок не иметь», 3) чинить справедливый суд и искоренять воровство, 4) не держать в своих улусах кубанских татар. Наместник был поощрен решением Сената денежным и хлебным жалованьем (500 руб. и 1000 четв. ржаной муки в год)[42]. Требования российской стороны вызвали гнев матери наместника. Дарма-Бала «расплакалась, драла себе лицо и волосы и, выдрав несколько волос, бросила их на Церен-Дондука, приговаривая, что эти волосы по смерти взыщутся на нем»[43].

Утвердив Церен-Дондука наместником, Москва искусно старалась внести раскол в среду кочевников, поддерживая сильных соперников молодого правителя. Основы такой политики были заложены еще в первые годы правления Петра I, который считал необходимым, «чтобы калмыцкий народ разделен был надвое» и «зело изволил быть доволен», когда в 1723 г. дербетские улусы во главе с тайшей Четерем, воспользовавшись междоусобием, отошли на Дон, а подвластные калмыкам ембулуцкие и едисанские татары – на Кубань.[44] В период правления Аюки губернатор А.П.Волынский доносил в Коллегию иностранных дел, что «для содержания калмык ничто так не потребно, чтоб между Аюкой ханом и протчими владельцы баланс был. Буде же один из них улусами силен, тогда уж трудно приводить в добрый порядок и прямое подданство»[45]. Когда в сентябре 1725 г. к губернатору обратились несколько зайсангов из улусов хошоутовских тайшей с просьбой разрешить присоединиться к наместнику ханства, что приумножило бы силы Церен-Дондука, А.П.Волынский разрешения не дал, но не противился откочевке зайсангов к тайше Четерю[46].

Практика поддержания искусственного равновесия между феодальными группировками проводилась русским правительством и в других национальных районах. К примеру, в Казахстане, собираясь провозгласить ханом Младшего жуза Нурали, царская администрация не намеревалась усилить его власть настолько, чтобы отпала необходимость в ханах для Среднего жуза. Для равновесия власти оренбургский губернатор И.И.Неплюев поддерживал влиятельного султана Барака, «чтобы при первой необходимости противопоставить его хану ..., стремившемуся к чрезмерному усилению власти»[47]. Сам И.И.Неплюев считал, что « в киргизском народе между протчими особливо главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может»[48]. Полагая, что создание в казахской степи централизованной власти противоречило интересам российского правительства, он отмечал: «нынешняя их форма правления по дикости народной и по ситуации обоих Орд (т.е. Младшего и Среднего жузов – Е.Д.) для высочайших его императорского величества интересов такова, каковой всегда быть надобно, ибо сильные ханы, тем под случай народного их неспокойства во усмирении их больших трудностей, лутшее кажется средство в нынешней их мере содержать, не допуская ни ту, ни другую сторону силиться,

так и в большое безсилие приходить»[49]. Как видим, рассуждения астраханского и оренбургского губернаторов по поводу управления калмыками и казахами по сути идентичны, что говорит о стремлении русского правительства усилить контроль над национальными районами.

В годы семилетнего правления Церен-Дондука царизм использовал междоусобную борьбу в Калмыцком ханстве в своих целях. Политика сохранения баланса между группировками феодальной знати ослабляла позиции Церен-Дондука и вызывала тревогу ханши Дармы-Балы. Она не оставила попыток убедить сына покинуть российские пределы. В.М.Бакунин сообщал, что в 1725 г. ханша «всеми ее силами старалась все калмыцкие улусы от Волги отвести в Зенгорское владение, обнадеживая сына своего Черен Дондука, что хотя Хонтайши улусы протчих их калмыцких владельцев и раскосует по своим, но ее с детьми (то есть с ним, Черен Дондуком, и Галдан Данжином) оставит при собственных их улусах»[50]. Лишь при посредничестве Шакур-ламы и зайсангов Аюки Самтана и Ямана губернатору А.П.Волынскому удалось отговорить наместника от этих планов.

Неустойчивость политической ориентации Церен-Дондука беспокоила правительство, особенно в связи с событиями 1731 г. В январе этого года в Москву прибыла дипломатическая миссия из Китая с просьбой пропустить ее в калмыцкие улусы. Цель посольства состояла в том, чтобы получить поддержку волжских калмыков в борьбе Цинской империи против джунгар. Ранее аналогичную задачу преследовала миссия Тулишена, посетившая в 1714 г. Калмыкию.[51]

Маньчжуры, пытаясь привлечь калмыков на свою сторону, тщательно скрывали истинную задачу своих посольств, ездивших на Волгу. В монгольской летописи «Повествование о внешней политике Джунгарии» указано, что посольство Тулишена было направлено с целью ознакомления с начальниками России и определения маршрута для возвращения из Пекина племянника Аюки Арабжура[52]. В действительности же, главной целью миссии было выяснение возможности использования калмыков против Джунгарии.

Однако Аюка отклонил предложения китайцев заключить антиджунгарский союз. Цинский посол убедился, что калмыки, являясь подданными России, не могут без санкции русского правительства заключать внешние договоры.

Тем не менее, император Канси после встречи с Тулишеном остался доволен результатами миссии. Записки посла, составленные во время этой поездки, получили его официальное одобрение[53]. Этот факт позволил А.Хаммелу сделать вывод, что во время визита цинского посольства калмыки получили предложение вернуться в Центральную Азию[54]. Французский исследователь Кордье также утверждал, что задачей миссии Тулишена было возвращение торгоутов на их родину[55]. Это мнение разделял и А.А.Ивановский, упоминавший о «сде-

ланных китайцами обещаниях и приглашениях ... возвратиться в китайские владения». Он писал, что блистательный результат этих переговоров мудрого государя, вероятно сим не ограничившихся..., оказался 58 лет спустя (т.е. в 1771 г. – Е.Д.) уже в царствование Кянь-Луня (Цзянь-Луня)»[56]. К сожалению имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют прояснить этот вопрос. Если переговоры по поводу возвращения калмыков и велись в 1714 г., логично было бы предположить, что они происходили в обстановке величайшей секретности. Однако, на наш взгляд, цинский двор, руководствуясь военно-стратегическими соображениями, не стал бы настаивать на возвращении в Центральную Азию волжских калмыков, не заручившись предварительно их согласием на создание антиджунгарского союза. Борьба ойратов за сохранение самостоятельности делала неизбежным возобновление ойрато-цинской войны. Возвращение в этих условиях в Джунгарию независимых волжских калмыков, способных пойти на сближение с ханом Цеваном-Рабданом, противоречило интересам цинской дипломатии.

Итак, в 1731 г. китайский император, который весьма редко отправлял дипломатические миссии за пределы страны, вновь нарушил традиции и, рискуя получить отказ, повторил попытку создания антиджунгарской коалиции. Чтобы причина посылки в столь дальний путь цинской миссии не показалась российскому двору неосновательной, император распорядился включить послов к калмыкам в состав общего посольства, которое отправилось в Москву с поздравлениями по случаю восшествия на престол Анны Ивановны.

Во время неофициональных бесед с императрицей цинские послы, возглавляемые Тоши, стремились добиться поддержки своих планов в отношении Джунгарии[57], но русское правительство было заинтересовано лишь в развитии торговых отношений с Китаем. Уклонившись от ответа, Анна Ивановна разрешила цинским послам съездить на Волгу. Однако иностранная коллегия поручила секретарю «Калмыцких дел» В.М.Бакунину везти их «весьма медленно», чтобы дать время астраханскому губернатору И.П.Измайлову доехать в улусы и объявить Церен-Дондука ханом[58]. Последний, присягнув 1 мая 1731 г. на верность России, получил от И.П.Измайлова знаки ханского достоинства. Следуя совету правительства, Церен-Дондук в переговорах с китайскими дипломатами от предложений маньчжур отказался.

Особый интерес маньчжурские послы проявили в 1731 г. к проживающему в ханстве с 1725 г. Лоузанг-Шоно, брату джунгарского правителя Галдан-Церена, который приходился по матери внуком Аюке[59]. Лоузанг-Шоно рассказывал, что джунгарское войско хотело его объявить наследником Цеван-Рабдана в обход Галдан-Церена, отчего последний оклеветал его перед отцом, поэтому он был выслан из Джунгарии, а его мать убита. Он призывал калмыков вос-

становить справедливость в Джунгарии. По сообщению И.Глазунова, послы предлагали ему отправиться в Пекин, чтобы продолжить борьбу с Галдан-Цереном. Однако императрица не разрешила Лоузанг-Шоно совершить поездку в Цинскую империю[60].

С 1731 г. ханский титул присваивался правителю Калмыкии русским императором, что свидетельствовало об изменении правового статуса ханства, которое в 30-х гг. XVIII в. превратилось в юридическом смысле в неотъемлемую часть России[61]. Принципиальные изменения во взаимоотношениях Калмыкии с Россией подтверждают тексты присяги Церен-Дондука: «... ныне по вручении мне ханства и главной команды над всем народом калмыцким служить верно, как подданному надлежит»[62], и указа Сената 1731 г.: «Калмыцкий народ, состоя в подданстве Российской державы, без воли Российского правительства ничего сам собою делать не может»[63].

Однако инициативы российского двора не имели ценности в глазах калмыков. Церен-Дондук, как верно заметил В.И.Колесник, понимал, что ханская власть «на законной основе могла быть ему делегирована только самим калмыцким обществом и согласно калмыцким традициям»[64]. Поэтому с нетерпением ожидая посольства, отправленного в 1729 г. в Лхасу к Далай-ламе, он укреплял свои внешнеполитические позиции. В 1734 г. Церен-Дондук оказал военную помощь сыну кубанского султана Бахты-Гирея, принимал у себя турецкое посольство, направил миссию к персидскому шаху. Однако ни один его шаг не ускользнул от внимания В.П.Беклемишева, который систематически доносил в Коллегию иностранных дел информацию о ситуации в ставке хана. «Калмыцкие дела» стали своеобразным «оком государевым», контролирующим внешние сношения хана с соседями.

В 1734 г. посланцы Церен-Дондука во главе с Намки Геленем были задержаны в Сибири, откуда их привезли в Москву. Из отобранных у них писем с печатью Далай-ламы руководству Коллегии иностранных дел стало известно, что послы побывали в Пекине, где «свой калмыцкий народ российскими подданными не признавали»[65]. Объявив посланцев виновными в том, что они без санкции правительства «к Богдохану в Пекин заезжали», коллегия поручила В.П.Беклемишеву потребовать у Церен-Дондука «изъяснения, в какой образ и для чего степной путь им показан, и какой чин ему, Черен Дондуку, Далай-лама дает»[66]. Калмыцкий хан был вынужден писать объяснения, где указал, что Намки Гелен не получал от него приказа посетить китайского императора. Ханский титул, добавлял Церен-Дондук, пожалован ему «для того, что и отцу его, Аюке, ханский чин был дан от Далай-ламы ж»[67].

Между тем, присвоение императрицей ханского титула непопулярному Церен-Дондуку вызвало недовольство не только оппозиции, но и тех нойонов,

которые сохраняли нейтралитет в противоборстве наместника с Дондук-Омбо. Последний после тайных переговоров с кубанскими султанами принимает решение покинуть пределы России. 9 ноября 1731 г., разгромив в урочище Сасыколи ханское войско, Дондук-Омбо увел на Кубань 11000 кибиток. Там он предпринял попытку войти в контакт с крымским ханом, за спиной которого стоял турецкий султан[68]. В начале декабря 1731 г. ханша Дарма-Бала через своего посланца ко двору, зайсанга Иши, дала знать руководству Коллегии иностранных дел, что Дондук-Омбо, учиня обиду Церен-Дондуку, «не похочет при Волге и при Яике жить, а уйдет в чужую землю»[69].

Упорство Дондук-Омбо, не желавшего возвращаться в улусы, противоречило планам правительства, ведущего приготовления к предстоящей войне с Турцией, в которой оно рассчитывало использовать военную силу калмыков. Церен-Дондук, потерявший контроль за ситуацией в ханстве, был отстранен от власти с формулировкой: «... учинил себя весьма слабо, а к тому ж и спился»[70]. Переговоры об условиях возвращения Дондук-Омбо завершились объявлением 7 марта 1735 г. непокорного нойона главным управителем калмыцкого народа[71].

Как видим, прагматично-гибкая политика правительства по отношению к калмыкам формировалась применительно к той или иной исторической ситуации. Однако главное ее содержание было неизменным: оно заключалось в ограничении политической независимости Калмыцкого ханства. С 30-х гг. XVIII в. Россия присваивает себе право назначать и снимать правителей Калмыкии.

В начавшейся в 1735 г. русско-турецкой войне Дондук-Омбо представилась возможность продемонстрировать верную службу правительству и одновременно усилить свою власть, чем он не преминул воспользоваться. Выслав большой отряд калмыков в главную армию в Крым, Дондук-Омбо вместе с 40-тысячным корпусом выступил на Северный Кавказ. В 1736 г. в результате двух военных походов он разгромил сильные отряды кубанских татар и привел их в российское подданство. Дондук-Омбо обязал горцев платить дань не русским властям, а калмыцкому правителю[72]. Его военные успехи, «ревность и прилежность» были отмечены императрицей Анной Ивановной, и 3 марта 1737 г. Дондук-Омбо был пожалован ханским титулом. Его ежегодное жалованье возросло до 3 тыс. рублей и 2000 четвертей муки[73].

В первый же год своего правления Дондук-Омбо, отличавшийся умом, волей и тем, что мог действовать без общего согласия, задался целью укрепить верховную власть в ханстве. Он решил устранить или нейтрализовать отдельных нойонов, носителей сепаратистских тенденций, в которых видел главную причину неудач политики Церен-Дондука. По его требованию из ханства были удалены Церен-Дондук и Шакур-лама, занимавший проправительственную позицию. Их улусы отошли к Дондук-Омбо, что значительно увеличило

владения нового правителя. В 1737 г. к ханскому домену были присоединены владения Дарма-Балы и ее сына Галдан-Данжина[74].

Ради упрочения централизации Дондук-Омбо предпочел путь террора, способствующий быстрому усилению его личной власти. О методах хана В.М.Бакунин писал: «владельцев изводил и улусы их по собственной своей воле отнимал и другим владельцам раздавал»[75]. В борьбе с возможными соперниками Дондук-Омбо не останавливался в выборе средств: «не взирая ни на владельцев, ни на знатных, ни на подлых, ни на духовных, ни на всякий мужской пол и женский, иных умерщвлял, других арестовывал, а иных и вовсе искоренял, а потом писал об них, что они какую-либо противность учинили русскому правительству»[76]. Будучи человеком крайне мнительным, новый правитель старался быть в курсе всех событий в ханстве. Бату, сын Чакдорчжаба, сообщал астраханскому вице-губернатору Ф.И.Соймонову, что Дондук-Омбо «для своей предосторожности ко всякому владельцу посылает для присмотру своих верных калмык под видом якобы за делами»[77].

Стремясь ликвидировать остатки политической раздробленности и установить единоличную власть, хан использовал жесткие методы управления вассальными нойонами. «В расчете уничтожить их самостоятельность, парализовать влияние на улусы и превратить в послушных исполнителей ханской воли, – писал Н.Н.Пальмов, – Дондук-Омбо применяет к ним систему настоящего террора»[78]. Вместе с устранением неугодных владельцев хан заменял подвластных им зайсангов на преданных ему выходцев из простолюдинов.

По мнению В.И.Колесника, Дондук-Омбо приходилось постоянно доказывать закономерность совершенного при активной поддержке царизма государственного переворота, в результате которого он узурпировал власть в ханстве[79]. Поэтому при случае он старался продемонстрировать свою независимость от русского правительства. Роль астраханского губернатора в управлении калмыцким народом в 1735-1741 гг. была сведена к минимуму. Военные заслуги Дондук-Омбо обусловили определенные уступки ханской власти. В 1737 г. от руководства «Калмыцкими делами» по просьбе хана был отстранен В.П.Беклемишев. Однако чрезмерное укрепление позиций хана не входило в планы российского правительства, которое пыталось сбалансировать его власть путем протекционирования Дондук-Даши. Дондук-Омбо видел в своем двоюродном брате основного соперника и неоднократно просил удалить его из улусов: «ежели бы оного Дондук Дашу для кочевания от меня отвели во отдаленные места, и то б мне было приятно»[80]. В 1737 г. Дондук-Даши вызвали в Астрахань, а затем для безопасности перевели в Санкт-Петербург[81].

Разгромив противников из среды феодальной знати, Дондук-Омбо встретился с проявлениями сепаратизма в собственной семье. Летом 1738 г. против

хана восстал его старший сын Галдан-Норбо[82]. Убийство сына Досанга Чидана, совершенное по приказу хана, и его опрометчивый шаг в вопросе престолонаследия спровоцировали выступления против Дондук-Омбо. Под влиянием второй жены, кабардинской княжны Джан, хан решил сделать своим преемником ее сына Рандула, обойдя Галдан-Норбо. Вокруг последнего объединились владельцы Бай, сын Доржи Назарова, Бамбар, сын Лубжи, Лекбей, зять Чакдорчжаба и другие, готовые силой оружия противостоять Дондук-Омбо. Ситуация для хана осложнялась тем, что Галдан-Норбо возглавил калмыцкое войско, собранное для похода против казахов[83].

Острота момента вынудила Дондук-Омбо, уняв гордыню, просить помощи у русских властей, положивших конец вражде отца и сына. Вмешательство российской стороны было вызвано опасениями, что восставшие нойоны уйдут в Джунгарию. Эти события усилили подозрительность Дондук-Омбо к своему окружению. Он выслал Галдан-Норбо в Царицын, а зайсангов, принимавших участие в волнениях, приказал арестовать и отправить в Астрахань[84].

Последние годы жизни хана были трагичны. По воспоминаниям канцлера М.И.Воронцова, он сделался «напоследок» вредным не только всему калмыцкому народу, но и собственной его фамилии[85]. Умер Дондук-Омбо 21 марта 1741 г. спустя восемь месяцев после смерти Галдан-Норбо в Казани, куда тот был переправлен из Царицына. Результаты его правления были крайне противоречивыми. Дондук-Омбо удалось ограничить вмешательство правительства во внутреннюю жизнь ханства. Было подорвано экономическое состояние нойонов, выступавших против централизации. В то же время в годы его упорной борьбы за ханский престол, а затем за утверждение единоличной власти сильно ухудшилось положение простолюдинов.

Смерть Дондук-Омбо вызвала новый всплеск борьбы за верховную власть в ханстве между феодальными группировками. Противоборствующие стороны возглавили женщины: за спиной Рандула стояла ханша Джан, интересы Галдан-Данжина защищала Дарма-Бала. Российское правительство было уведомлено о желании Дондук-Омбо оставить своим наследником Рандула, а до его совершеннолетия назначить опекуншей Джан. Однако царскую администрацию больше устраивала кандидатура Галдан-Данжина, которого поддерживали многие владельцы[86]. Все карты спутала ханша Джан, она приказала командующему ханским войском Бодонгу устранить Галдан-Данжина с политической сцены и захватить его с Дарма-Балой улусы. 27 июня 1741 г. в урочище Бага-Болхун Галдан-Данжин и его сторонники были убиты. Только вмешательство астраханского губернатора М.М.Голицына спасло улусы Дарма-Балы и ее погибшего сына от разгрома[87]. Обстановка в ханстве обострилась, было очевидно, что усобица разгорится с новой силой.

«Успокоить» калмыков российское правительство поручило известному историку В.Н.Татищеву, назначенному в 1741 г. астраханским губернатором. Прибыв в Царицын, он организовал ряд встреч с влиятельными нойонами, во время которых предупредил их о намерениях правительства в отношении Дондук-Даши. Затем В.Н.Татищев дважды посещал ханшу Джан с целью убедить ее возвратить отобранные Дондук-Омбо улусы их законным владельцам, но положительного результата не добился.

16 ноября 1741 г. он провозгласил наместником ханства Дондук-Даши. В присягу нового правителя были включены обязательства верно служить России, не иметь самостоятельных связей с ее неприятелями, не принимать под свою власть крещеных калмыков, отдать в аманаты сына Асарая[88].

Ханша Джан отказалась присутствовать на церемонии провозглашения Дондук-Даши наместником. По совету своих сторонников 21 января 1742 г. Джан бежала из улусов в Кабарду. Она рассчитывала на поддержку иранского шаха Надира, с которым вступила в переписку. Предательство Бодонга, ее главного союзника, ослабило позиции ханши. Осознав безнадежность своего положения и утратив силы для возобновления открытой борьбы, Джан возвратилась к Астрахани, откуда вскоре была переправлена в столицу, где со своими детьми приняла православную веру и фамилию Дондукова[89].

Между тем, наместник, чтобы укрепить верховную власть, задумал присоединить к себе улусы Церен-Дондука, Дондук-Омбо и Галдан-Данжина. Однако В.Н.Татищев высказал сомнение в необходимости такого мероприятия. В послании вице-канцлеру А.И.Остерману он писал, что если разрешить Дондук-Даши объединить улусы под своим началом, то в такой ситуации «остается в разсуждении, коим порядком учредить, чтоб его власть в случае пременности опасною быть не могла»[90]. Руководство Коллегии иностранных дел разделяло мнение губернатора. В указе коллегии от 18 января 1742 г. рекомендовалось Дондук-Даши «так содержать, чтоб он других владельцев был немного посильнея, а сверх того других улусов ему к себе забирать не допускать»[91]. Решение правительства вызвало негодование наместника и оттолкнуло его от В.Н.Татищева, сыгравшего в этом деле не последнюю роль[92]. Однако открыто выразить свое недовольство Дондук-Даши не мог, опасаясь за судьбу Асарая, взятого в заложники. Нужно отметить, что Дондук-Даши был первым калмыцким правителем, выполнившим требование России передать в аманататы своего сына. Это обстоятельство обусловило личную зависимость наместника от русской администрации, что сковывало его действия. Если Дондук-Омбо принимал царские грамоты, сидя и не снимая головного убора [93], то Дондук-Даши не гнушался ездить в русские города для встреч с местной администрацией[94].

Ослаблением позиций наместника воспользовались некоторые нойоны, но-

сители сепаратистских тенденций. Владелец Дербетовского улуса Лабан-Дондук, сын Четеря, беспрекословно подчинявшийся воле прежнего правителя[95], отказывался кочевать совместно с улусами Дондук-Даши. Тяготясь собственным бессилием, наместник с грустью констатировал в письме к астраханскому губернатору Д.Ф.Еропкину:» ... хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу»[96].

Новым ударом для Дондук-Даши стала смерть в Астрахани от оспы 16 августа 1744 г. Асарая[97]. Отцовское горе усилило неприязнь наместника к представителям царской администрации, особенно к В.Н.Татищеву. В 1745 и 1747 гг. нарастал поток известий из ставки Дондук-Даши о планах откочевки калмыков из пределов России[98]. Правительственный резидент полковник Н.Г.Спицын доносил в Коллегию иностранных дел о «вредительных замыслах» наместника и его окружения[99]. Насколько Дондук-Даши был готов к осуществлению этой идеи сказать трудно, скорее всего, слухи о его намерениях были делом рук недоброжелателей наместника, стремившихся очернить его в глазах правительства. Во всяком случае, в последующие годы не было замечено фактов непослушания со стороны калмыцкого правителя. Несмотря на лояльность Дондук-Даши его наместничество затянулось почти на 17 лет. Только 30 апреля 1758 г. за три года до смерти он был провозглашен калмыцким ханом. Тогда же правительство утвердило его сына Убаши наместником ханства, чтобы избежать в будущем междоусобной борьбы за верховную власть[100].

Однако после смерти Дондук-Даши 21 января 1761 г. неопытному Убаши не удалось взять ситуацию в ханстве под свой контроль[101]. Растерянность молодого правителя породила произвол отдельных нойонов, сопровождавшийся открытыми выступлениями. Дербетские владельцы, получившие в 1744 г. разрешение кочевать на Дону и не подчиняться власти Дондук-Даши, перед его смертью силой были переведены внутрь ханских улусов на р. Кума. В 1761 г. главный дербетский нойон Галдан-Церен вновь увел свои улусы на Дон. Вскоре к нему присоединился багацохуровский нойон Цебек-Доржи, сын Галдан-Норбо, с братьями Аксахалом и Кирипом. Цебек-Доржи объявил, что наместник хочет умертвить его и отказался вернуться в улусы[102]. В донскую группировку также перешли икицохуровские нойоны Асархо и Маши. Таким образом, события развивались по сценарию 1732 г. По мнению А.М.Позднеева, Цебек-Доржи «хотел всецело подражать своему деду и надеялся, что как Дондук-Омбо, бежав на Кубань был возвращен оттуда с пожалованием ему старшинства над всеми владельцами, точно так и его русские вызовут для управления»[103].

Распоряжения Убаши встречали резкое сопротивление нойонов Яндыка, дяди наместника, Бамбара, внука Доржи Назарова, хошоутовского Замьяна. В середине 1762 г. взбунтовались Эркетеневский и часть Багацохуровского улу-

са, растревоженные распространившимися слухами о недолгом наместничестве Убаши и замене его на Цебек-Доржи, а также о скором возвращении крещеной княгини Веры Дондуковой с детьми. С каждым днем слухи обрастали новыми деталями, в улусах говорили о намерении правительства крестить всех калмыков, разделить улусы по-новому. Бамбар и примкнувшие к нему владельцы под влиянием этих слухов приняли решение откочевать на Кубань или за Яик.

Российская местная администрация успокаивала калмыков, сообщая о беспочвенности передаваемых в народе слухов. Бригадиру А.Д.Бехтееву, назначенному к «Калмыцким делам», был отправлен на случай необходимости драгунский полк с предписанием, «если уговоры не подействуют, то употребить и воинский поиск; но сделать так, чтобы не могло явиться причины к большему их отчуждению и уходу за границу»[104].

Как известно, Вера Дондукова не оставляла надежды получить улусы мужа, Церен-Дондука и Галдан-Данжина для себя и двоих сыновей от Дондук-Омбо (остальных уже не было в живых). После смерти Дондук-Даши она обратилась в Коллегию иностранных дел с просьбой построить ей на казенные средства дом в Енотаевске, куда попеременно отпускать Алексея и Иону с военной службы для управления теми улусами[105].

Наследником Багацохуровского улуса объявил себя и прибывший с Дона в Санкт-Петербург Цебек-Доржи. Заявляя, что по «природе и обыкновению» он состоит в равном чине, «как Убаша, понеже Аюки-хана ... внук», Цебек-Доржи предъявил также претензии на половину оставшихся от Дондук-Омбо, Церен-Дондука и Галдан-Данжина улусов. Он добивался разрешения кочевать отдельно от наместника и подчиняться напрямую Коллегии иностранных дел[106].

В 1762 г. к власти в России в результате дворцового переворота пришла Екатерина II. В ее царствование с наибольшей полнотой выявились абсолютистские тенденции, направленные на устранение различий в управлении и социальной сфере. Она решила комплекс проблем, накопившихся к этому времени. Галдан-Церен и Цебек-Доржи получили отказ в своих просьбах. Багацохуровский улус был закреплен за двумя сыновьями Веры Дондуковой, которую отпустили в Енотаевск, назначив жалованье по 2000 рублей в год. С нее было взято обещание не вмешиваться в дела калмыцких улусов, соблюдать христианские обряды и не поддерживать связей с родственниками кабардинцами, равно как и с другими соседними народами. В Енотаевске было начато строительство дома для нее за счет казны. Улусу Дондуковых предписывалось кочевать со всеми остальными, подчиняться указам Убаши и решениям Зарго. Жить же в своих владениях крещеным Дондуковым запрещалось. Подати с подвластного населения они должны были собирать через своих зайсангов. Алексей и Иона получили также по 1000 душ крепостных в российских губерниях[107].

По поручению Коллегии иностранных дел В.М.Бакунин разработал и подал императрице доклад о новых методах управления калмыцким народом. В основу доклада легло его же представление в коллегию от 11 июня 1761 г., в котором он предлагал осуществить ряд мероприятий для достижения стабильности в ханстве[108].

В.М.Бакунин, действительный статский советник и член присутствия Коллегии иностранных дел, хорошо знал международную обстановку на юго-восточных границах империи. За 34 года службы он многократно участвовал в переговорах с калмыцкими владельцами, служил при губернаторе А.П.Волынском, а затем при командире «Калмыцких дел» В.П.Беклемишеве в качестве переводчика. В.М.Бакунин сыграл важную роль в борьбе за власть между наследниками Аюки в первой половине 20-х гг. XVIII в. Наведываясь в ставку наместника Церен-Дондука, он следил за ситуацией в улусах, отчего проницательная ханша Дарма-Бала его невзлюбила и прозвала «проведовальщиком»[109]. Участие молодого дипломата в примирении сыновей Чакдорчжаба дорого обошлось ему. В 1725 г. один из них, Нитар-Доржи, «зазвав его, Бакунина, к себе в кибитку, бил его палками, метался на него с кинжалом, хотел его из ружья застрелить»[110]. В 1731 г. В.М.Бакунин сопровождал китайское посольство к калмыкам до Саратова. Но в улусы ехать он отказался под предлогом того, что многие владельцы испытывают к нему неприязнь. В письме к В.П.Беклемишеву 22 мая 1731 г. он оправдывал свой отказ: «мои к ним представления действа иметь не будут и до своих с китайцами конференцей могут меня не допустить ...хотя б я того от них и домогся, но оные по своей злости при китайцах не будут меня с таким почтением принимать, как надлежит присланного от двора, ...и тако надо мною хотя б и иного ничего не учинилось, но и тем мне интересом Ея Императорского Величества никакой пользы учинить будет невозможно, точию при таких чюжестранных послах могут учинить тем государственный стыд, за что и без ответа пробыть не могу»[111]. Возможно, все эти события стояли перед глазами автора, когда он составлял свой доклад об изменении системы управления калмыками.

В.М.Бакунин считал, что молодость наместника и ситуация, «когда он остается еще неподтвержденным» дают возможность «нечувствительным образом силы и власти его убавить», а владельцев «для содержания в сем народе спокойствия, оставить в настоящем повиновении к их калмыцкому правительству». Реализовать на практике эти идеи он предлагал путем реорганизации Зарго, существовавшего при калмыцких ханах судебно-административного органа. Изменения в структуре Зарго сводились к следующему: если раньше назначение самим ханом всех восьми заргучеев (судей) происходило из числа знатных зайсангов его собственных улусов, то отныне предлагалось выбирать

их от всех крупных улусов пропорционально численности населения. Заргучеи должны были решать все вопросы с ведома наместника по большинству голосов. В спорных ситуациях рассмотрение проблемы выносилось на усмотрение наместника и российского командира «Калмыцких дел», которые сообща выносили решение. Если бы и они не смогли достичь компромисса, вопрос передавался на обсуждение в Коллегию иностранных дел.

С целью уменьшить зависимость Зарго от калмыцких владельцев, право лишения судейского звания коллегия взяла на себя. Правительство намерено было превратить заргучеев в независимых от ханской власти государственных чиновников, потому обязалось выплачивать им ежегодное жалованье по 100 рублей. В.М.Бакунин возлагал надежды на то, что ничем не обязанные наместнику заргучеи, зайсанги других владельцев, будут доносить о его действиях, в первую очередь внешнеполитических, в коллегию, а «заграничным народам столько как прежних ханов уважать его нужды не будет, когда ему по малой его силе» невозможно станет подчинять весь калмыцкий народ своим распоряжениям[112].

После одобрения императрицей доклада иностранной коллегии на его основе была составлена и отправлена в улусы грамота от 12 августа 1762 г., подтверждающая Убаши в звании наместника. Предписывалось сформировать состав Зарго в количестве трех зайсангов от наместниковых улусов, одного зайсанга или духовного от шабинеров, четырех зайсангов из «цохуровых», «табун отоковых», дербетских и хошоутских улусов соответственно. Грамотою рекомендовалось в случаях, когда ни заргучеи, ни наместник с российским командиром «Калмыцких дел» и с теми же заргучеями не смогут решить сообща какой-то вопрос, не терпящий отлагательств, собирать в Зарго близко кочующих нойонов и знатных зайсангов и решать дело с общего с ними совета. Право выбора председателя Зарго передавалось наместнику и владельцам. Дела предписывалось решать по древним калмыцким законам и обычаям.

В компетенцию Зарго вошли также бракоразводные процессы владельцев и назначение мест кочевания[113]. Земельная собственность у калмыков в основном реализовывалась в форме присвоения земли как пастбища для скота. Право на временное отделение и закрепление пастбищных территорий за конкретными владельцами с их улусами ранее принадлежало исключительно калмыцким ханам[114]. Передача этого права заргучеям ослабила ханскую власть.

Таким образом, проведенная при Екатерине II радикальная реорганизация Зарго стала своеобразной альтернативой ранним попыткам прежнего российского руководства ограничить ханскую власть путем сохранения пресловутого «баланса» между группировками калмыцких феодалов. Прогнозы правительства оправдались. Введение пропорциональной избирательной системы, бла-

годаря чему распределение мест в Зарго не зависело более от наместника, а его мнение перестало быть решающим, значительно ослабило позиции Убаши. Как верно отмечал А.М.Позднеев, «при таком порядке вещей ханская власть должна была потерять почти все свое значение»[115]. В итоге рядовые калмыки все чаще обращались к русскому руководителю «Калмыцких дел» в конфликтных ситуациях, так как Зарго постепенно утрачивал свой авторитет.

«Опробовав» новый курс на калмыках, правительство Екатерины II приступило к ограничению автономии казахов. Оказывая покровительство казахским феодалам в 30-50-х гг. XVIII в., царизм не собирался уравнивать их в правах с русскими дворянами, имея намерение в будущем ликвидировать ханскую власть и феодалов как класс путем превращения их в «свободных сельских и городских обывателей». Проведение этих мероприятий совпало с 80-ми гг. XVIII в., когда положение ханской власти не отличалось стабильностью. Осенью 1786 г. Екатерина II утвердила проект О.А.Игельстрома, призванный ослабить, а затем уничтожить ханскую власть в Младшем жузе. Там в соответсвии с проектом были созданы новые органы управления – пограничный суд и зависимые от него расправы, которые состояли из казахской знати и представителей царской администрации. Нововведение преследовало цель – распространить общие губернские учреждения на казахскую степь. Реформа О.А.Игельстрома, ущемлявшая власть казахских султанов, была встречена ими враждебно. Неудивительно, что расправы фактически не собирались, а пограничный суд бездействовал[116].

Как видим, политика ограничения национальной автономии калмыков и казахов во второй половине XVIII в. прослеживается в изменении системы управления ими. Реформы В.М.Бакунина и О.А.Игельстрома, ликвидирующие самовластие ханов, вызвали ответную негативную реакцию калмыцких и казахских феодалов, стремившихся сохранить свои привилегии и независимость.

С течением времени важнейшим фактором политического развития Калмыцкого ханства стало все более обостряющееся противостояние двух властей – калмыцкой – в лице наместника и русской – в лице астраханского губернатора и командира «Калмыцких дел». Последние вели настойчивую борьбу за включение калмыков в общеимперскую систему управления на фоне расширявшихся социально-экономических сдвигов в России, вызванных развитием капиталистических отношений, в то время, как феодальная верхушка ханства во главе с Убаши, безуспешно искала методы противоборства усиливающемуся давлению российской стороны с целью сохранения национальной автономии. Отчаявшись отыскать таковые, она принимает роковое решение об откочевке из российских пределов.

Таким образом, в исторических условиях XVIII в. взаимоотношения Рос-

сии и Калмыкии претерпели изменения по сравнению с предыдущим периодом. С утверждением абсолютной монархии в России власть калмыцких ханов медленно, но верно ограничивалась. Если до начала XVIII в. воеводы выступали посредниками в отношениях калмыков с центральной властью, то астраханские губернаторы (в 1719-1771), командиры «Калмыцких дел» (в 1715-1771) активно вмешивались во внутренние дела ханства, контролировали его внешнеполитическую деятельность. Образное, но точное определение взаимоотношений России и Калмыкии дал С.М.Соловьев, подметивший, что «сильная орда Калмыцкая, зашедшая к Волге, охвачена была государством и понапрасну билась в его крепких обьятиях»[117].

Наступая на права степных владельцев, царское правительство, тем не менее, до 1771 г. широко использовало калмыков для решения сложных военно-политических задач России, главным образом на юго-востоке страны. Калмыки приняли активное участие в русско-турецкой (1735-1739), русско-шведской (1741-1743), Семилетней (1756-1763) войнах. Во время войны России с Турцией в 1768-1774 гг. Калмыкия мобилизовала все наличные войска. Участие в многочисленных войнах России дорого обходилось калмыцкому народу. На театры военных действий призывалось от 3000 до 20000 воинов, выступавших в поход на своих лошадях и в полном боевом снаряжении. В известной ситуации 1736 г. наместник Дондук-Омбо отправил большой корпус калмыков в главную армию в Крым, собрал еще 40-тысячное войско для похода на Кубань. Военные успехи Дондук-Омбо были отмечены императрицей, увеличившей жалованье наместнику и знатным владельцам. Н.Н.Пальмов в связи с этим отметил: «щедры... были награды Дондук-Омбе и калмыцким владельцам от русского правительства, но велики были и их услуги России во время турецкой войны 1735-1739 годов, когда значительные военные силы калмыков оперировали и на Северном Кавказе, и в Крыму»[118]. К сожалению, невозможно определить масштабы калмыцких материальных и людских жертв, однако, очевидно, что напряжение, которого требует любая война, вело к «истощению народного организма»[119].

Частое привлечение калмыков к участию в военных действиях России вызывало недовольство и возмущение не только калмыцкой знати, но и простолюдинов. Накануне ухода из России простолюдины жаловались, «что они, калмыки, берутся в государеву службу большим числом, пришли в изнурение и крайнее разорение»[120].

По справедливому замечанию К.П.Шовунова, центральным звеном в политике, осуществляемой правительством России по отношению к калмыкам, была идея постепенного перевода их военной силы в составную часть русской армии. Однако, если во время Северной войны (1700-1721), войны с Турцией

(1735-1739) царская администрация «создавала видимость договорных начал с правителями Калмыкии», то в последующие годы «преобладающими стали методы директивных указаний государственных и военных ведомств по отношению к ханской власти»[121]. Так, в 1768 г. наместник Убаши получил царский указ о необходимости предоставления военной силы калмыков (20000 человек) в Крым в армию П.А.Румянцева. Самому Убаши предписывалось с остальными силами следовать на Кубань для совместных дейсвий с корпусом генерал-майора И.Ф. де Медема против местных татар[122].

В апреле 1769 г., выполняя правительственное распоряжение, Убаши снарядил 20-тысячный корпус в основную армию, а затем отправился на Кубань. Кубанские татары во главе с мурзой Сохуром Арасланбеком, убедившись, что калмыцкая конница ушла в Крым, решили напасть на улусы. 28 апреля 4500 кубанских татар и кабардинцев, не подозревавших о движении наместника, вышли к р. Калаус, где наткнулись на караул калмыков, отстоящий на 60 верст от главных сил. 29 апреля в два часа после полудня началось сражение. После артиллерийского обстрела, проведенного командой руководителя « Калмыцких дел» И.А.Кишенского, в атаку ринулась калмыцкая конница. Бойзакончился с наступлением темноты полным разгромом татар, потерявших около 4 тыс. человек[123].

Летом 1769 г. наместник продолжал участвовать в военных действиях на Кубани в составе корпуса И.Ф.де Медема. В 1770 г. Убаши провел ряд военных операций на Северном Кавказе. Однако между генерал-майором и Убаши произошла размолвка. 5 сентября 1770 г. наместник увел калмыков в улусы.

Очевидно, что в основе поступка Убаши лежали более веские причины, чем личный конфликт с И.Ф. де Медемом. Комиссар М.С.Везелев, находившийся в калмыцком плену, слышал от них, что «он, наместник, во время употребления калмыцкого войска против кубанских татар с досадою то видеть принужден был, когда кто из калмык, не щадя живота своего, к службе верность оказывал»[124]. Пожалованный за верную службу портрет Екатерины II, украшенный драгоценными камнями, который 8 августа 1769 г. И.А.Кишенской привез Убаши, не мог «затмить досады» наместника, который был недоволен недостатком денежного содержания, обмундирования и продовольствия во время военного похода калмыцкой конницы в составе русской армии в 1769-1770 гг.

Можно полагать, что политика военных ведомств России по отношению к калмыкам в определенной мере способствовала принятию решения об откочевке. 21 декабря 1770 г. за две недели до ухода калмыков правительство направило наместнику очередную грамоту с повелением снарядить 10-тысячное войско для готовящейся кампании, а также оказать поддержку И.Ф.де Медему. Примечательно, что 4 января 1771 г. Убаши, призывая калмыков к откочев-

ке, обьявил среди прочего о намерении российского правительства перевести «для написания в солдаты десять тысяч калмык» [125], чем вызвал массовое недовольство.

«Существовали ... различные формы взаимовлияния кочевых и оседлых народов, – отмечал Д Кшибеков, – в зависимости от конкретных условий это взаимовлияние могло быть пассивным или активным"[126]. Одной из форм влияния оседлых народов на кочевников в Калмыкии являлось распространение у них христианской религии. Приняв в свой состав калмыков, Россия сохранила их конфессиональные особенности. Однако традиционная российская веротерпимость не исключала миссионерской деятельности православной церкви. По мнению астраханского губернатора А.П.Волынского, крещение калмыков было выгодно России не только вцерковном, но и в политическом отношении, так как таким путем можно привести их «в совершенную покорность русской власти и ассимилировать ... в образе жизни к русским»[127].

С начала XVIII в. число калмыков, принявших христианство увеличилось, что вызывало беспокойство калмыцких владельцев. Когда в 1714 г. около 76 семей во главе с демчеем Тугусом крестились и занялись земледелием на «порозжей земле» на р. Терешка близ Саратова, Аюка пожаловался Петру I, что его хотят «отогнать от Волги». Ответом хану стал указ царя от 25 января 1717 г., в котором говорилось: «которые калмыки сами по желанию своему будут приходить и крещения просить, и тех, дабы тебе, подданному нашему досад от них не было, по Волге и в близости улусов твоих селить не велено, но отсылать их для крещения и поселения в иные русские места»[128]. С того времени всех крещеных калмыков отправляли в пограничный город Чугуев для усиления местного гарнизона. Некрещенные калмыки, бежавшие от своих правителей, согласно указу подлежали возвращению в улусы.

Тревогу Аюки вызвало не столько сокращение территории кочевий по причине предоставления в 1714 г. земли для крещеной группы Тугуса, сколько опасение что принятие православия калмыками станет своеобразной формой ухода их от владельцев. Ведь достаточно было бежавшему калмыку заявить о желании принять христианскую веру, чтобы стать недосягаемым для своего правителя и получить защиту от него у русских властей. Для простолюдинов порой крещение оставалось едва ли не единственным путем избавления от эксплуатации владельцев. В годы феодальных усобиц, от которых больше страдали рядовые калмыки, количество желающих креститься увеличивалось. Так, в 1723 г. после сражения войск Дондук-Омбо с Досангом на р. Берекети губернатор А.П.Волынский писал Г.И.Головкину: «Я думал, что эта ссора будет вредить нашему интересу, однако надеюсь, что по этому случаю многие сделаются христианами; у меня об этом уже говорено, и надеюсь убедить кого-

нибудь из Чапдержаповых детей, а дела их можно поправить со временем без всякого труда»[129]. Во время феодальной усобицы 1732-1734 гг. архимандриту Никодиму Ленкеевичу, получившему от Синода особую инструкцию «О просвещении новокрещенных калмыков учением христианской веры», удалось привлечь в христианство 1232 калмыка, а всего за время его пребывания в ханстве – 1664 человека[130].

Несмотря на традиционную верность религии предков, простолюдины временами оказывались в ситуациях, которые требовали смены религиозной ориентации. Показателен в этом плане случай калмычки Кишикты, обратившейся в 1763 г. с просьбой о крещении в Астраханскую губернскую канцелярию. Она рассказала, что жила в Багацохуровском улусе и после смерти отца «по бедности их « насильно была взята « в услужение» калмыком Бюлгунбаем, так как отец не возвратил ему долг в виде лошади и коровы. Отработав восемь лет, в течение которых «как сначала начали ее употреблять во все услуги, яко настоящую холопку, а она, как выше сказано, не точно ево холопка, но взята им по усилию за долг, который через помянутые лета она уже заслужила», Кишикта решилась креститься, чтобы избавиться от произвола и тирании хозяина»[131].

Правительство было заинтересовано в христианизации не только рядового населения улусов. Оно полагало, что союз с калмыцкой феодальной верхушкой будет более прочным, если ее представители примут православную веру. Сам император был восприемником крестившегося в Петербурге в 1724 г. владельца Баксадай-Доржи, внука Аюки-хана. Интересы последнего были отнюдь не бескорыстны: он надеялся получить ханский титул после смерти деда, о чем и просил Петра I[132]. Однако подобные случаи были скорее исключением из правил, так как основная часть феодалов, сохранявшая преданность ламаизму, противилась переходу калмыков в православную веру. Покровительство русских властей новокрещенным не нравилось и калмыцкому духовенству. С.М.Соловьев отмечал, что А.П.Волынский, нуждаясь в поддержке Шакур-ламы, «боялся сильно действовать для распространения христианства между калмыками, как от него требовал Сенат. Сенат приказывал обьявить Досангу, что ему не отдадут взятых у него родственниками улусов (в междоусобице 1723 г.- Е.Д.) до тех пор, пока он не примет христианства»[133]. В ответ губернатор докладывал, что будет « трудиться и склонять его, но если он не захочет, то никакими мерами нельзя его улусов удержать»[134]. Петр I, которому доложили о сути конфликта, постановил: «отдать каждому свое». В 1725 г., рассмотрев вопрос о распространении христианства среди калмыков, Сенат принял решение проводить эту политику «ласкою, а не принуждением». В резолюции, направленной А.П.Волынскому, предписывалось: «... если Досанг захочет креститься, то его крестить, а если не захочет, то не принуждать и улусы отдать без задержания»[135].

Калмыцкие владельцы, терявшие в лице бежавших креститься источник доходов, настойчиво требовали у русской администрации возвращения их подданных. Вдова Досанга негодовала: «А как из улусу моего от дачи податей и от воровства все креститца разбредутся, то мне на пропитание брать улусов не останетца, так и владельцом быть будет невозможно»[136].

Простолюдины же, заметив эффективность нового способа борьбы против усиления феодальной эксплуатации, все чаще использовали его для облегчения своего положения. В 1734 г. ханша Дарма-Бала беспокоилась, что «... их калмыки как сына ея, хана Черен-Дондука, так и ея не слушают и всегда стращают, что в городы для крещения уходить будут».[137] Дондук-Омбо «своевольство» калмыков обьяснял тем, что владельцы новокрещенных «поданных своих за вины их штрафовать и наказывать не могут»[138].

Придя к власти, он с присущей ему энергией стал возводить преграды для проведения христианизации калмыков. В 1736 г. он обратился к правительству с просьбой возвратить крешеных калмыков, в случае «ежели ж те крещеные в его улусы не отдадутся, то б их всех от Волги отвести в дальние российские места тамо, яко сущих россиян, поселить и употребить бы в службу»[139]. В правительственном ответе хану сообщалось, что власти не находят возможности возвратить крещеных калмыков их владельцам, а тем более запретить желающим принимать православную веру. Правительство обещало переселить всех крещеных калмыков подальше от улусов под началом П.П.Тайшина (Баксадай-Доржи). Оно согласилось отказывать в крещении и возвращать владельцам калмыков, совершивших преступления[140]. П.П.Тайшин прибыл в ханство в апреле 1736 г. Он обьявил, что приказом правительства «для него, Петра Тайшина, с крещеными калмыками можно недалеко от Астрахани построить город, в котором они могут зимовать, а летом кочевать, где хотят»[141]. Это известие было принято владельцами с недовольством. Особенно беспокоился зайсанг Билютка, о котором А.П.Волынский в 1724 г. писал: «в Досанговых улусах дельный один Билютка, и тот только на свой интерес,... и если его императорское величество изволит пожаловать Досанга главным, то, конечно, наделает Билютка между ними столько пакостей, что потом трудно и разобрать будет»[142]. В ответ на заявление П.П.Тайшина Билютка говорил, что «россияне желают всех их калмык крестить и поселить, и чтоб они советовали и положили на чем-нибудь на одном-б куда-нибудь от России откочевать». Для себя же зайсанг решил: «лучше ... помереть в своей вере». Он предложил Досангу и Нитар-Доржи, сыновьям Чакдорчжаба, «кочевать до времени между Кубани и Волги по шти рекам и Манычу»[143]. Этот эпизод свидетельствует о решительности, с которой калмыцкая знать готова была противодействовать миссионерской деятельности православной церкви и ее сторонников из рядов степных владельцев. Об

эффективности такого противодействия можно судить по поступку наместника Дондук-Даши, захватившего в 40-х гг. имущество и семью хошоутовского нойона Ончика, заявившего о намерении креститься. Наместник недвусмысленно предостерегал: «Когда кто уже крестился, мы не требуем, а хотя кто креститься желает, и о том мы уведаем, и от того удержим, или хотя и побьем до смерти, за то на нас штрафа не взыскивалось, для того что они еще в наших руках»[144]. В конфликт вмешался губернатор В.Н.Татищев, но и это не спасло Ончика.

После смерти П.П.Тайшина в 1739 г. для вдовы и крещеных калмыков, попавших под ее управление, была построена крепость Ставрополь на левом берегу Волги. Ставропольское калмыцкое поселение первоначально насчитывало около 700 крещеных семей[145]. Как видим, политика разьединения калмыков уже во второй четверти XVIII в. имела результаты. Изоляция крещеных калмыков от некрещенной массы сородичей была компромиссом между калмыцкими ханами и русским правительством. Поселение крещеных калмыков среди оседлого населения и перевод их в казачье сословие без привлечения больших материальных затрат увеличивали иррегулярные войска России.

В то же время, нужно добавить, что процесс христианизации калмыков в XVIII в. не был столь массовым, как в последующий период. Оказывая покровительство крещеным, русские власти не принуждали основную часть калмыцкого населения отказываться от своей веры. Принятие христианства было добровольным актом со стороны желающих креститься. Правительство стремилось создать правовую основу для перевода калмыков в православие. О важном аспекте, который учитывала российская сторона, строя свои отношения с ханством, П.Смирнов писал: «Если же не допускать извращения заповедей христианства, то православная церковь может быть важным средством слияния калмыков с русскими»[145].

Но дальнейшие успехи процесса христианизации могли углубить противоречия между правительством и калмыцкими владельцами, в среде которых, думается, в 60-70-е гг. XVIII в. многие разделяли взгляды зайсанга Билютки. Боязнь потери подвластных людей как источника доходов заставляла калмыцких феодалов с тревогой следить за миссионерской деятельностью православной церкви, хотя последняя не выходила за рамки правительственной политики веротерпимости[146].

Важной проблемой русско-калмыцких отношений в середине XVIII в. стал «неусыпный» контроль руководителя «Калмыцких дел» за внешнеполитическими действиями правителей Калмыкии[147]. Если во второй половине XVII в. и в первой четверти XVIII в. калмыки сохраняли тесные связи с Западной Монголией и Тибетом [148], то уже к 40-м гг. XVIII в. дипломатические связи Калмыкии ограничились редкими посольствами в Тибет к Далай-ламе. Из-за связей кал-

мыков с Лхасой они находились под подозрением по поводу их двойственной лояльности. Одновременно правительство России провело ряд мер, направленных на сокращение торговых связей калмыков с соседними народами. Это привело к тому, что «с 50-х гг. последние совсем прекратились по крайней мере в открытой форме, вызвав большое недовольство калмыков, – сообщает М.М.Батмаев, – так как скот их ценился там, особенно на Северном Кавказе (который тогда еще не входил в состав России) часто дороже, чем в соответствующих российских местах»[149]. В 1750 г. наместник Дондук-Даши безрезультатно пытался убедить астраханского губернатора И.А.Брылкина в наличии у калмыков, как российских подданных, таких же прав торговать с другими государствами в мирное время, какими пользовались русские купцы и торговцы других национальностей[150].

Таким образом, главной линией правительственной политики в XVIII в. стала последовательная ликвидация относительной самостоятельности Калмыкии.

2. ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЛМЫЦКОГО ОБЩЕСТВА

На протяжении XVIII в. можно констатировать тенденцию к освоению территории калмыцких кочевий, их колонизации крестьянским населением и военными переселенцами. Спецификой этой колонизации являлось то, что экономический прогресс выражался не столько в изменении типа хозяйствования, сколько в количественном увеличении площади осваиваемых земель. Первыми колонистами Нижнего Поволжья стали военные переселенцы. В 1717 г. для охраны построенной Царицынской укрепленной линии с Дона в междуречье Иловли и Волги перевели около 1000 семей казаков. Позже они составили основу Волжского казачьего войска[151]. Постройка линии привела к сокращению территориальных границ калмыцких кочевий. Калмыки, отмечал И.К.Кириллов, «кочевье имеют, переходя с места на место, где пока корм скоту их есть»[152]. Карта Астраханской губернии, составленная в 1766 г. обер-квартирмейстером Н.А.Бекетовым, делит их кочевья на зимние, которые располагаются в нагорной степи, от крепости Царицынской до Терека, и на летние, прилегающие в луговой степи, от Каспийского побережья до земель, лежащих на левобережье Волги севернее Саратова[153]. Линия преградила калмыкам выход в междуречье Дона и Волги, из-за чего произошел сдвиг их зимних кочевий на юг. Они стали заходить в междуречье Кумы и Терека (в пределах нижнего течения)[154].

После постройки Царицынской укрепленной линии на Нижней Волге появились новые деревни, жителями которых стали переведенные сюда из Пензенс-

кого и Симбирского уездов помещиками крестьяне. Поселенцы оставались приписанными к тем уездам, где проживали ранее, что вызывало трудности в управлении ими, а «ворам и разбойникам бесстрашие»[155]. Поэтому астраханский губернатор В.Н.Татищев предлагал правительству в 1743 г. приписать уезды к волжским городам (Саратову, Дмитриевску и др.), отмежевать городам, казачьим гарнизонам и близживущим крестьянам, желающим поселиться, земельные участки. Он сообщал, что «еще земли многие, к населению удобные, остаются праздны»[156]. При этом В.Н.Татищев не упомянул, что на этих «праздных» землях издавна кочевали калмыки.

В 1742 г. на правом берегу Волги, между Астраханью и Черным Яром, российские власти начали строительство Енотаевской крепости для зимовок наместника Дондук-Даши[157]. Когда он отказался проживать в Енотаевске, там поселился руководитель «Калмыцких дел». В 1743-1744 гг. калмыкам не удалось доказать свое право на пользование землей по урочищам Сасыколи, Монтохой, р. Еруслану и возле Красного Яра[158]. В 1750 г. земли для поселения, пастбищ, рыбных ловель было предоставлены Астраханскому казачьему конному полку из 500 человек, учрежденному Сенатом[159].

Свое недовольство расширением колонизации калмыки направляли против жителей постоянных поселений. В результате участившиеся конфликты между ними вынудили правительство в 1752 г. учредить в улусах при нойонах и в пограничных городах особые должности дворян «для разбора жалоб, тяжб». Назначенные чиновники должны были одновременно вести наблюдение «как за нойонами, так и за потомками ханов» и извещать «командующих при калмыцких делах» о ходе дел в ханстве[160].

Для освоения Степи российское правительство, наряду с казаками и крестьянами использовало иностранных колонистов.19 сентября 1765 г. был издан манифест о генеральном размежевании земель в Российской империи. 8 декабря 1765 г. Екатерина II подписала указ» Об отмежевании земель под поселение иностранных колонистов»[161]. Предусматривалось предоставление иностранным колонистам земли, денежных средств и кредитов, и «каждый из них должен был быть от всех поборов, повинностей и налогов освобожден на тридцать свободных лет». К этому добавлялось бессрочное освобождение от воинской службы, гарантия свободного вероисповедания и внутреннее самоуправление. Призыву императрицы последовали в основном немцы. Среди них были члены гернгуттерского братства, которые в 1765 г. основали в Сарепте к югу от Царицына образцовую колонию. Поселение немецких колонистов в Заволжье лишило калмыков богатых травою кочевий на севере, отодвинув их в пределы Астраханского края. С 1765 г. началось массовое расселение астраханских казаков станицами по Московскому тракту. Межевая канцелярия полу-

чила право продавать свободные государственные земли помещикам при условии заселения их крестьянами. В Астраханском крае одним из первых воспользовался этой возможностью губернатор Н.А.Бекетов, а с его помощью еще двое Бекетовых. Вслед за ними новыми землевладельцами стали князь Н.Долгоруков, директор казенных садов в Астрахани, коллежский ассесор И.Григорьев, директор таможни надворный советник С.Поленов, губернский секретарь Ф.Пушкин[162].

Стремясь ослабить остроту аграрного кризиса в центральных губерниях России правительство разрешило в 1765 г. начальнику Кавказского наместничества князю П.С.Потемкину бесплатно раздавать помещикам земли по Моздокской линии для поселения здесь крестьян.

Манифест 19 сентября 1765 г. и указ 8 декабря 1765 г. узаконили колонизацию земельных пространств по Моздокской линии и по левому берегу Волги от Самары до Царицына. Пользуясь благоприятными условиями в первые годы после выхода в свет правительственных указов, только 22 помещика получили около миллиона десятин лучшей земли, к примеру, вельможа Безбородко – 175000 дес., князь Потемкин – 54000 дес., князья Юсуповы –15000 дес.[163]

Захват лучших земель помещиками сопровождался вытеснением кочевавших здесь калмыков с их стадами на песок и солончаки. Русское правительство, отмечал Н.Н.Пальмов, расматривало калмыцкую землю как казенную, на которой оно до описываемых событий «по неимению в ней надобности, позволяло кочевать калмыкам»[164].

Колонизация Нижнего Поволжья противоречила интересам владельцев крупных скотоводческих хозяйств. 20 сентября 1765 г. в Астрахань прибыл наместник Убаши, очевидно, делегированный феодальной верхушкой ханства. Он обратился к губернатору Н.А.Бекетову с заявлением, что «выше Саратова в Луговой стороне по Иргизу и другим рекам начались новые поселения от русских людей, от которых чинятся калмыкам крайние обиды: захватывают без всякой причины скот их и самих людей... Между тем эти места с самого начала прихода калмыцкого народа в Россию никогда заселяемы не были, и всегда тамо кочевали калмыки без всякого препятствия и притеснения»[165]. Наместник обьяснял, что его беспокойство имеет обьективные причины, так как «если русские поселения не будут убраны, то калмыков ожидает печальная судьба ... калмыцкое скотоводство должно будет погибнуть из-за недостатка кормов»[166]. В ответ Убаши получил разьяснения губернатора, что поселения возникли с разрешения правительства и уничтожить их невозможно. Но Н.А.Бекетов пообешал провести размежевание земель между оседлыми поселенцами и калмыками, для чего отправил воеводам приволжских городов распоряжение о немедленном и справедливом упорядочении конфликтов.

Калмыки терпеливо дожидались изменения ситуации больше года. Но обещание губернатора не было выполнено, напротив, оседлые поселения продолжали расти, что создавало почву для новых столкновений. В ноябре 1766 г. Убаши вновь обращается с письменными жалобами к Н.А.Бекетову и в Коллегию иностранных дел[167]. Он получает очередное обещание губернатора принять конкретные меры для разрешения спорного вопроса путем государственного межевания земель между калмыками и поселенцами. В коллегии началась разработка доклада о методах урегулирования земельных отношений противоборствующих сторон, который затем был подан на рассмотрение Екатерине II. Но императрица не спешила с его утверждением.

Между тем, ситуация в улусах постепенно накалялась. Сокращение земельных площадей затрудняло калмыкам доступ к местам, обильным водой и кормами. В донесении Н.А.Бекетову от 7 августа 1767 г. руководитель «Калмыцких дел» подполковник И.А.Кишенской сообщал, что калмыки испытывают недостаток в кормах и водопоях для скота в силу вынужденной скученности улусов в низовьях междуречья Яика и Волги в летнее время.

Неурегулированность вопроса о территории калмыцких кочевий стала причиной частых конфликтов между калмыками и оседлыми поселенцами, воровавшими скот и лошадей из улусов. И.А.Кишенской в упомянутом донесении губернатору, информируя о массовых хищениях калмыцких лошадей и рогатого скота, отмечал, что калмыки «и без такого чинимого им от русских людей озлобления, по притчине заводимых ныне на луговой стороне для иностранцев селений в тех местах, в которых они с самого начала прихода в российское подданство кочевье имели и всем во оних привольством довольствовались, а ныне от того всекрайнее притеснение терпят, в немалой колебленности находятца, представляя в том несносное свое неудовольствие и оскорбление»[168].

И.А.Кишенской направил доклад в Коллегию иностранных дел, в котором писал о необходимости размежевания калмыцких территорий и земель оседлых поселенцев, поскольку участились «с обеих сторон непрестанные споры, грабежи и драки», захват друг у друга людей и скота, убийства[169]. Но его донесение не ускорило принятие правительством проекта решения спорного вопроса. Тем временем, калмыцкая знать уже обсуждала планы откочевки в джунгарские пределы.

«Если бы все калмыки, – справедливо подчеркивал М.М.Батмаев, – продолжали оставаться на занимаемой территории, выход был опять-таки, видимо, в изменении традиционных форм хозяйствования, то есть в переходе к интенсивным методам скотоводства (стойловое содержание, а значит заготовки сена, переход хотя бы на частичную оседлость и т.п.)»[170].

М.Н.Ядринцев в статье «Начало оседлости» доказывал, что кочевое ско-

товодство существует только в условиях обширных пастбищных угодий, а при их сокращении радиус кочевания постепенно уменьшается и кочевник становиться оседлым[171]. В 1764 г. хошоутовский нойон Замьян обратился с просьбой к губернатору Н.А.Бекетову построить для него дом на Волге, где он мог жить в зимнее время. У него были причины для того, чтобы выйти из подчинения наместнику и поселиться оседло под покровительством русской администрации. Еще отец Убаши находился в ссоре с Замьяном из-за жены последнего Данары (Дан-Араши), которая приходилась сестрой Дондук-Даши. Данара устраивала нападения на мужа, Замьяна даже сажали под домашний арест[172]. После смерти Данары он женился на вдове джунгарца Деджита Олзе-Орошихе и усыновил ее сына Тюмень-Джиргалана. Тогда старший сын Замьяна Бокбон обратился к Дондук-Даши с просьбой защитить его права и встретил со стороны дяди поддержку. Улажидить семейную ссору пытался даже канцлер М.И.-Воронцов. Он советовал Дондук-Даши вернуть Замьяну отошедших от него улусных людей и сына[173]. После смерти хана Бокбону оказал покровительство наместник Убаши[174].

В Коллегии иностранных дел, где обсуждалась просьба Замьяна, одновременно рассматривался вопрос: выгодно ли в дальнейшем приобщение калмыков к оседлой жизни? Присутствовавший на заседании коллегии Н.А.Бекетов высказался за обоседление калмыков. Но приняв во внимание то обстоятельство, что калмыки, занимая пустующие степи, служат заслоном «здешним пограничным жилищам от соседних варварских народов», коллегия пришла к выводу, что сохранение у этого народа кочевого образа жизни более выгодно[175]. Что касается Замьяна, то его просьба была удовлетворена: в резолюции коллегии предписывалось выделить деньги для постройки дома на правом берегу Волги в урочище Крымский затон. Н.А.Бекетова обязали обеспечить успешную реализацию проекта[176].

Опасаясь проявлений враждебности со стороны калмыцких феодалов по отношению к Замьяну, коллегия рекомендовала поселить по соседству с ним 500 человек астраханских казаков для оказания необходимой помощи в особых случаях. В указе Н.А.Бекетову отмечалось, что «калмык рассуждаемо селить не одних, но обще с россиянами дабы иметь могли в том и предводительство и разные вспоможения, да и присматриваясь к ним, толь скорее привыкать к поселенному житью и к приготовлению себе дров и сена и к заведению садов»[177]. 21 августа 1764 г. в улусы была отправлена специальная грамота Екатерины II, подтверждавшая подчиненное отношение Замьяна к наместнику. Однако она не успокоила раздосадованного Убаши: он отнял у Замьяна часть его улуса, принадлежащую Бокбону. Обида заставила Замьяна с тревогой и подозрением следить за действиями наместника и первым информировать русскую

администрацию о подготовке откочевки из России. В 1770 г. строительство дома для Замьяна было завершено. Вокруг него поселились 63 подвластных нойону калмыцких семейства. По предложению губернатора Н.А.Бекетова новый жилой пункт получил название Замьян-городок. Академик И.П.Фальк, начальник Оренбургской экспедиции, посетивший в 1770 г. Калмыкию, сообщал: «В городке или станице Самьяне находятся 40 дворов и 80 казаков под начальством хорунжего. Вал окружает гораздо большее пространство; на нем стоит большой деревянный дом, выстроенный от казны для житья зимою калмыцкому князю Самьяну или как калмыки называют Джамьяну»[178].

Не следует думать, что в XVIII в. процесс перехода калмыков к полуоседлости, раз начавшись, продолжался довольно интенсивно. Особенные условия их быта, сравнительная изолированность, по мнению Н.Харузина, послужили причинами того, что калмыки составили исключение из общего правила направления процесса перехода к полуоседлости у степных тюрков и монголов России от Запада на Восток[179].

В ходе заселения Степи казаками и колонистами кочевники стали основным объектом цивилизаторской активности. В рамках представлений о закономерности стадиального развития человечества от охотников и собирателей через кочевой к оседлому образу жизни калмыки должны были подняться до более высокого уровня европейской культуры. Делу цивилизации кочевников служили при Екатерине II колонизация их земель и миссионерская деятельность православной церкви. «Комиссия по новому уложению» 1767 г., в работе которой приняли участие по 2 представителя от калмыков и бурят, подготовила создание собственных законов для «народов, ведущих кочевой образ жизни» и в 1798 г. был представлен проект Положения для «не-оседлых» подданых России, имевший своей конечной целью превращение кочевников в «полноценных» (что означало – перешедших на оседлый образ жизни) граждан государства. Здесь они впервые были определены понятием «инородцы», который впоследствии должен был заменить термин «иноверцы»[180].

Начавшаяся колонизация Калмыцкой степи, первые попытки обоседления были негативно встречены основной массой феодалов и в определенной мере способствовали принятию знатью ханства решения об откочевке из российских пределов.

Кочевое хозяйство калмыков развивалось медленно, экстенсивным путем. Однако номадизм редко существовал отдельно от иных форм хозяйственной деятельности. Как отмечал Н.Н.Крадин, «одинаковые экологические системы являются более нестабильными по сравнению с многовидовыми»[181]. Крестьянская колонизация Нижнего Поволжья сыграла немалую роль не только в хозяйственном освоении этого края, но и в нивелировании национальных особен-

ностей проживающих здесь народов, в первую очередь калмыков. Соседство с оседлым населением государственных и помещичьих деревень, казачьих станиц вызвало заимствование калмыками у крестьян и казаков различных видов сельскохозяйственной деятельности.

По мнению М.М.Батмаева, первые попытки земледельческх работ в ханстве относятся к периоду правления Аюки, который еще 2 апреля 1711 г. обратился к астраханскому коменданту М.И.Чирикову с письменной просьбой прислать колесо чигирное, железо, лес и плотников, «чтоб зделать совсем чигир, поливать просо и табак»[182]. Едисанские татары, сеявшие для хана за Красным Яром арбузы и дыни [183], можно полагать, были первыми земледельцами в Калмыцкой степи.

С помощью татар, русских и украинских крестьян калмыки осваивали методы земледельческих работ, что подтверждает, к примеру, письмо от 1 января 1752 г. наместника Дондук-Даши к астраханскому губернатору И.А.Брылкину, в котором первый просил отпустить одного юртовского татарина, занимающегося у него обработкой пашни, с семьей в улусы на время «для показания нашим»[184].

Калмыки оказались способными учениками и вскоре самостоятельно разводили табак, арбузы, дыни, просо. «У кочевников, – считал Д.И.Кшибеков, – все было подчинено необходимости постоянного передвижения. Из всех видов злаковых культур они действительно сеяли главным образом просо, потому что оно быстро созревает, нетрудоемко при выращивании, требует мало влаги и поэтому растет даже на песчаной почве »[185]. В 1748 г. у одного из калмыков при торговле изьяли табак (в России была объявлена монополия на продажу табака). При допросе он показал, что табак разводился калмыками в Мочагах на побережье Каспийского моря[186]. По свидетельству академика П.С.Палласа, в 1769 г. побывавшего в Калмыцкой степи, астраханские калмыки «не упражняются в земледелии», за исключением некоторых, поселившихся близ Каспийского моря для рыбной ловли, где «начали разводить табак, который они весьма любят»[187].

Джунгарский нойон Шеаренг, прикочевавший на Волгу в 1759 г., писал руководителю «Калмыцких дел» А.Д.Бехтееву, что вода в урочище Эргенях пригодна не для сеяния «жита», а для разведения табака. На что получил ответ бригадира: «для одного табака занимать тамошние места, да и вам тамо с улусами быть, кажется, не для чего, и никакой в том пользы быть не может»[188].

Дондук-Даши сообщал астраханскому губернатору В.Н.Татищеву, что в урочищах Сасыколи, Монтохое и по р. Еруслан «многих владельцев калмыки пашни хотя и пахали», но вследствии истощения почвы «оные ... все оставили»[189].

Контакты калмыков с оседлым населением по поводу земледельческих работ не ограничились перениманием опыта. Расширение калмыцкой запашки приводило к столкновениям с соседями. Так, в сентябре 1729 г. Досанг, сын Чакдорчжаба жаловался в Астрахань, что красноярские жители «на траве нам кочевать не велят и не дают моим калмыкам ничего сеять», хотя со времен отца он кочевал возле Красного Яра и раньше «покойно ... жили»[190]. В 40-х гг. XVIII в. руководитель «Калмыцких дел» генерал-майор Н.Г.Спицын выдал по просьбе Дондук-Даши охранные грамоты для калмыков, сеющих в Мочагах пшено, арбузы, дыни. Эти документы должны были гарантировать защиту калмыков от притеснений астраханских купцов Ложкарева и Кобякова. Последние построили в морских косах за Красным Яром ватаги, а чтобы устранить кочующих там обедневших калмыков, сожгли посеянные ими табак и просо. Охранные грамоты не помогли калмыкам, как свидетельствуют факты, столкновения с купцами продолжались[191].

В 1756 г. Дондук-Даши завел для себя «сад» в урочище Коровья Лука, где выращивались табак, арбузы, дыни. По наследству в 1761 г. сад перешел к его сыну Убаши. А после ухода части калмыков в 1771 г. он стал предметом вожделения князя А.Дондукова, «яко законного наследника», но достался нойону Замьяну[192].

Дополнительным занятием калмыков во второй половине XVIII в. стало сенокошение. П.С.Паллас во время своего путешествия в 1769 г. встречал около Ставрополя-на-Волге группы калмыков, которые из-за глубоких снегов не могли содержать скот на подножном корму и «... везде шли с овечьими своми стадами на зимовки, или в показанныя им деревни, в коих они летом отчасти сами наемными работниками косят сено в запас на зиму»[193]. М.М.Батмаев отмечал, что сенокошением занимались в первую очередь калмыки, которые по ряду причин долгое время кочевали на одном и том же месте. Таковыми являлись, к примеру, бодокчеи – должностные лица, назначаемые ханом из среды зайсангов для регулирования русско-калмыцких отношений в городах Астраханской губернии и на базарах, и их люди, не имеющие возможности отдалиться от места службы бодокчея[194]. Специфичность их положения диктовала необходимость запасать сено на зимний период и отчасти переходить к стойловому содержанию скота.

Заготавливать сено на зиму приходилось порой из-за обилия снежного покрова и калмыкам, вынужденным кочевать по особым причинам на одном месте в течение нескольких лет. Черноярский комендант летом 1757 г. жаловался руководителю «Калмыцких дел» Н.Г.Спицыну, что калмыки зайсанга Нохоя самовольно выкосили луг близ Каменского форпоста[195].

Постепенно сенокошение становится привычным делом для калмыков, с

помощью которого их хозяйство получает более прочную страховку от капризов природы. Но итоги перехода части калмыков к земледелию и сенокошению демонстрируют внутреннюю противоречивость этого процесса. Так, с одной стороны, рядовые калмыки получили дополнительные средства существования. Сенокошение расширяло кормовую базу скотоводства. Но с другой стороны, развитие новых видов хозяйственной деятельности вызвало рост социальной напряженности в калмыцком обществе. Владельцы и духовенство враждебно встретили переход простолюдинов к земледельческому труду, рассматривая в нем угрозу традиционным представлениям о хозяйственном укладе жизни калмыков. В борьбе с новыми явлениями они использовали разные способы. Так, Церен-Деджит, жена Дондук-Даши, во время его отсутствия летом 1738 г. обратилась за помощью в Астрахань для перевода ее «пахотных людей» из урочища Харлакту к ней. Она жаловалась, что «пахотные люди» денег для платежа долга русским людям прислали мало, « ... а обьявляют, что как с севом уберутся, то де они сами быть хотели»[196]. Астраханская администрация направила по ее просьбе воинский отряд для перевода людей, переставших подчиняться распоряжениям Церен-Деджит.

Летом 1764 г. калмык Ботыик из Эркетеневского улуса просил защиты от зайсанга Баранга у руководителя «Калмыцких дел» А.Д Бехтеева. Он обьяснял, что посеял «арбузы, дыни и протчие овощи», но калмыки Тапки-Гецюль с товарищами, посланные названным зайсангом, «озорнически пущают свой скот и оным посеянный овощ неоднократно был потоптан»[197]. Узнав, что Ботыик получил письменное разрешение А.Д.Бехтеева на занятие участка, Баранг стал требовать у него аналогичное письмо с подписью наместника Убаши. В ответ на жалобу Ботыика руководитель «Калмыцких дел» писал, что «хотя надобно им от наместника брать письма, однако по сей притчине, что земля государева, данные от меня, яко российского командира, письма более в том действия иметь должны, и для того никому хотя б и один от меня оные даны были, спорить не подлежит»[198]. Толмач В.Казачков, отправленный А.Д.Бехтеевым к зайсангу Барангу должен был пресечь в дальнейшем совершение подобных поступков. Рассмотренный случай представляется нам интересным не только в виду возможности проиллюстрировать развитие в ханстве земледельческих работ и противостояния этому процессу калмыцких феодалов. Он также подтверждает отмеченный нами выше факт, что простолюдины в конфликных ситуациях все чаще обращались не к Зарго, утратившему свой авторитет, а к русскому руководителю «Калмыцких дел», решавшему многие внутренние вопросы в ханстве, которые ранее входили в компетенцию наместника. Примечательно и то, что А.Д. Бехтеев называет территорию калмыцких кочевий «землей государевой», на которой приказы «российского командира» никем не могут быть оспорены.

Резюмируя сказанное, отметим, что земледелие у калмыков, несмотря на некоторые успехи, находилось в стадии формирования. По мнению Н.Н.Крадина, «земледелие и оседлость всегда рассматривались как альтернатива образу существования номадов. Поэтому перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние вынужденным и временным, и при первой же возможности вновь переходили к кочеванию и занятию скотоводством»[199]. Н.Э.Масанов подчеркивал, что развитие земледелия в среде номадов не всегда сопровождался их седентаризацией: «Процессы седентаризации могли иметь место только за пределами ареальных экосистем – в маргинальных зонах либо в оседло-земледельческих ареалах»[200]. На большее или меньшее развитие земледелия в кочевом хозяйстве оказывали влияние различные причины. С.И. Вайнштейн называет такие факторы, как обеспеченность скотом, возможность регулярно получать продукты земледелия от оседлых соседей, освоенность территорий, цикличность кочевок и возможность длительных стоянок[201]. В определенных условиях (периоды военных походов, непрерывное кочевание) калмыки отказывались от земледелия на некоторое время. При благоприятных обстоятельствах (устойчивый режим кочевания с замкнутым циклом, определенная стабилизация политического положения в степи) занятия земледелием возобновлялись.

Вторая и третья четверть XVIII в. характеризуются ухудшением экономического состояния калмыцкого народа. Результатом междоусобных войн, разразившихся в период борьбы калмыцкой феодальной верхушки за ханский титул после смерти Аюки, стало уменьшение населения в улусах, обнищание многих калмыков. Многочисленные повинности в пользу непосредственных владельцев стали непосильны большинству простолюдинов. В июне 1742 г. будучи при дворе, наместник Дондук-Даши сообщал, что до 1724 г. калмыков вместе с подданными им татарами насчитывалось 70 тысяч, к 40-м годам их количество сократилось до 20 тысяч кибиток, находящихся в крайнем убожестве[202]. В сентябре 1743 г. Дондук-Даши представил правительству реестр людских потерь за время усобиц 20-40 гг. XVIII в.:

Владельцы и улусы	Было кибиток до 1723г.	Осталось
1. Чакдорчжаб	Более 11000	3438
2. Черен-Дондук	8000	3673
3. Галдан-Данжин	6000	2312
4. Доржи Назаров	8000	2000
5. Шабинеры	5000	2000
6. Дербетские	4000	3000
7. Хошутские	3000	500
Всего	45000	16923 [203]

В период, когда калмыки «под влиянием ограничительной политики русской власти, вступают с нею в открытую борьбу и когда эта борьба осложняется упорными междоусобицами владельцев из-за улусов и ханской власти, – отмечал А.Лебединский, – количество бесскотных калмыков простолюдинов увеличивается. В последние годы первой четверти XVIII в. группа их составляла около 2000 кибиток. В начале 40-х гг. количество бесскотных насчитывалось более 10000 кибиток, что полагая в среднем на кибитку 4-5 человек, дает цифру в 60-75 тысяч»[204]. Процесс обеднения простолюдинов в результате усиления над ними со второй четверти XVIII в. владельческого гнета сопровождался вымиранием бедняцких слоев. Под влиянием гнетущей нужды имели место случаи продажи детей родителями, воровство людей. Цена на живой товар колебалась от 2 до 8 рублей. Продажа человека обеспечивала продавцу неделю – месяц сытой жизни, а затем «наступали черные будни с недоеданием и голодовкой, день ото дня силы слабели, и люди гибли»[205]. И.Потоцкий, посетивший Астраханскую губернию в 1797 г., отметил, что нужда заставляла «решиться работать; чему весьма не легко войти в голову калмыка»[206]. Бесскотные калмыки разбегались их улусов в поисках средств к существованию. Многие из них находили таковые в рыбной ловле. Но правительство России объявило наиболее выгодные районы Волги и Ахтубы сферой эксплуатации казны. В 1727 г. наместник Церен-Дондук жаловался, что с тех пор как калмыки «и сперва под российскую протекцию пришли, и со оного времени волжскою водою и травою, и рыбою они повольно и без запрету питались, а ныне ... от Самары вниз даже и до Астрахани рыбу ловить и траву выкармливать им заказывают, а людей их бьют и умерщвляют, и скот отнимают, и баранту ловят, в чем ... им справедливого и суда не дают»[207].

В ответ Коллегия иностранных дел в феврале 1734 г. указом предписывала астраханскому губернатору И.П.Измайлову, «чтоб он, губернатор, снесшись с полковником Беклемишевым и справясь о рыбной ловле, учинил определение по своему рассмотрению, как напредь сего бывало, и в том калмыкам показал бы удовольствие, понеже когда они допущены жить и кочевать при Волге, то уж надобно им от нее и довольствие иметь, и где прежде сего они кочевали и рыбою довольствовались, в том и ныне им препятствия чинить не велеть»[208].

Переговоры в Астрахани по этому вопросу затянулись. Между тем, количество нуждавшихся в рыбной ловле калмыков значительно увеличивалось. Суровые снежные зимы часто оставляли хозяйства без кормов, в результате начинался массовый падеж скота, как произошло, к примеру с 1739 на 1740 год. Хан Дондук-Омбо писал тогда в Астрахань, что калмыки, кочевавшие на р. Кума, для спасения скота начали рубить ветки с деревьев. Для многих из них, по мнению Дондук-Омбо, источником питания могла стать рыба[209].

Только в январе 1742 г. закончились в Астрахани переговоры по вопросу о рыбной ловле. Калмыки получили право заниматься рыболовством в ограниченных размерах. Составлявший положения о правилах и сроках ловли рыбы губернатор В.Н.Татищев исходил из приоритета интересов казны. Ловить рыбу калмыки могли с 1 мая по 1 октября и в зимний период до вскрытия воды по берегам Волги с помощью удочек, сомовьих сетей и неводом, не превышающим 100 саженей в длину. В период главного хода рыбы, в октябре-ноябре, разрешалось заниматься ловом только в малых протоках Волги, заливах и озерах. Для калмыцкой рыбной ловли были закрыты протоки, где шла рыба из моря в реки, и казенные учуги. Запрещалась ловля осетровых рыб, привоз для продажи рыбы в города. Торговля частиковой рыбой была ограничена в масштабах улусов. Таким образом, Положения защищали интересы казны и астраханского купечества. Наместник Дондук-Даши упрекал В.Н.Татищева, что убогие калмыки, не получая денег от свободной торговли рыбой, станут «с великим вредом продавать детей за границу или грабить». Однако губернатор игнорировал просьбу наместника отменить запрет на торговлю рыбой. Последний в гневе заявил В.Н.Татищеву: «Когда по Волге земля, вода, трава и лед все к русским принадлежит, то подданным ея императорского величества, нашим калмыкам, через какой способ исправиться, я не знаю»[210].

В период губернаторства в Астрахани И.А.Брылкина в 1746 г. в Положение о правилах и сроках ловли рыбы были внесены изменения. Учитывая возрастание количества «скудных» калмыков, губернатор предписал наместнику распределить тех из них, что кочевали от Круглинского острова до Каспийского моря, на все промыслы, где только требуется. За порядком на ватаге должен был следить назначенный зайсанг. Пойманную в тех откупных водах своими или взятыми у промышленника снастями рыбу, калмыки обязывались по договорной цене сдавать хозяину ватаги. Если хозяин отказывался от рыбы, ее разрешалось продавать по свободной цене калмыкам в удобных местах, а русским и татарам – в Астрахани на рыбном плоту. Пошлины предполагалось брать с покупателей рыбы. Красную рыбу, негодную для хозяина ватаги, калмыки могли сдавать в казну по договорной цене[211]. Послабления в Положении обьясняются тем обстоятельством, что с 1742 г. калмыки, обходя постановления астраханских властей, тайно торговали рыбой, рыбным клеем в приволжских городах.

Однако только единицы из «скудных» калмыков, работавших на рыбных промыслах, смогли поправить свое положение. У большинства заработанные деньги шли на покрытие долгов и уплату податей владельцам. Ловившие 10 лет рыбу по подряду на ватаге купца Скворцова аймачные люди зайсанга Михали так и не смогли расплатиться с долгами, не говоря уж о заработке[212]. Часть

заработанных денег калмыки отдавали духовенству. Работа на рыбных промыслах, как отметил А.Лебединский, не обеспечивала калмыкам даже «достаточного куска хлеба»[213].

Калмыки в поисках пропитания и заработка нанимались в приволжские города и села для выполнения различных дел: пасти скот у русских людей, ломать соль, рубить лес, бурлачить, выполнять садовые и земляные работы. Но и здесь заработки их не были высокими. Поучительна история найма на работу в 1745 г. к приказчику астраханского купца Ф.И.Кобякова 100 калмыков. Вместе с русскими бурлаками, которых приказчик обещал вскоре нанять, они должны были тянуть судно с солью от Царицына до Дмитриевска. Но увеличения числа работников калмыки так и не дождались. Мало того, приказчик обманул их дважды: в пути бурлаков кормили отвратительно, поэтому они на собственные деньги покупали еду[214].

Обедневшие калмыки, уходившие на заработки в приволжские города и села, под влиянием русского населения перенимали элементы его культуры, быта. Многие из них крестились и оставались здесь навсегда. Владельцы, терявшие в их лице источник доходов, не могли игнорировать опасную тенденцию. Для того, чтобы предотвратить уход бедноты на заработки без разрешения владельцев, вводились правила, призванные затруднить отход из улусов. Отходники должны были получить отпускное свидетельство у владельцев, которые выдавали их неохотно. Феодалы искали способы возвращения отходников в улусы. Так, в сентябре 1743 г. по приказу Дондук-Даши четверо зайсангов собирали обедневших калмыков, кочующих по Волге на лодках, и отправляли на жительство в Мочаги. Чтобы заставить калмыков, не закончивших работу по найму, вернуться в улусы, зайсанги увозили их жен и детей. Задолжавших русским людям заставляли расплачиваться своими детьми и следовать в указанные места[215]. Мотивируя свои распоряжения Дондук-Даши писал губернатору А.С.Жилину 25 мая 1757 г.: живущие с русскими «для пропитания и в работах» люди подолгу оставаясь в чуждом окружении, крестятся, «отчего и нам великое затруднение происходит»[216].

Кочевники не могли обходиться без обмена продуктами своего хозяйства с оседлым населением. Последнее выступало как фактор дополнительной гарантии стабильности экономики номадов. Адаптация кочевничества к «Внешнему миру», по мнению А.М.Хазанова, достигалась следующими способами: «посреднической торговлей между земледельческими цивилизациями и соучастием в ней; широким обменом и торговыми связями с соседним оседло-земледельческим обществом; периодическими набегами, нерегулярными грабежами и разовой контрибуцией земледельческих обществ; даннической эксплуатацией и навязыванием вассальных отношений земледельцам; завоеванием

оседлых обществ; вхождением в состав земледельческих государств в качестве зависимой, неравноправной части социума»[217]. Вступив в состав России, калмыки со второй половины XVII в. наладили торговые связи с соседним оседлым населением. В XVIII в. выросли обьемы торговли, центрами которой для калмыков были города Саратов, Красный Яр, Черный Яр, село Воскресенское. Покупали калмыки промышленные изделия, продукты земледелия. И.П.Фальк сообщал, что астраханские купцы на Митинском базаре производили выгодный меновый торг с калмыками, приезжавшими весною «из куманской степи в калмыцкую» и осенью отъезжающими обратно, нужными для них товарами на их продукты, скот, разные кожи[218].

По мере расширения торговли среди калмыков формируется прослойка лиц, занимающихся торговыми операциями. Живущие близ Калмыцкого базара при Астрахани калмыки скупали у приезжающих улусных людей весь скот по низкой цене, а затем продавали астраханским «обывателям и мясникам» по высокой[219].

В петровское время в области внутренней и внешней торговли большую роль играла государственная монополия на заготовку и сбыт основных товаров (соли, льна, пеньки, меха, сала, икры, хлеба, вина, воска, щетины и др.), что значительно пополняло казну. 14 апреля 1732 г. Коллегия иностранных дел направила хану Церен-Дондуку грамоту, предписывающую обьявить в калмыцком народе, «чтоб они по тому прежнему указу (указу Сената 1705 г.- Е.Д.) солью торговали промеж собой, а в великороссийские города и уезды никому кроме казны, не продавали»[220]. О содержании грамоты вскоре оповестили улусное население.

В целом на протяжении XVIII в. рост товарного оборота калмыцкой торговли привел к развитию денежных отношений и накоплению капиталов. Однако в условиях господства феодальных порядков эти капиталы шли на обогащение владельцев, усиление ростовщичества, втягивание масс населения в кабальную зависимость. В 1745 г. Дондук-Даши «для пользы улусов... определил со общаго всего калмыцкого народа согласия» заменить натуральный сбор денежным. Причиною нововведения было то, что «прежде положения на калмык денежных податей, под претекстом наших владельческих потребностей, сверх надлежащих наших оброков определенныя к тому зайсанги збирали для своей корысти излишния подати, отчего некоторыя и одолжали»[221]. Интересный иллюстративный материал для нашего случая дает М.М.Батмаев, сообщивший о событиях 1767 г. в дербетском улусе. Владелец улуса Галдан-Церен, будучи в Санкт-Петербурге, где хлопотал об отдельном от наместниковых улусов кочевании, заболел и умер в 1764 г. По причине малолетства его сына Цебек-Убаши улусом правила бабка Аба и знатные зайсанги. Последним никак не удавалось навести порядок. При проверке улуса правительственная комиссия в со-

ставе руководителя «Калмыцких дел» И.А.Кишенского и члена Зарго, главного ламы Лоузанг-Джалчина обнаружила «великие помешательства» от плохого управления, самовольного грабительского угона друг у друга скота, неумеренного сбора с подвластных податей. Рассмотрение исков показало, что владельческий дом имеет неоплатные долги, состоящие в нескольких тысячах. Зайсанги, управляющие улусом, не смогли обьяснить, как потрачены деньги. Посоветовавшись с ними, И.А.Кишенской принял решение аннулировать все долги владельческого дома, занятые у своих улусных людей. Для уплаты долгов русским, армянам и людям других владельцев с каждой кибитки улуса положили собрать по одному рублю. Чтобы поддержать дербетских калмыков, решено было в помощь им собрать с шабинеров и со всех, кто имеет от владельцев увольнительные письма, с которых по обычаю податей не брали, по одному рублю с каждой кибитки. Так, за счет простолюдинов были ликвидированы долги владельческого дома. Для избежания подобной ситуации в дальнейшем решили ежегодно собирать с каждой кибитки не более семидесяти копеек на необходимые владельческие улусные надобности[222].

В улусах появились ростовщики, взимавшие за денежные ссуды большие проценты. Нойон Бамбар, внук Доржи Назарова, имеющий на себе более 1000 рублей долга, желая удовлетворить кредиторов, занял необходимую сумму под проценты, для погашения которых впоследствии был вынужден продавать своих людей[223]. Опасаясь, что усиление ростовщичества в улусах будет сопровождаться обнищанием калмыков, наместник Дондук-Даши просил губернатора В.Н.Татищева в письме от 24 июня 1745 г. информировать его о правительственном указе, по которому взимание процентных денег якобы запрещено, а должна собираться только занятая сумма[224].

В июне 1748 г. в Сенате был принят указ, призванный упорядочить денежные отношения между калмыками и остальным населением, в первом пункте которого отмечалось, что давать в долг деньги и товары разрешается между калмыками и юртовскими татарами, «и которые с ними ж обяжутся из россиян, так же их индейцев и других иноверцов». В установленный срок необходимо было вернуть только занятую сумму без процентов. Заемные письма следовало составлять в Кизлярской канцелярии, либо в Астраханской конторе татарских и калмыцких дел. В случае составления письма в улусах факт займа должен был письменно зафиксировать владелец данного улуса и приложить на письмо свою печать. Затем такое письмо следовало представить для записи в контору татарских и калмыцких дел или в воеводскую канцелярию ближайшего города. В ситуации, когда должник не погасил в установленный договором срок долга, с него предписывалось сверх занятой суммы за каждый месяц просрочки «по три деньги с каждого рубля, согласно 30-му пункту вексельного устава»[225].

Развитие товарно-денежных отношений в ханстве в условиях сохранения феодальной зависимости простолюдинов от нойонов и зайсангов оказывало влияние на социальную структуру общества. Постепенно формировался весьма специфический тип калмыцкого предпринимателя, теснейшим образом связанного своими корнями с патриархальной системой. В XVIII в. торговое предпринимательство еще не могло играть самостоятельную историческую роль и выступать как влиятельная экономическая сила. Зажиточные калмыки не были застрахованы от произвола владельцев, о чем свидетельствует, к примеру, дело дербетского Эдисен-Зундуя, который служил у владелицы Оджи, жены Галдан-Церена, и торговал на свои деньги. «В 1760 году он ездил на Урюпинскую ярмарку, где закупил вино и табак, – сообщает М.М.Батмаев, – на обратном пути некий зайсанг в сопровождении четырех человек, обвинив Эдисен-Зундуя в намерении уйти вместе с Оджей в торгоутовские улусы (в то время Оджа, дочь Дондук-Даши, была в натянутых отношениях с мужем), ограбил его. При разбирательстве этого дела оказалось, что у него было взято Оджей из занятых им из-под процента денег 598 рублей 80 копеек, да из занятых без процента взято той же Оджей 136 рублей 50 копеек. Кроме того, у него же было занято разными калмыками 582 рубля 35 копеек, всего же получается, что у него было взято 1317 рублей 65 копеек. Несмотря на это, он еше имел деньги, чтобы купить на ярмарке большую партию вина и табака»[226].

Русское купечество было весьма заинтересовано в расширении торговых связей с калмыками: «многие саратовские и другие купеческие люди с товары в осеннее и зимнее время сьезжались до Черного и Красного Яров и до Астрахани для торгу и мену с калмыками, а из Красного и Черного Яров в вешнее время возвратно до Саратова хаживали луговою стороною, Калмыцкою ордою, и в той орде у калмык покупали и меняли лошадей не по малому числу и пригоняли к г. Саратову»[227]. П.Г.Любомиров, подчеркивая значения торговли с калмыками для местного оседлого населения, привел такой факт: гражданское население Красного Яра «с переходом калмыков на правый берег Волги лишилось одного из главных источников существования – «калмыцкого торгу», и выстроенные было 32 лавки стояли «впусте», а жители приходили в «крайний недостаток», – жаловался их наказ в комиссию 1767 г.»[228]. Усиление роли денег в жизни калмыков нашло отражение в новых законах, принятых в правление Дондук-Даши. К примеру, в качестве наказания за нарушение светскими людьми религиозных обетов законы предписывали «взять на то: с знатного человека трехлетнего барана, с многим известного человека тридцать копеек и ударить три раза по щеке; с человека низкого сословия взять десять копеек и ударить пять раз по щеке»[229]. Вообще, введение телесных наказаний и денежных штрафов, исчислявшихся в русской мере счета, в законах, принятых при Дон-

дук-Даши, было новшеством, ибо Уложение 1640 г. предусматривало в качестве наказания только штраф скотом, так что здесь несомненно, прослеживается влияние российского законодательства.

Общей тенденцией социально-экономического развития Калмыцкого ханства в XVIII в. было укрепление феодальных порядков. Развитие феодальных отношений диктовало необходимость расширения прежнего законодательства (т.е. Уложения 1640 г. – Е.Д.), не соответствующего изменениям, происшедшим в калмыцком народе в связи с новыми условиями жизни. К.Ф.Голстунский, анализируя причины законодательных нововведений, обращался к анонимному калмыцкому источнику, сообщавшему, что «великое уложение сорока (монголов) и четырех (ойратов) хотя и было пригодным для монголов и ойратов, но как у калмыков, много лет тому назад отделившимся от них и живущим среди многочисленного и чужого народа, изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде у них бывшие, то настоит надобность в новых постановлениях и законах, а потому Дондук-Даши и признал необходимость написать новые законы (токтол) и пополнить старое Уложение»[230].

Законы Дондук-Даши базировались на Уложении 1640 г., но включали в себя более упорядоченные статьи об охране феодальной собственности, ограничении сепаратизма тайшей и зайсангов, ужесточили наказания за «разбой», вводили статьи о наказании духовных лиц, нарушавших принятые обеты, о распространении грамотности в ханстве.

Важнейшим разделом законов были статьи о преступлениях против феодальной собственности. Лица, обвиняемые в краже, подвергались наказанию 50 ударами, клеймением и надеванием на месяц деревянных колодок. Тех, кто вторично совершал воровство, наказывали так же. Человек, решившийся в третий раз на подобное преступление, карался продажей в рабство. Законы предусмаривали наказание укрывателю вора (15 ударов и штраф четырехгодовалым верблюдом) и соучастнику преступления (25 ударов). Под страхом «обнажения при обществе» и 15 ударов малей запрещалось лжесвидетельство[231].

Законы Дондук-Даши ограничивали сепаратистские устремления нойонов и зайсангов, что отражало тенденцию подчинения их хану с целью усиления центральной власти в улусах, способной подавить в случае необходимости эксплуатируемое большинство, защитить феодальную собственность. В ведение хана передавалось разрешение важнейших уголовных дел.

Таким образом, законы Дондук-Даши были приняты прежде всего в интересах калмыцких феодалов. Их отличие от Уложения 1640 г. свидетельствует о переменах в жизни калмыцкого общества, обусловленных проживанием калмыков в российских пределах.

В 30-50-х гг. XVIII в. усиливается политическое бесправие калмыков. В

государственном законодательстве нашла отражение официальная купля-продажа калмыков в числе прочих «инородцев» России.

Манифест от 16 ноября 1737 г. любому российскому жителю позволял приобретать, крестить и держать у себя калмыков и других инородцев, которые доставались ему обычно в малолетнем возрасте. Учитывая, что хозяевам нужно было воспитывать и обучать калмыков, разрешалось не платить за них подушных денег. О своем приобретении хозяева должны были заявить в губернскую или воеводскую канцелярию. Калмыки, приобретенные таким образом, обязаны были «быть у тех, от кого обьявлены, неотьемными».

Манифест определял правовой статус той части лично свободных калмыков, которые «какому ремеслу обучились и собою жить могут и пожелают». Их полагалось «записывать в цехи и ... в подушный оклад»[232].

В указе от 12 мая 1744 г. разьяснялось, что «калмыков, которые приходят и просят на волю без всякого письменного вида от помещиков, таких за такое своевольство наказывать батогами, отдавать тем помещикам и прочим, у кого обьявлены неотьемлемыми, почему они стали быть ровно яко их крепостными»[233].

На основании этих правительственных распоряжений производилась открытая торговля калмыками на рынках городов и селений, расположенных вблизи калмыцких улусов. Владельцы воровали и отбивали друг у друга подданных для продажи.

Местная администрация пыталась подчинить калмыков общеимперскому законодательству. К примеру, о деятельности астраханского коменданта М.И.-Чирикова Н.Н.Пальмов сообщал следующее: «Суд его был суров: он засаживал калмыков в тюрьмы, применял при допросах пытки, вешал калмыков не только за убийства, но и за грабежи. Русские чиновники пытались заменить калмыцкие законы 1640 г. новыми, более суровыми. Даже предполагалось: виновные в том или ином преступлении разыскиваются по следу – в чей улус он приведет, тот улус и должен отвечать. Если бы след привел к пустому месту, то ответственность падает на улус, который «к следу ближе». Ссоры между калмыками и русскими разбираются в городских судах. Русские не имеют права обучать калмыков кузнечному, медному и серебряному ремеслам, даже если бы то были калмыки, выходившие из улусов в русскую сторону для крещения. Русские не имеют права продавать и дарить калмыкам лодки, а также провозить их через Волгу. Предполагалось ввести меру казни, неизвестную калмыцким законам»[234].

Таким образом, социально-экономические изменения в России, вызванные становлением капиталистических отношений, оказывали воздействие на Калмыцкое ханство. Проникновение в степь новых видов хозяйственной деятель-

ности пугало калмыцкую знать. Правящая верхушка не желала принимать объективно неизбежные перемены, стремясь всеми силами законсервировать патриархальный образ жизни. Единственным средством сохранить автономию ханства, а с ней свою власть и привилегии, ей виделся уход из российских пределов и заселение пустующих земель Джунгарского ханства, разгромленного в 1757 г. маньчжурами.

Сторонником и пропагандистом откочевки калмыков в Джунгарию выступило ламаистское духовенство Калмыкии. Раздражение религиозных кругов ханства вызывали факты крещения не только служилых и беглых калмыков, но и представителей правящих кругов, в том числе прямых потомков Аюки-хана. Эти опасные тенденции могли ослабить позиции ламаистской церкви в Калмыкии.

В 1756 г. Далай-лама VII Галсан Чжамцо якобы отправил на Волгу так называемую «подзывную грамоту», в которой призывал наместника Дондук-Даши покинуть российские пределы и «присоединиться к единоверцам, родине предков». Как удостоверял в своих показаниях бежавший из калмыцкого плена коллежский комиссар М.С.Везелев, слышавший об этом от «многих» калмыков, уход их из России произошел «не по одному с российской стороны к ним неудовольствию», «а более по подзыву боготворимого ими духовного Далай-Ламы, который де еще в то время, когда от бывшаго хана Дондук-Даши и вообще от всего калмыцкого народа отправлены были к нему, Далай-Ламе, для поклонения калмыцкие посланцы, прислал к ним чрез оных подзывную свою грамоту, которою, обещая их к себе принять, дал им знать, что по его пророчеству не прежде их сие намерение в действо произвесть надлежит, как в 1770-м или 1771-м годах, для того, якобы оное время к побегу их щастливым быть может»[235].

Калмыцкое духовенство во главе с ламой Лоузанг-Джалчином в 60-е гг. усилило давление на наместника Убаши с целью склонить его к уходу из России. Губернатор Н.А.Бекетов докладывал Коллегии иностранных дел, что «калмыцкие ламы всюду сеют тревожные слухи и пугают неизбежной христианизацией»[236]. Призывных грамот Далай-ламы, по мнению А.Б.Насунова, было несколько и под влиянием очередной из них «в конце 60-х годов феодально-клерикальная верхушка ханства приняла окончательное решение покинуть пределы России»[237].

Здесь нам хотелось бы обратить внимание на вопрос: какова роль Тибета в организации откочевки калмыков? Мы ставим под сомнение существование «подзывной» грамоты Далай-ламы с указанием «счастливого» 1771 г. как подходящего для побега, так как это не подтверждено источниками. Если даже такая грамота и существовала, то Далай-лама VII, известный своей покорнос-

тью Цинам, мог отправить ее только с согласия китайцев. Известно, что маньчжурские императоры в своих внешнеполитических интересах использовали религию. Ламаизм был широко распространен в Тибете, Халхе, Южной Монголии, Джунгарском и Калмыцком ханствах, Кукуноре, поэтому цинские правители для достижения там своих целей прибегали к помощи деятелей ламаистской церкви, в частности Далай-ламы V Нагван Лобсаньжамсо (1617-1682) и панчэн-ламы. Когда Цины старались распространить свое влияние в Кукуноре, Джунгарском ханстве, Халхе, они первым делом установили связи с Далай-ламой V, пригласив его в Пекин. Во время пребывания первосвященника ламаистской церкви в столице Цинской империи в его честь устраивали каждодневные банкеты. По поводу отъезда Далай-ламы V состоялись торжественные проводы, сопровождашиеся вручением ему золотых и серебряных изделий, жемчуга, нефрита, шелка и других подарков. Впоследствии в Тибет отправились важные чиновники Палаты ритуалов и Лифаньюаня для вручения Далай-ламе V золотой печати и грамоты, в которой перечислялись его заслуги в распространении буддизма[238]. Между Цинскими властями и Тибетом установились тесные контакты. В акциях, проводимых позже, в период борьбы за Халху и ослабления Джунгарского ханства, Цины использовали влияние Далай-ламы в своих интересах. Так, А.С.Мартынов отмечал, что при подавлении мусульманского восстания в Ганьсу в 1654 г. маньчжуры получили помощь от хошоутов, а в 1667 г. Далай-лама V заставил хошоутов покинуть пределы Внутреннего Китая и освободить занятые ими пахотные земли[239].

В 1682 г. после смерти Далай-ламы V диба, скрывший этот факт, продолжал вести переписку с Цинскими правителями от имени Далай-ламы. И хотя диба поддерживал джунгарского Галдана-Бошокту-хана, вступившего в борьбу с маньчжурами ему пришлось прислушиваться к мнению Цинских властей. Авторы исследования «Внешняя политика государства Цин в XVII веке» считали, что «ламаистская церковь была поставлена на службу Цинской дипломатии, связь между ними оказалось настолько тесной, что даже диба, пытавшийся проводить антицинский курс политики и симпатизировавший Галдану, в конечном счете вынужден был капитулировать перед Канси»[240]. Китайский император Сюань Е сыграл далеко не последнюю роль в смещении Далай-ламы VI Цаньяна Чжамцо, известного своим разгульным образом жизни. Следующий шаг по подчинению тибетской церкви Пекин сделал при Далай-ламе VII.

Будущий духовный лидер Тибета родился в 1708 г. в Литане и был признан ламами местного монастыря перерожденцем покойного Далай-ламы Цаньяна Чжамцо. В 1714 г. его родители, спасаясь от убийц, посланных в Литан тибетским правителем Лхавзан-ханом бежали в Дерге, а затем в Кукунор. В августе 1715 г. малолетний перерожденец с семьей поселился в монастыре Гумбул и

был воспитан монахами Гелугпы. В апреле 1720 г. будущий Далай-лама получил из рук принца Юн Ди, сына китайского императора Сюань Е, золотые диплом и печать. Осенью 1720 г., когда после изгнания ойратов из Тибета цинское правительство укрепило свои позиции в этом регионе, кукунорский перерожденец был интронизирован под именем Далай-ламы VII Галсан Чжамцо. Как сообщает Е. Л. Беспрозванных, император Сюань Е в эссе «Восстановление мира в Тибете», вырезанном на каменной стеле, установленной перед Поталой в Лхасе, написал: « Да ведают будущие роды как о искренней преданности Далай-ламы и прочих к трем государям Дома нашего, так и о давней приверженности айманей к желтому закону»[241].

Власть нового Далай-ламы была изначально ограничена китайцами: восточным Тибетом управлял Канченнас, а западным – Полханас. В 1728 г., когда Полханас стал полновластным правителем Тибета, император Инь Чжен, заподозривший отца Далай-ламы в участии в событиях 1727-1728 гг., решил выслать юного понтифика из Лхасы в г. Гарта. Здесь Далай-лама, пишет Е. Л. Беспрозванных, «провел годы без событий, разнообразившиеся только частыми визитами кукунорских князей и посланцев, привозивших подарки от Полхапаса или от императора и его грандов»[242]. Для того, чтобы попасть в охраняемый китайским гарнизоном Гарта необходимо было получить разрешение лхасского правительства.

Тем не менее, осенью 1731г. опального Далай-ламу посетила калмыцкая паломническая миссия, получившая от него ханский титул для наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука. В. М. Бакунин сообщал, что среди посланцев были « от ханши Дарма-Балы – Намки Гелен; от Черен-Дондука – Батур Омбо; от Шакур-ламы – Балдан Габцу; от Доржи Назарова – Шарап Данжин; от Досанга – Лоузанг Норбу Гелен; от Дондук-Даши – Иши Цой Гелен; а всех 40 человек»[243]. Примечательно, что Батур Омбо по приказу Церен-Дондука отвез в Тибет пепел Аюки-хана. В состав миссии хотели войти Шакур-лама, глава калмыцкого духовенства, и влиятельный владелец Дорджи Назаров, двоюродный племянник Аюки, однако, они получили от государственного канцлера Г. И. Головкина отказные письма.

Подтверждение Далай-ламой Церен-Дондука в ханском достоинстве было чрезвычайно важно для последнего, так как назначение его ханом русскими властями противоречило традициям. Соперник Церен-Дондука Дондук-Омбо утверждал, что « по их калмыцкому закону ханами бывают у них по указу Далай-ламы»[244]. Воспользовавшись случаем, Цинское правительство, в арсенале средств дипломатического воздействия которого религия находила широкое применение, задержало калмыцкую миссию. К сожалению, источники не позволяют прояснить вопрос о переговорах калмыцких посланцев с императо-

ром Китая и Далай-ламой, известно лишь, что после возвращения из Лхасы они более месяца содержались в Пекине под арестом.

В 1735 г. после ослабления джунгарской угрозы Далай-лама VII с позволения императора Инь Чжэна вернулся в Лхасу. К этому времени в Тибете появились два маньчжурских резидента. Далай-ламу устранили от решения государственных дел, оставив в его компетенции лишь религиозные вопросы. Между Полханасом и Далай-ламой установились неприязненные отношения. Сын Полханаса, Чжурмэд-Намчжал, ставший в 1747 г. правителем Тибета, установил связь с ойратским правителем, за что и был убит маньчжурами в 1750 г. В 1750 г. управление Тибетом было передано четырем калонам – министрам, подчинявшимся Далай-ламе. Права маньчжурских резидентов в Тибете значительно расширились, а численность их гарнизона была увеличена до 1,5 человек[245]. Прокитайская позиция Далай-ламы сыграла определенную роль в провале попытки Чжурмэд-Намчжала вернуть независимость Тибету. В 1751 г. Цины сделали ставку на сотрудничество с главой тибетской церкви, который, как верно отметил Е. Л. Беспрозванных, «несмотря на все превратности своей жизни, никогда не выступал против цинского господства»[246].

Далай-лама VII скончался 22 марта 1757 г. В последние годы жизни управление Тибетом он передал в руки своих калонов, сохранив в своем ведении религиозные дела. Если даже «подзывная» грамота 1756 г. волжским калмыкам и существовала, то Далай-лама мог отправить ее Дондук-Даши лишь с согласия китайцев. Лхаса как центр ламаизма, имевший большое влияние на калмыков, могла быть использована маньчжурами как весьма полезный инструмент для осуществления политики Цинов в Калмыкии, в которой нашла отражение идея объединения всех монгольских народов в семью во главе с китайским императором, который в равной мере заботился бы о процветании своих подданных. Этот принцип общности и неделимости народов китайская дипломатия использовала для внушения монгольским народам мысли об их неразрывности с маньчжурами. Установление контактов с калмыцкими ханами для маньчжуров значительно облегчилось бы, используй последние авторитет Далай-ламы, влияние которого на калмыков трудно переоценить. Так, В.М.Бакунин сообщал, что «Далай-ламинские места калмыки в таком почтении имеют, что с охотою и умереть тамо желают»; «Далай-ламу, человека суща – не только боготворят, но и жертвами почитают и именем его клянутся»; «в то время, когда получаемые от Далай-ламы грамоты кладутся им чрез их духовных на головы, тогда они шапки снимают, но сие чинят не для почтения Далай-ламе, но для того, дабы по их суеверию содержащаяся в Далай-ламиной грамоте святыня также чувствительным образом телу их прикоснулась»[247]. Версия же о

самостоятельной роли Далай-ламы VII в организации откочевки представляется нам сомнительной.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на вопрос о выражении в социальных и политических событиях в ханстве ценностных ориентаций, главенствующих в менталитете народа. Почему калмыцкие владельцы не смогли принять объективно неизбежных перемен, связанных с новыми условиями жизни в рамках абсолютистского российского государства? Почему простолюдины в большинстве своем покорно последовали за феодалами, несмотря на любовь и привязанность к волжской земле? Наличие этих и подобных вопросов доказывает, как представляется, необходимость анализа ментальности калмыков в связи с интересующей нас проблемой.

В силу исторической инертности основной массы населения, отсутствии «скрепляющей силы», роль которой на Западе играло «третье сословие», интересы целого в ханстве, как правило, представляла верховная власть. Отчуждение властных функций от общества вело к отрицанию роли личности «рядового» калмыка. Соответственно угасала и потребность личности в свободном волеизъявлении как осознанная обществом ценность. Мало того, опираясь на традиции, общество подавляло попытки такого волеизъявления. Всем членам калмыцкого общества, кроме хана, в свободе отказывалось. В итоге это вело к персонификации власти – отождествлению властных функций с конкретной личностью, выполняющей их. Учитывая подобную тенденцию, можно говорить о «монархической доминанте» в менталитете калмыков. Призыв наместника Убаши покинуть Россию прозвучал для большинства калмыков как приказ, выполняя который «в поспешных сборах бросали кибитки, худой скот, малолетних детей, идолов, больных» [248].

Не стоит забывать и о фатализме, который являлся частью мировоззрения калмыков. Особенность экономики номадизма заключалась в ее зависимости от природно-климатических колебаний. Скот, отмечал Н.Н.Крадин, в отличие от зерна не мог быть вырван из процесса производства и воспроизводства и всегда находился под угрозой уничтожения неблагоприятными природными факторами. Экстенсивный характер кочевого скотоводства выражался в том, что »увеличение производства зависело больше от естественных условий, нежели от объема вложенного труда»[249]. Скотовод, оставленный весь год без перерыва под открытым небом, боролся с изменчивостью погоды, а также частой нехваткой кормов, являясь своего рода заложником природы. Все это способствовало формированию в массе калмыцкого народа целого комплекса поведенческих стереотипов. Отсутствие значительной корреляции между мерой трудовых затрат и полученными результатами не могли не создать настроений определенного скепсиса по отношению к собственным усилиям, хотя эти

настроения затрагивали лишь часть населения. В условиях, когда «достаточно было одной степной бури (шурги) или глубокого снега, чтобы калмыки лишились всего своего состояния»[250], некоторая часть степняков была подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной. «Санамр» -- беспечность, безмятежность, халатность, неорганизованность, жизнь одним днем, нежелание заглядывать в завтрашний день, будучи важной чертой менталитета калмыков, возможно, облегчила задачу знати увлечь за собой в Джунгарию широкие народные массы.

Что касается класса феодалов, то многие исследователи подчеркивали такие особенности их ментальности, как легкомысленность, политическую недальновидность. Так, Н.Я.Бичурин был убежден, что «вся история ойратства представляет их склонными к хищничеству, падкими на корысть, легкомысленными, лукавыми, вероломными. Сии же самые качества мы найдем и в Приволжских элютах, известных у нас под названием Калмыков»[251]. Н.А.Нефедьев, занимавший более либеральные позиции, обьяснял своеволие владельцев врожденной склонностью к тому в калмыцком народе[252]. М.М.Батмаев отмечал, что «калмыцкая правящая знать довольно часто принимала ответственные решения под влиянием сиюминутных выгод сложившегося положения, не умея или не хотя заглянуть в более отдаленную перспективу. Подобные необдуманные решения и, хуже того, практические действия осложняли русско-калмыцкие отношения, приводили к ответным жестким мерам правительства, от которых в конечном итоге страдали народные массы»[253]. Руководитель «Калмыцких дел» В.П.Беклемишев, наблюдая за очередной междоусобицей в ханстве, подметил: «Народ несмысленный и неразсудительный, к тому же своевольный и упрямой и кроме воровства ни к чему не потребнай»[254].

С момента появления в России до 1771 г. калмыки почти 150 лет провели в ее пределах. За эти годы сменилось несколько поколений, для которых волжские степи уже стали родиной. Брат Дондук-Омбо Бокшурга, кочевавший вместе с ним на Кубани, летом 1733 г. говорил, что «лучше б ему на Волге есть мелкую рыбу таранину, нежели на Кубани баранину, ибо при Волге их место привольное и покойное».[255] Владелец Доржи Назаров и его сын Лубжи в ответ на обвинения губернатора И.Измайлова в грабеже и угрозы, что «поступлено будет с ними, яко с неприятелями, и нигде себя от войск Ее Императорского величества скрыть не могут», в марте 1734 г. заявили, что «они Волгу и Яик – своей отчизны, хотя б он губернатор и отсылал, не бросят»[256] Шакур-лама убеждал губернатора А.П.Волынского в 1724 г.: «простые калмыки с Волгою, Яиком и Доном ни за что расставаться не хотят и всякого владельца, который бы захотел уйти, конечно, одного оставят»[257]. Когда Аюка узнал об уходе в 1701 г. сына Санчжаба в Джунгарию, он сказал: «Спящий неспящему помогать не в

состоянии»[258]. Как видим, у калмыков сформировалась любовь, привязанность к приволжским степям.

Однако феодальная знать ханства все же принимает решение покинуть Россию. С одной стороны, напрашивается вывод, что в конце 60-х гг. XVIII в. она продемонстрировала в очередной раз политическую недальновидность, взяв на вооружение идею откочевки, а затем и претворив ее в жизнь в 1771 г. Вместо того, чтобы принять обьективно неизбежные изменения социально-экономического и политического характера, обусловленные укреплением абсолютизма и формированием капиталистических отношений в России, калмыцкие владельцы решают сохранить свои права, свободы и привилегии путем утраты новой и обретения старой отчизны.

С другой стороны, рассматривая русско-калмыцкие отношения, исследователи обращали внимание на что угодно, корме моментов столкновения поведенческих стереотипов разных народов, имеющих этнокультурные основания и касающихся таких глубинных и почти неосознанных вещей, как восприятие пространства, времени, процесса действия. Именно они и служат превопричиной взаимного непонимания и приводят к конфликтам. Нужно отметить, что субьективные мотивации правящей элиты ханства определялись и мировоззрением, идеалами и ценностями калмыков. Оторвавшись от основной массы ойратов, они не восприняли иерархию ценностей русского народа. В традиционном обществе, каким было Калмыцкое ханство, основная масса населения не обладала способностью осознанного отношения к русской культуре, а потому воспринимала ее как нечто чуждое. «Все русское, – отмечал архимандрит Гурий, – было для калмыков ненациональным и чуждым. Оно отвергалось, как враждебное, и, воспринимаемое отдельными лицами, клеймилось всей массой народа, как презренное и позорное. Благодаря всему этому калмыки, естественно, должны были проявлять враждебные отношения к русским, что действительно и было почти за все время их самостоятельного исторического существования в пределах России»[259]. Отделенные от Джунгарии огромным расстоянием, калмыки до второй половины XVIII в. поддерживали связи с бывшими соплеменниками. В моменты обострения русско-калмыцких отношений некоторые нойоны вынашивали идею откочевки в джунгарские пределы.

До конца XVIII в. главным в сознании калмыцкого общества являлось осмысление себя как части более широкого ойратского универсума. Одной из важных характеристик человека было и остается его предствление о собственной причасности к определенному сообществу (этническому, политическому, конфессиональному). Ранее при изучении процессов этнического развития преобладала тенденция к установлению таких объективных прзнаков этнической общности, как наличие территории компактного проживания, единство языка и

т.п. Однако по мере исследования становится очевидно, что эти признаки прдставляют собой лишь некоторые условия для развития прцесса, протекающего в сфере общественного сознания. Общность людей делает этносом наличие у нее особого этнического самосознания, для которого характерно четкое осознание различий между этносом »своим» и «чужим». Источники дают возможность установить, что термин «калмыки» лишь в кнце XVIII в. приобретает значение самоназвания. Между тем, именно этноним выступает одним из наиболее наглядных признаков этнической общности. Его наличие изначально свидетельствует об осознанности членами конкретного социального образования своей этнической определенности. В 1761 г. В.М.Бакунин утверждал, что «... хошеуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют, а называют как и выше означено «ойрат», торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку...»[260]. Английский историк А.Тойнби, выдвинувший теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивизаций, включил калмыков и монголов в тибетскую цивилизацию. Последняя, по его мнению, являлась спутником независимой индийской цивилизации[261]. Критериями, в силу которых между независимой цивилизацией и ее спутниками, всегда будет существовать взаимное притяжение, А.Тойнби назвал религию и «степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло»[262]. Калмыки испытали влияние русского общества, но тогда еще не принадлежали ему окончательно. Такая отчужденность, по мнению А.Тойнби, являлась «психологическим выражением того исторического факта, что вдохновение религии, зарождающейся внутри некоторой культурной традиции, изначально имело иностранное происхождение»[263]. Он полагал, что ответственность за надломы цивилизаций лежит на совести их лидеров. Стадия надлома калмыцкого общества совпала по времени с заменой азиатских тенденций в развитии России на европейские в связи с началом петровских реформ и утверждением абсолютизма. Проявление социального конфликта нашло отражение в борьбе феодальных группировок за власть и привилегии в условиях проведения ограничительной политики царского правительства. Развитие конфликта внутри наиболее влиятельной социальной группы – правящей элиты ханства оказало непосредственное воздействие на процесс принятия решения об откочевке из России, а также его проведение в жизнь. Меньшинство увлекло за собой народные массы. В событиях 1771 г. калмыцкий народ проявил удивительную пассивность и смирение.

«Народ в ужасе молчит...
Народ безмолвствует».

Эти слова из финальной сцены «Бориса Годунова» А.С.Пушкина словно выражают состояние калмыцкого общества в ситуации 1771 г.

Итак, с утверждением абсолютизма ограничительная политика правительства России в Калмыкии делала власть местных правителей все более формальной. Колонизация Предкавказья, Северного Кавказа и Нижней Волги, начавшаяся в XVIII в., сокращала территориальную базу калмыцкого скотоводства. Стартовавший процесс хозяйственно-бытовых изменений в ханстве противоречил интересам феодалов. Перелом настроений владельцев был обусловлен как частым привлечением калмыков на театры военных действий России, так и выходом простолюдинов из-под их власти под предлогом христианизации. Эти обстоятельства наложили отпечаток на развитие русско-калмыцких отношений во второй и третьей четверти XVIII в. и послужили обьективными причинами ухода части калмыков в Джунгарию в 1771 г. Как отметил С.М.Соловьев, калмыкам «нравились привольные кочевья между Волгой, Яиком и Доном, но не нравилось то, что за эти приволья они должны были платить свободою: европейское государство наложило на них свою руку, и, чтоб высвободиться из-под этой руки, калмыцкие владельцы рвались к своим или на Восток, к независимым от России калмыкам, или на Запад, к Крыму»[264].

С точки зрения калмыков, которые до присоединения к русскому государству имели определенную политическую самостоятельность, владычество России рассматривалось как насильственное чужеродное господство, которое пыталось подчинить их чуждой административной системе, а в отдаленной перспективе навязать чуждую религию и культуру. На усиливающееся российское давление калмыки-кочевники ответили массовым бегством – исходом со своей земли. Здесь стоит отметить, что наиболее простой и часто встречающийся в экстремальных условиях жизни этноса способ его спонтанной самоорганизации представляет собой бессознательное воспроизведение членами этноса в момент внешней угрозы того комплекса действий, чувств, которые дали им в прошлом возможность пережить похожую ситуацию с наименьшими потерями. В конце XVI в. калмыки, теснимые восточными монголами и казахами, откочевали в Россию. В 1771 г. они воспринимали происходящее в рамках принятой ими картины мира и воспроизвели обычную для себя реакцию на опасность.

Такова, на наш взгляд, предыстория событий 1771 года.

Глава II. ОТКОЧЕВКА БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ КАЛМЫКОВ ИЗ РОССИИ В ДЖУНГАРИЮ В 1771 ГОДУ

1. ПОДГОТОВКА И ОРГАНИЗАЦИЯ УХОДА

В конце 60-х гг. процессы, которые подспудно развивались внутри Калмыцкого ханства, отчетливо выявились и стали стремительно нарастать.

Зима 1767-1768 гг. была снежной и морозной, в улусах из-за нехватки кормов начался большой падеж скота. Недовольство и бедствия народа усилил правительственный указ 1768 г., запрещавший продажу хлеба по пути с судов на калмыцких переправах и других местах, не установленных для такого рода торга. Наступил массовый голод, цены на продукты питания возросли, что заметил руководитель «Калмыцких дел» И.А.Кишенской, сообщивший астраханскому губернатору 22 октября 1768 г., что «особливо же ныне по такому крайнему в хлебе оскудению больше всех претерпевает наивящщую нужду калмыцкий народ»[1].

В конце 1768 г. Турция объявила войну России. Правительство намеревалось использовать калмыцкую военную силу. 31 декабря 1768 г. наместнику Убаши была послана грамота с предписанием снарядить 20-тысячное войско для отправки в действующую армию П.А.Румянцева в Молдавию и Крым. 30 марта 1769 г. сформированное наместником войско отправилось из урочища Яшкуль к месту назначения. Сам же Убаши, возглавив калмыцкий отряд, усиленный небольшой командой драгун и казаков, выступил в апреле 1769 г. в поход против кубанских татар, подданных крымского султана. Калмыки принимали участие и в военных действиях в Грузии весной 1770 г. Как видим, ханство мобилизовало почти все силы для оказания помощи России в войне.

Правительство распорядилось оставить калмыков кочевать на правобережье Волги летом 1769 и 1770 гг. с тем, чтобы облегчить задачу привлечения их к участию в военных действиях, несмотря на то, что в это время основная часть калмыков кочевала на луговой стороне. Сокращение территории кочевий в результате правительственных указов вызвало истощение пастбищ, уменьшение кормовой базы. В улусах начался новый падеж скота. В письме к полковнику И.А.Кишенскому от 27 декабря 1770 г. дербетский владелец Цебек-Убаши жаловался, что «тех мест корма и воды еще с самого лета потравлены, и по случившейся великой непогоде в бытность нашу тамо всякого рода скота нашего разпропало много, чрез что мы получили себе убыток»[2]. Обстановку накаляли и участившиеся случаи хищения у калмыков скота местным оседлым населением, вызывавшие аналогичные действия со стороны калмыков. При-

чем, разобраться в конфликтах и наказать виновных было непросто. Как сообщал наместник ханства Убаши в представлении Коллегии иностранных дел от 11 февраля 1770 г. о столкновении донских казаков с дербетскими улусами, «им того разобрания учинить никак не можно потому, что с стороны донских казаков объявляется много старых и несправедливых исков. Дербетевы же калмыки просят, чтоб такое разобрание учинить здесь им обще с полковником Кишенсковым так, как напредь сего в 1759-м годы было учинено при генерал майоре Спицыне и отце моем, чем как они, так и донские казаки и доволными быть могут, но как мы, а притом и Дербетевы калмыки все вообще ныне приготовляемся к походу, то я разобрание оного дела и предоставил до возвращения моего из похода»[3].

Между тем, ухудшение положения калмыков в результате правительственных распоряжений наблюдали и русские чиновники. 1 марта 1770 г. в доношении астраханскому губернатору Н.А.Бекетову руководитель «Калмыцких дел» И.А.Кишенской писал, что калмыки «чрез прошедшее лето, а паче чрез нынешнюю зиму от бескормицы великой в скоте упадок претерпели, а если удержать и далее их здесь, совершенно всего своего скота лишится и в конечное разорение придти могут». И.А.Кишенской сообщал о состоянии улусов и в Коллегию иностранных дел, но в присылаемых оттуда указах с подписью императрицы Екатерины II «о улусах калмыцких, и где им чрез нынешнее лето кочевать ничего не упоминается», потому полковник обращался к Н.А.Бекетову с вопросом о назначении мест калмыцких кочевий. Он предостерегал губернатора, что «ежели удержать их (калмыков – Е.Д.) здесь, и они оттого в разорение приходить будут, крайне опасно дабы и весь сей народ не встревожить и в смятение не привесть»[4].

Чаша народного терпения переполнилась: земельная теснота, падеж и хищения скота, большие поборы в армию – способствовали росту социальной напряженности в обществе. Неудивительны в связи с этим высказывания некоей «Ульзиной женки» в разговоре с казаком Анчиком Хашкиным из Кулагинской крепости, гостившем в улусе Ондона, что калмыкам «ныне жить приходит раззорително и весма тяжело, понеже наших мужей берут нёмалым числом в государеву службу, да и все наши улусы то ж за Волгу переправляют, как и ныне будучи орда, за Волгою на нагорной стороне множество скота повалилось, да и все де мы приходим в разорение и убожество и когда де мой муж был не в походе, а находился при улусах, лучше бы нам итти от того изнурения в Зюнгарию»[5]. Полковник И.А.Кишенской в упоминаемом выше доношении И.А.Бекетову отмечал: «предприемлемые ими вредные мысли (об уходе в Джунгарию – Е.Д.) больше оттого разсеиваются, что они от удержания их прошедшим летом на горной стороне и от многого скота их упадка разорились, что и в самом

деле было, а особливо Бамбаровы и Шеаренговы калмыки до такой крайности дошли, что из бескормных степных мест, едва с крайнею нуждою до Волги добратся могли..., а владелец Яндык писал, что он вышед из зимовых мест хотя и имел намерение кочевать к Волге, но по крайне худобе своего скота не токмо на лошадях, но и на верблюдах учинить его не в состояни находится, и остался почти пеш, едва в силах из места в место по степи шататся, а то ж самое и протчие калмыцкие улусы претерпевают»[6].

Однако астраханский губернатор в ответном ордере И.А.Кишенскому от 4 марта 1770 г. писал, что перевод калмыков на луговую сторону приемлет «за неудобное, почитая их к тому усилнейшую о дозволени перехода прозбу по нынешним дошедшим зловредным об них известиям сумнительною, во первых потому что они, как по известиям видно, вознамерились, ежели то правда уклонитца отсюда по луговой стороне, да и потому ежели б совершенно их такого зловредного намерения не было, то б и не для чего домогатца перейти с горной на луговую сторону, буде ж бы по бескормице на нагорной стороне, то и сие неоснователно, ибо в нынешнее время корма и по луговой стороне весма нелутчие тех, где они ныне находятца»[7].

Правящие круги ханства, перед которыми реально встала задача сохранения своей власти, решили воспользоваться взыровоопасной ситуацией в улусах для реализации идеи откочевки из российских пределов в Джунгарию. Этот замысел родился не в голове наместника Убаши, в чем мы согласны с М.М.Батмаевым[8], а скорее принадлежал кому-то из его ближайшего окружения, в которое входили главный лама калмыцкого народа Лоузанг-Джалчин, любимец наместника зайсанг Даши-Дондук, нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг. Возможно, руководителем заговорщиков был Лоузанг-Джалчин, якобы имевший на руках «подзывную» грамоту Далай-ламы. Капитан Н.П.Рычков сообщал: «К побегу призывали не столько их владельцы, сколько крупный Лама Лаузан Ланчин»[9]. Сведения Н.П.Рычкова подтверждают показания астраханского татарина Мустафы Абдулова, заявившего, что Лоузанг-Джалчин после прихода в Джунгарию говорил, «якобы по ево старанию и склонению калмыцкой народ побег ис протекции российской в китайскую сторону зделал, да и по ево предводительству тамошних мест достиг, желая в воздаянии за то получить себе главное в сем народе начальство»[10].

Немаловажную роль в подготовке ухода сыграл и Цебек-Доржи. Выше мы упоминали о его претензиях на ханство после смерти Дондук-Даши. Обозленный отказом российского правительства, который был «тем чувствительнее для Цебек-Доржи, что багацохуры прославили уже его победу и на его сторону... передались улусы Убуши», он решил «дружбою своею с Убуши, отомстить ему же самому и России». По мнению М.Г.Новолетова, план Цебек-Доржи

состоял в том, чтобы «выставлять Убушу неспособным управлять народом и коварным к России, вооружая его, в тоже время против всех распоряжений правительства. В этом, конечно, видна цель – заменить собою Убушу»[11]. Цебек-Доржи, назначенный председателем Зарго, безотлучно находился при наместнике и завоевал его расположение. Подстрекая Убаши к уходу в Джунгарию, он рассчитывал, – сообщает А.М.Позднеев, – что «если замысел будет открыт, то Убаши будет несомненно обвинен в измене и низвергнут, а если последнему удастся бежать, то он Цебек-Доржи, успеет перенять власть у своего слабоумного и неопытного соперника»[12].

В числе инициаторов откочевки был нойон Шеаренг, бежавший в 1758 г. с группой ойратов из племен торгоутов, хошоутов, дербетов и хойтов из Джунгарии на Волгу[13]. В «Мэн-гу-ю-му-цзи» содержатся следующие сведения об истории бегства Шеаренга: «Когда армия (маньчжуров – Е.Д.), отправленная против Чжунгар, взяв в плен Даваци, Амурсану и других повстанцев, одного за другим истребила их, тогда только один Цэрэн не покорился и бежал в Харатана на Кук-усу. В 1758 г. улясутайскому цзян-цзюню Цэнгунь-чжабу и его помощнику Чжао-Хуэю указано было тотчас отправиться против него. Тогда Цэрэн задумал бежать в Россию, но был настигнут китайским отрядом у истоков реки Бошигу ... при чем был подстрелен и взят в плен его двоюродный брат, а сам он, под личиною изъявления покорности, коварно умертвил Фу-ду-туна (военачальника – Е.Д.) Танкалу и, быстро перевалив через хребет Харма, возвратился к волжским торгоутам»[14]. Освоившись на волжских берегах, Шеаренг не оставил затеи вернуться обратно. Он рассчитывал, что Цины, разгромив Джунгарское ханство и вырезав его население, выведут оттуда свои войска, а значит появится возможность заселить опустевшие земли и создать независимое государственное образование ойратов. По мнению А.И.Чернышева, он укрепился в этой уверенности, получая известия с родины[15]. Но собственных сил для реализации плана откочевки у него недоставало, так как по пути к волжским калмыкам он потерял многих людей при переходе через казахские кочевья. Н.Я.Бичурин указывал, что в 1758 г. из Джунгарии с Шеаренгом бежали 10 тыс. кибиток[16]. Если принять во внимание, что средняя численность семьи кочевников составляла пять человек[17], то значит у Шеаренга было в начале пути 50 тыс. человек. А.И.Чернышев, опиравшийся на сообщения китайского историка Ли Инфа, отмечал, что на Волгу Шеаренг привел 2 тыс. человек[18]. Понимая, что только в союзе с наместником и калмыцкими нойонами он сможет достичь Джунгарии, Шеаренг приступил к пропаганде своего плана. Характерно, что китайские источники, к которым довольно часто обращались в своих исследованиях К.Д.Баркман, А.И.Чернышев, М.Куран, не называют имен Це-

бек-Доржи и Лоузанг-Джалчина в числе инициаторов ухода, приписывая планы откочевки исключительно Шеаренгу[19].

Что касается других заговорщиков, то они, видимо, имели свои причины быть недовольными правительством и социально-экономическими процессами, происходящими в ханстве.

Все участники заговора действовали вследствие своих личных свойств, условий и целей. Тем не менее, их объединяло одно – жажда власти и боязнь потери своих привилегий. Они осознавали, что возврата к старым временам, когда калмыцкие ханы и владельцы были полновластными хозяевами степи, не будет. Российское правительство, которое совсем недавно лояльно относилось к автономному ханству, теперь все настойчивей вмешивалось во внутренние и внешние дела Калмыкии. Набирал темп процесс оттеснения власти степной знати властью царских чиновников. При всякой спорной политической ситуации калмыкам приходилось советоваться с представителями российской администрации. И в конечном итоге все получалось так, как «вместе договорились», а не так, как хотелось правящей верхушке ханства.

Беда и вина ее заключалась в том, что она не нашла в себе силы трезво оценить складывающуюся обстановку, принять неизбежные перемены, а уверовала в возможность сохранить былые порядки (а вместе с ними власть и привилегии) путем откочевки в Джунгарию. Вряд ли заговорщики чувствовали себя изменниками по отношению к России, ведь конечной целью откочевки была родина предков. Кроме того, они имели благословение «боготворимого ими» Далай-ламы, указавшего «счастливое» для ухода время. Но, вовлекая в свою авантюру калмыцкий народ, заговорщики предали его интересы, ибо, предвидя опасности длительного перехода через казахские владения (об этом знал тот-же Шеаренг), российские пограничные линии, обрекли его на труднейшие испытания.

Уход готовился в тайне. Совещания заговорщиков проходили в узком кругу, записи, если и велись, что весьма сомнительно, то были уничтожены. Б.Бергманн сообщал, что Цебек-Доржи выступал на собраниях калмыцких феодалов. В своей работе он процитировал речь Цебек-Доржи: «Смотрите ваши права ограничиваются во всех отношениях. Русские чиновники обращаются с вами ужасно, а правительство хочет поделать из вас землепашцев. Вот покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, вот и северные окраины ваших степей заселены немцами; еще немного времени, и будут заняты Дон, Терек и Кума, а вас стеснят на безводные пространства и погубят ваши стада, единственный источник вашего существования. Уже приказано представить в заложники сына Убаши и определено, чтобы 300 человек из лучших калмыков жили в столице. Вам очевидно теперь ваше положение, и в будущем остается одно из двух –

или нести на себе тяжелое бремя рабства, или же удалиться из России и таким образом положить конец всем бедствиям. Известно, что сам Далай-лама указал два года, в которые можно совершить переход в Джунгарию. Эти два года теперь настали. Так ваше настоящее решение должно определить то, что с вами будет»[20]. На наш взгляд, обстоятельства диктовали калмыкам условия секретности, конфиденциальности, поэтому пламенные речи Цебек-Доржи скорее являются публицистическим приемом Б.Бергманна, с чем согласен и М.М.Батмаев[21].

«Тайное всегда становится явным»: как ни старались заговорщики сохранить завесу секретности, об их планах стало известно хошоутовскому нойону Замьяну. Последний, вспомнив старые обиды, сразу же сообщил о вредных намерениях губернатору Н.А.Бекетову в личном послании от 28 февраля 1767 г. Он писал, что посланец заговорщиков в Санкт-Петербурге Дондук-Джамцо «чрез письмо свое дал им знать, что якобы с Россией китайцы имеют войну и будто двоекратно китайцы над российским войском одержали победу, и китайское де войско уже стоит при Ори реке, где есть одно древо». Заговорщики отправили в Оренбург разведчика «Арашу, который служил при Дондук-Даше, для получения о том достоверного сведения». В случае, если китайское войско действительно в тех местах находится, заговорщики решили идти с ним на соединение, если же слухи ложны, все равно уходить к китайским границам. Замьян называет губернатору имена заговорщиков, это нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг, Яндык, Басурман-Тайджи, зайсанги Даши-Дондук, Цаган Манджи Шарапов, Цагалай, Ондон и лама Лоузанг-Джалчин.

Замьян полагал, что намерение названных феодалов откочевать в Джунгарию вызвано тем, «что во-первых... дербен ойродов природное тамо место, а паче потому что китайцы однозаконцы, при том же слышно о китайском хане, что он к подданным оказывает великие милости, к тому ж где и Далай-лама калмыцкой оттуда недалеко». Упоминая, что ни Аюке, ни Дондук-Омбо, ни Дондук-Даши не удалось откочевать из России, он называл неразумным стремление заговорщиков уйти от «щедрой милости» государыни, почитая ее «тяжелым себе игом». Замьян сравнивал руководителей заговора с «зыблящим древом, приносящим многоплодия и не снещим того плода подламывающим»[22].

Н.А.Бекетов не придал значения письму Замьяна, полагая, что тот клевещет на наместника. Сообщение о военных действиях между Россией и Китаем было неверным. Не имея фактов, губернатор начинать расследование не стал, тем более, что с 1767 г. вследствие ссоры с И.А.Кишенским его отстранили от заведывания «Калмыцкими делами»[23].

Однако Замьяна не смутило недоверие Н.А.Бекетова, он продолжал доносить губернатору об обстановке в стане наместника. 6 ноября и 2 декабря 1768

г. Замьян вновь информировал Н.А.Бекетова о подготовке ухода[24]. 3 февраля 1769 г. он писал, что, получив грамоту о наряде 20-тысячного войска в Крым на помощь русской армии, нойоны Цебек-Доржи и Еремпель, тесть Убаши, и зайсанги Гелдей, Даши-Дондук с ламой Лоузанг-Джалчином, «почитая в толиком числе их войску наряд в дальнее место себе за несносность, имели при наместнике для российских интересов весьма противной совет, [а именно] чтоб нынешним зимним временем перейти со всеми улусами с нагорной на луговую сторону, а оттуда и удалиться, перейдя ж чрез Яик, к китайской границе, к чему и наместника они усильно склоняли», а чтобы скрыть от русских приготовления к откочевке, заговорщики решили «дать для дальнего похода... только одну, а по большей мере две тысячи человек»[25].

Четвертое сообщение Замьяна встревожило Н.А.Бекетова, так как к этому времени он стал получать сведения о подготовке ухода из разных источников. В первой декаде февраля астраханский бодокчей Цой Лоузанг-гецуль, сын зайсанга Гелдея, которого Замьян назвал в числе заговорщиков, «домогался сведать от калмыцкого переводчика Воронина о числе российского войска, при Оренбурге находящагося»[26]. Затем губернатор получил рапорт кизлярского коменданта, докладывающего, что «наместник не давши ему знать не только распустил войско, да и совсем от кабардинских границ покочевал к Волге», а «владелец Яндык, так же не давши ничего знать Моздоцкому коменданту, с войском, поставленным для защищения оной крепости отошол, и тем совсем наместником нарушено прежнее ея величества повеление о быти калмыцкому народу во всекрайней осторожности от неприятеля». Кроме того, приезжающие из наместниковых улусов калмыки говорили, что Убаши «распустя войски с улусами своими кочует к Волге. А при том, что еще сумнительней, что при работах находящихся при Астрахани у купцов, то ж и за Волгою рекою издавна и всегда при бодокчеях их пребывающих калмык приказано весть с их домами и скотом и сообщить с улусами»[27].

17 февраля 1769 г. Н.А.Бекетов приступил к решительным действиям. В этот день под предлогом покупки для него кабардинских лошадей он отправил к наместнику А.П.Воронина, истинной целью которого была проверка достоверности слухов об организации ухода. Вместе с переводчиком губернатор послал Убаши письмо. Он сообщал, что «высочайшая воля последовала наступать военной рукою на кубанцев и протчих к российской стороне не усерствующих, в котором числе, как кизлярской комендант объявляет, находится некоторые кабардинские владельцы. И требует он, что оные естли добром в подданство по прежнему не придут, то их склонить силой, не упуская способного время, что вам и учинить неотменно надлежит». Н.А.Бекетов не упомянул в письме о дошедших до него тревожных известиях о планах калмыцких вла-

дельцев, напротив, подчеркивая «должную верность» Убаши «ея императорскому величеству», он выразил надежду, что наместник усердно выполнит ее повеление[28].

Одновременно губернатор адресовал управляющему «Калмыцкими делами» И.А.Кишенскому ордер, которым оповещал последнего о предостережениях Замьяна. Он писал, что известие о зловредных намерениях калмыков противоречит уверенности И.А.Кишенского «о калмыцком народе в верности к ея императорскому величеству усильному», а потому «совсем за вероятное почесца не может». Однако добавлял, что «в разсуждении нынешнего военного случая всемерно надлежит вам принять тончайшее примечание и предосторожность, что и остается, по особливо имеющейся по сим делам к вам от государственной иностранной коллегии доверенности на вашем ответе». Что касается распоряжений наместника о сборе калмыков – отходников, то Н.А.Бекетов полагал: «...понеже в военной службе домы их, ежели бы другова умысла у них не было, нимало не нужно и выводить бы их из тех мест», а потому поручал И.А.Кишенскому проследить, «чтоб в за тих в службу калмык и находящихся по договором у купцов во услужени жены их с детьми и со скотом оставлены были при тех же местах, где они ныне есть, вместо заклада в состоящих на тех калмыках здешних купцов долгах». Предупреждая о важности «сего дела» губернатор рекомендовал «начальников сего злаго умысла каким-нибудь образом, только не силою, получить в свои руки, чрез что могут многие следствия воспрепятствованы быть», а полученные от них показания отправить с нарочными в Петербург с «требованием резолюции». Он намекал И.А.Кишенскому, что для расследования не следует щадить не только «никаких трудов, а в потребном случи и денежной некоторой суммы»[29].

Получив предписания губернатора, руководитель «Калмыцких дел» приступил к проверке слухов, но никаких приготовлений к уходу не обнаружил. В письме от 22 февраля 1769 г. он уверял Н.А.Бекетова, что верить сообщениям Замьяна нельзя, так как тот клевещет на наместника из-за известной ссоры[30].

Но губернатор не оставил своих подозрений, ибо имел в своем распоряжении новые сведения. Переводчик А.П.Воронин, зная о пристрастии к спиртному астраханского бодокчея Цой Лоузанг-Гецуля, о котором мы выше упоминали, воспользовался этим и перехватил письмо его сестры Джулжин, жены джунгарского владельца, кочевавшего с нойоном Бамбаром, в котором она передавала: «Здесь носитца слух от Табун Отоковых калмык, якобы торгоуты, дербети, Шеаренг и Табун Отоки вознамерились отойти к Алтаю, а сколько мне разсуждаетца может такое намерение есть только Шеаренгово, а торгоуты примешены к тому не напрасно ли?» Джулжин просила брата не разглашать сего известия, а «об обстоятельствах оного, ежели вам что известно ко мне отпи-

сать», так как полагала, что распространяемый слух мог быть для «посмеяния Шеаренгу зделан»[31].

Н.А.Бекетов счел нужным отправить копию письма Джулжин через майора Стремоухова в Енотаевск, язвительно замечая в новом ордере И.А.Кишенскому, что «о таковых обстоятельствах не столько можно быть мне по заочности известну, сколько вам, что все как и зависит на ответе вашем». Напоминая И.А.Кишенскому, что «вероломные люди всегда стараютца видом благочестия злым своим намерением воспользоватца», губернатор предлагал ему «неприменно о всем их замысле чрез доброжелательных к нашей стороне калмык, каковым при вас и быть надлежит, не упустя времени достоверное получить сведение, и тогда вернее по внутренности, нежели по внешнему виду, разсуждать будет можно». Он информировал управляющего «Калмыцкими делами» о дошедших до него от калмыков нойона Яндыка слухах, что «они, стоя на прежних местах, назначенных им для безопасности Кизлярского края, были весма довольны и не желали оттуда откочевывать, но двоекратную присылкою от наместника с принуждением к тому усилины были». В заключение Н.А.Бекетов предлагал лучший, по его мнению, способ предупредить неприятности: «прежде оглавленных за заводчиков сего намерения пристойным образом отдалить от наместника в число дватцети тысяч, хотя не всех, но важнейших, а при том послать Кирипа, брата Цебекова, то и оной Цебек будет обуздан, оставшись здесь», прибавляя, что это не повеление, а рекомендация, так как управление калмыками на И.А.Кишенского возложено и на его ответе «оставитца должно»[32].

В ответном рапорте от 6 марта 1769 г. И.А.Кишенской сообщал, что «ничего противнаго не видно, елико ж касается до разведывания чрез калмык некоторых, хотя и есть довольно к нашей стороне доброжелательных, и кои всегда, и особенно при нынешних обстоятельствах, о всяких подлежащих до сведения нашего дела непрестанно спрашивается», однако «не усматривает оного сумнительства и считает его невозможным, «ибо оное по ветренности их (калмыков – Е.Д.) скрыто быть не может»[33].

7 марта 1769 г. Н.А.Бекетов вновь писал подполковнику, что «хотя он уверяет, но чтобы как можно примечал, и что он один будет отвечать, так как ему... не велено вмешиваться в дела»[34]. М.Г.Новолетов отмечал, что «Бекетов, хотя обращал внимание; но был поставлен в тесные границы, почему и взваливал на Кишенскова иметь наблюдение. Кишенсков напротив, бывши друг наместника (видно «что они жили дружно и все дела решали согласно»), и состоя при нем ничего не замечал и в продолжении трех лет уверял Бекетова, что слухи эти ложны»[35].

11 марта 1769 г. Замьян в очередном послании извещал губернатора, что «Бамбаровы улусы переправляются, а сам Бамбар наперед поехал с посланным

за ним калмыченином Келдеем, которому намерен объявить о пресечении нынешним случаем их положенного намерения перейти чрез Волгу». Доводя до сведения Н.А.Бекетова новые слухи и ссылаясь на то, что «калмыки жития сайгачьего и ума ветреного», Замьян предлагал ему самостоятельно сделать из них соответствующие выводы и «разсуждения». Однако, опасаясь, что губернатор, учитывая его неприязнь к наместнику, не верит этим сообщениям, Замьян требовал от него «дозволения о таких доходящих до меня слухах прикажете ли к себе представлять?»[36].

Беспокойство Замьяна передалось было Н.А.Бекетову, но вскоре тревога его улеглась, так как в апреле 1769 г. наместник, отправив 20-тысячное войско в основную армию в Крым, выступил с остальными силами в кубанский поход, как того требовала императрица. Отмечая храбрость и мужество, проявленные Цебек-Доржи, Шеаренгом, Еремпелем и Церен-Делеком, сыном Бамбара, в боевых действиях, Екатерина II пожаловала их золотыми медалями с собственным изображением. Наместник Убаши за отличную службу был награжден императорским портретом, украшенным драгоценными камнями, который вручил ему 8 августа 1769 г. полковник И.А.Кишенской[37]. Летом калмыки были отпущены в улусы на отдых до следующего года[38].

Активное участие калмыков в войне с Турцией совсем было успокоило Н.А.Бекетова. Между тем, заговорщики не оставили своих планов, в ставке Убаши было решено откочевать из России в феврале (1 февраля – Цаган-Сар) 1770 г., когда «русские в состоянии будут представить меньше препятствий, чем весною и летом»[39]. В первой декаде января 1770 г. посланные заговорщиками партии, одна – в 500 человек, другая – в 250, под руководством нойона Бамбара оттеснили казахов, прикочевавших на зиму к Яику, чтобы очистить дорогу для основной массы бегущих. Они отогнали у казахов огромные гурты скота, которые намеревались использовать в качестве провизии в предстоящем уходе[40]. Отгон скота осложнил взаимоотношения между калмыками и казахами. Хан младшего жуза Нурали, возмущенный действиями калмыков, направил оренбургскому губернатору И.А.Рейнсдорпу письмо, требуя «или послать войска против калмыков и отобрать скот, или дозволить ему самому управиться и если он не сладит, то будет самого себя винить, а не правительство и останется доволен, в противном случае, он будет идти против присяги»[41].Столкновения между калмыками и казахами, защищавшими соответственно южные и восточные границы империи, противоречили российским интересам. Астраханские и оренбургские чиновники путем увещеваний пытались восстановить мир между ними, что было не так просто, учитывая негодование Нурали-хана. Последний буквально забросал канцелярию оренбургского губернатора гневными письмами. И.А.Рейнсдорпу удалось уговорить хана «возыметь неко-

торое терпение» лишь после того, как он пообещал именем своим и правительства возвратить весь скот и наказать виновных. Из Оренбурга в Енотаевск к полковнику И.А.Кишенскому обратились с просьбой, чтобы тот «киргис-кайсацкой» скот чрез посылку по владельцам калмыцких нарочных немедленно весь от калмыков отобрал и «чрез Яицкие форпосты возвратил» хану Нурали[42].

Между тем, Нурали-хан, потерявший терпение, решил самостоятельно вернуть отогнанный калмыками скот. Поручик С.Везелев в рапорте от 7 марта 1770 г. сообщал И.А.Кишенскому, что 1 марта повстречал одного калмыка, ехавшего от Бамбара, который рассказал, якобы Бамбар со всем своим улусом «ежедневно, бросая усталой скот, с великою поспешностию кочует вверх к Рын пескам». С.Везелев отправился в указанное место, где 3 марта в урочище Араш настиг Бамбара, который объявил: «дано ему знать чрез нарочно присланного от атамана, находящагося при Яицких фарпостах, что кайсак до трехсот собралось и находятся по сю (правую – Е.Д.) сторону реки Яика при своих табунах, к которым и еще присокупляются малыми партиями в собрание. Но для того, чтоб учинить на здешние улусы нападение, или для обряжения табунов своих, того неизвестно»[43].

Опасаясь «отмщения» Нурали-хана, полковник И.А.Кишенской приказал все улусы, кочующие на луговой стороне Волги, перевести на нагорную (правую), тем самым, нарушив планы заговорщиков. Последние, убедившись, что осуществление их замыслов пока невозможно, с усердием принялись собирать калмыцкое войско для кампании 1770 г. Согласно императорскому указу от 27 февраля 1770 г. Убаши должен был выставить 15-тысячный отряд для помощи основной армии, действующей в Крыму и Молдавии, а «оставшими силами и сам выступать в поход на Кубань»[44]. Он отправил ко всем феодалам нарочных с приказанием, чтобы «все то войско к ставке наместниковой... марта около 20 числа собралось под опасением владельцам наистрожайшего штрафа, а зайсангам же такого наказания плетьми»[45].

Наблюдая старательность наместника в исполнении правительственного распоряжения, полковник счел основательным объяснение нойона Цебек-Доржи, посетившего 4 марта 1770 г. Енотаевск, о причинах отгона скота, что «сие де не от чего другого произошло, как единственно от самовольства Бамбаровых калмык, которые издревле привыкли жить в непослушании». В рапорте Н.А. Бекетову от 9 марта 1770 г. он писал, что «не токмо де им владельцам, но и вообще всему калмыцкому народу, даже до последнего человека, сей злодейский Бамбаровых калмык поступок сожалетелен и противен». И.А.Кишенской также приводил заверения гелюнга Менкоин Джамбо, состоящего при Убаши секретарем, что Бамбаровы калмыки, «будучи всегда своим начальникам малопослушны, по самовольству сие и учинили». Что касается наместника, со-

общал полковник, то он «находится в великом беспокойстве и горести, но что де ему делать, когда он на сей стороне (Волги – Е.Д.) старается исполнить волю всемилостивейшей государыни, а они что там делают ему неизвестно». Однако, продолжал И.А.Кишенской, Убаши принимает все меры к возвращению скота казахам[46].

Владелец Бамбар, на подвластных людей которого возложили всю вину, при личной встрече с И.А.Кишенским заявил, что «последовавший киргис-кайсацкого скота отгон зделался ни от чего другого как от того, что калмыки о переходе их на внутреннюю сторону (Яика – Е.Д.) совсем не ведали и сошлись так с ними кочевьями близко, что скот их, которой обыкновенно у обоих сих народов по большей части бывает без пастухов, сошедшись, между собою смешался. А потом де кайсаки несколько скота калмыцкого владельца Капитана (племянника Бамбара – Е.Д.) ... к себе захватили, причем и людей некоторых побили, а других так же увезли к себе, что де услыша, калмыки как ево, так и протчих кочующих тамо владельцев, вдруг со всех мест зделали отгон ...кайсацкому скоту»[47]. Он уверил полковника, что при первой возможности возвратит казахам «прибывший к нему ... скот», а сам, несмотря на усилившуюся болезнь, примет участие в кубанском походе[48].

В хлопотах о возвращении угнанного скота казахам и сборе калмыцкого войска И.А.Кишенской мало внимания обратил на то, что вновь поползли слухи о подготовке ухода. Старшина Бородин рапортовал в Оренбургскую губернскую канцелярию, что 14 января 1770 г., будучи у хана Нурали, он слышал от последнего, якобы калмыки, кочующие на луговой стороне Волги, «в том числе и Шиаринг Мурза не хотят более кочевать при здешних местах, а имеют де намерение отойти в Зюнгарию»[49]. В тот же день в Яицкий городок прибыли из Кулагинской крепости с рапортом от атамана Виташнова два калмыка-казака, Иван Логинов и Анчик Хашкин, которые подтвердили сведения о намерениях калмыков. И. Логинов объявил, что он «от приезжающих в реченную Кулагину крепость волской орды калмык чрез скрытной их между собою разговор» слышал, «что они, калмыки, берутся в государеву службу большим числом, отчего пришли в изнурение и крайнее разорение, и на называемой их праздник Цаган-Сару намерение имеют бежать в Зюнгарию»[50].

29 января 1770 г. четыре калмыка нойона Бамбара, захваченные в плен Нурали-ханом во время отгона скота, показали в Яицкой войсковой канцелярии, что «посланы они ... по киргисцев для отгону и захвату лошадиных и протчих скотных табунов в одной партии пятьсот, в другой двести пятьдесят человек», так как «намерение свое имеют со всеми улусами бежать в Зюнгарию в их праздник Цаган-Сар»[51].

18 февраля 1770 г. на имя Н.А.Бекетова поступил рапорт от переводчика

Мусы Тонкачева, сообщавшего, что два калмыка на допросе у Нурали-хана рассказали, что «Банбур с товарищем объявил всем своим калмыкам, якобы будет с них солдатство, и для того заблаговременно приказывал, чтоб приготовить им провизию лошадей и всякой скот добычею от киргисцов, дабы получа оную добычу передаться в трухменскую сторону или в турецкую область»[52].

14 марта 1770 г. к губернатору приехал Замьян, который привез известие, что «наместник и зайсанги секретно имели рассуждение о китайцах по уклонени отсюда к ним. Не уверясь, что китайцы по прежнему с Россией учинились согласными, и дабы о том совершенно о истине узнать послан был от них к Бамбару нарочной с тем, чтоб он о том по способности и по знакомству в тамошнем крае от кайсак или чрез оренбургских жителей разведать послал от себя надежного человека». Когда же от Бамбара была получена информация, что «китайцы подошли от Оренбурга разстоянием по примеру дней десять езды, пахали землю до двадцати тысяч человек, заготовили тамо немалое число хлеба», у наместника два дня шел секретный совет, а потом были посланы от него люди, «чтоб все состоящие на нагорной стороне улусы гнать к Волге для переправы на луговую сторону, откуда к переправе все улусы были и подогнаны. Но вдруг нечаянно с поспешностию приехав к наместнику полковник Кишенсков переправиться их не допустил, почему наместник и протчие пришли в сумнение и думают, что их секрет чрез кого-либо полковнику Кишенскову открылся и находятся в великом размышлении»[53].

Полученные известия насторожили астраханского губернатора. 19 февраля 1770 г. он предпринял ряд мер, чтобы предотвратить возможность ухода. В ордере полковнику И.А.Кишенскому он рекомендовал «приложить в сем случае прилежнойшее старание в разведывании всех до сего следующих обстоятельствах посылкою во все места надежных людей». В послании оренбургскому губернатору Н.А.Бекетов просил его, так «как сия дорога в Зюнгорию лежит на смежности его губернии края постараться в том зделать калмыкам невозможность», захватив «владельцев или жен и детей их, к чему способ будет, когда они действительно к их умыслу приступят». В ордере яицкому войсковому атаману П.Танбовцеву астраханский губернатор предписывал провести тайные наблюдения по указанному поводу, а «когда в подлинную калмыки по легкомыслию своему на то наклоняться, то стараться всеми силами их от того отвратить, особливо владельца Бамбара каким-нибудь способом уличить в свои руки». Сообщения Н.А.Бекетова И.А.Рейнсдорпу и П.Танбовцеву должны были передать четыре казака, выбранные красноярским комендантом подполковником Пироговым. Казаки получили инструкцию от губернатора: в случае необходимости бумаги «как можно неприметным образом зарыть в землю, или втоптать в грязь, или же в мелкие штуки изорвать»[54].

Тревога Н.А.Бекетова росла с каждым днем. И.А.Кишенской же считал слухи о предстоящем уходе беспочвенными. 19 февраля 1770 г. он рапортовал в Коллегию иностранных дел, что «ни малого ни за кем подозрения нет». Рассеивая распространяемые второй год слухи, якобы владелец Шеаренг «в верности своего подданства к ея императорскому величеству колеблется», И.А.Кишенской сообщал, что «видя за отличную ево оказанную в бывшем кубанском походе службу высочайшую ея императорского величества милость, кажется ему роптать и быть недовольну нет причины»[55].

Очевидно, правительство разделяло точку зрения И.А.Кишенского, а потому предостережения Нурали-хана о намерениях калмыков имели следствием успокоительный ответ Екатерины II от 10 февраля 1770 г. Императрица писала хану, что считает невозможным, «чтоб калмыки нашлись в таком предприятии, в каком их вы, высокостепенный хан, осущаете», потому что «они, будучи под высочайшею протекцию ея императорского величества, имеют счастие, как киргиз-кайсацкой народ, пользоватся всеми к жити человеческой нужными выгодностими, а притом и непорочною справедливостию»[56].

В отношении Шеаренга у руководства Коллегии иностранных дел сложилось мнение, что он стал жертвой наговоров казахов, обозленных отгоном их скота, поскольку «с улусом своим ближе других калмыцких владельцов от них... располагается». Вряд ли у него, полагали граф Н.Панин и князь А.Голицын, могут быть причины для того, чтобы вернуться в Джунгарию, ибо во время побега на Волгу в 1758 г. китайцев «многих и перебил, в пути ему препятствовавших, а потому неоднократно в их китайскую сторонуи требован был, его и имя долженствует китайцам, настоящим Зенгории владельцам, ненавистно быть». Если бы у калмыков действительно было желание покинуть пределы империи, продолжали руководители российской внешней политики, они не только не стали бы отгонять у казахов скот, а, напротив, принялись бы «их ласкать для отворения себе свободной дороги и дружества их снискания»[57].

Заручившись поддержкой Иностранной коллегии, И.А.Кишенской на предложения Н.А.Бекетова арестовать нойонов Бамбара и Шеаренга, подозреваемых в намерении откочевать в Джунгарию, 2 марта 1770 г. отвечал, что «если означенных владельцев..., яко пред протчими первых и знатных, не видя явного подозрения, заарестовать, то весь калмыцкой народ приведен будет в крайнее смятение и замешательство»[58]. В рапорте губернатору от 4 марта 1770 г. он писал: «...не могу понять, отчего между кочующими на луговой стороне калмыками такие произошли разглашения, ибо только здесь ис калмыцких владельцев, так же зайсангов и знатных калмык есть, кои дружелюбно со мною обходятся и, весьма будучи к российской стороне доброжелательными, не токмо о таких важных, но почти о всяких безделицах, хотя б мало в чем оказыва-

лось сумнительства, секретно меня уведомляют». И.А.Кишенской предполагал, что такие «разглашения» могли умышленно сделать казахи «по злости за учиненной от них калмыками отгон скота, которые имея пойманных калмык в своей власти могут и их научить или принудить, чтоб и они тоже самое говорили, что для них надобно»[59].

В рапорте от 21 марта 1770 г. в Коллегию иностранных дел руководитель «Калмыцких дел» доносил, что имеет «сумнение, едва ль и в сем деле нет участником владельца Замьяна, которой находясь сдесь только и старается произвесть какой-нибудь зловредной вымысел на владельцов или на наместника. А может быть и в калмык всевает вредные плевелы, которые по своей ветренности легко всему верят и от малейшего сумнительства в разврат приходят. Так как и при нынешнем случи разглашено было, якобы калмык хотят брать в солдаты, о чем хотя точного сведения, откуда оно начало свое возымело, не найдено..., однако ж естли и впредь таковые вредные разглашения прекращены не будут», это нанесет удар российским интересам[60].

Не смотря на заверения полковника И.А.Кишенского, что опасения Н.А.Бекетова насчет замыслов калмыцких владельцев напрасны, губернатор счел нужным поставить Коллегию иностранных дел в известность о создавшейся обстановке в улусах. 15 апреля 1770 г. он писал коллегии о начавшемся с 1769 г. в калмыцком народе умысле к побегу. В доказательство он привел сообщения Замьяна, показания калмыков, пойманных Нурали-ханом во время отгона казахского скота, в Яицкой войсковой канцелярии, перехваченное переводчиком А.П.Ворониным письмо Джулчин, дочери зайсанга Гелдея, к брату. Н.А.Бекетов полагал, что кризисные явления в ханстве выявились потому, что «калмыки чувствуют тягость от частых при настоящей войне в разные места нарядов и от продолжительного их на одной горной стороне, вопреки прежняго их обыкновения содержания». Он отмечал, что если воспрепятствовать уходу калмыков «силою, которая по нынешнему военному времени в других местах необходима, то будет сие не только безвремянно, но и убыточно», а потому рекомендовал вызвать в Санкт-Петербург наместника Убаши, нойонов Еремпеля, Бамбара, Шеаренга, Цебек-Доржи, зайсанга Даши-Дондука, ламу Лоузанг-Джалчина и через них произвести следствие. Характеризуя наместника как человека молодого, а «притом и недальнаго разсуждения», за которого все решало его окружение, губернатор доносил, что Убаши «сам собою ничего не значит кроме своего имени, на щот которого сии бездельники подобны сему всякие плутни и затевают, сваливая беззаконие свое на его шею». Н.А.Бекетов предполагал, что заговорщики «ласкаются может быть в противном случае, по исканию с нашей стороны в них, обратить ево на прежние подданнические мысли и тем, зделав будто бы услугу, приобресть себе большую месту, а ему, снискав

преимущества прежних ханов, властвовать... народом калмыцким неограниченно»[61].

Поскольку руководитель «Калмыцких дел» И.А.Кишенской не внял предостережениям губернатора, последний надеялся заручиться поддержкой Иностранной коллегии с тем, чтобы сдвинуть следствие по делу о намерении калмыков откочевать в Джунгарию с мертвой точки. Но коллегия признала необоснованность всех его подозрений. Ее руководители, граф Н.Панин и князь А.Голицын, в рескрипте от 3 августа 1770 г. отвечали: «Мы, соображая с сим вашим представлением настоящее состояние калмыцкого народа, и что полковник Кишенсков по всем вашим подтверждениям ни малейших признаков о умысле к побегу сколько ни старался, открыть не мог, совсем напротив, не усматриваем ни того опасаемого вами случая и не признаем нужды в столь строгих средствах, какими вы калмык в нашем подданстве удержать надеетесь.» Авторы рескрипта выдвинули следующие доводы против возможности ухода калмыков: 1) «Бывший калмыцкий хан Дондук-Омбо отлучался правда в 1732 году из здешних границ, но тогдашнее время – еще время калмыцкого своевольства ... Ныне сия сторона (Кубань – Е.Д.) для калмык убежищем служить не может», так как им препятствует близость русских жилищ и вновь заведенная Моздокская линия; 2) калмыки осыпанные милостями, не могли решиться «отлучиться из наших границ не смотря на привычку к привольству своего при Волге пребывания, по одному обстоятельству, что в продолжающуюся ныне войну на службу нашу наряжаются», ибо «противно сие образу мыслей калмыцких, воинское упражнение для них дело не вовсе странное»; 3) если бы калмыки намеревались удалиться за Яик, то постарались бы «предварительно с киргиз-кайсаками подружиться, но они ... оказали противное отгонами у киргиз-кайсак великого множества лошадей и другого скота»; 4) калмыки разведывали о пределах китайского владения, добиваясь только «самой истины», так как знают, что «места зенгорского народа заняты китайцами» и «коль великое разстояние от реки Яика до зенгорских мест, особливо для народа, скотом обремененнаго».

«Все сии основания, – заключали Н.Панин и А.Голицын, – и притом и безпрекосновное исполнение с стороны наместника ханства и вообще всех владельцев не только подаваемым ему нашим именем повелениям, касающимся до наряда в разныя места калмык и расположения их, но и собственно по вашим требованиям, совершенно и освобождают их от всякого сумнения, а, напротив того, по необходимости производится такое заключение, что всем взведенным на них подозрениям причиною по большей части пронырство владельца Замьяна и соглашение с ним переводчика Воронина».

Н.А.Бекетову, допустившему «калмыку собою овладеть, давая веру без

всякой разборчивости всем ево клеветам», предписывалось, во-первых, «призвать к себе Замьяна, дать ему знать о нашем неудовольствии в разсуждении не основательных его доносов..., а ежели паче чаяния и после сего не переменит своего поведения, то всю тягость нашего гневия почувствует»; во-вторых, наказать переводчику Воронину, «чтоб впредь с калмыками знакомился с осторожностию». Что касается самого губернатора, то ему предлагалось, осознав ошибку, обратить «старания к соблюдению в калмыцком народе тишины и порядка». «Все сии предписания, как составляют самые нужные правила вашего поведения, то мы уповаем, что вы с должным вниманием во оные и вникните и всегда тщательно сообразоваться ими не премините»,- так заканчивался рескрипт, вызвавший злорадные насмешки И.А.Кишенского в адрес Н.А.Бекетова, у которого пропало желание впредь заниматься этим делом[62].

Между тем, время шло, 1770 г. подходил к концу. Наместник из-за конфликта с генералом де Медемом покинул Предкавказье и возвратился в ханство[63]. Ему удалось перевести осенью большинство улусов на левую сторону Волги. Н.А.Бекетов, получивший в августе выговор за то, что противился этому переходу, не стал возражать. Чтобы не вызвать новых подозрений у губернатора, Убаши не удалился в степь, а расположился на берегу, напротив казачьей станицы Ветлянской. Вскоре к нему прибыли Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг, Лоузанг-Джалчин, Даши-Дондук. Они обсудили план откочевки и начали действовать[64]. Объявив о готовящемся нападении казахов на калмыцкие улусы, наместник в ноябре отдал приказ собирать 5-тысячное войско в низовьях междуречья Яика и Волги, в ухвостье Рын-песков – урочище Белту. Нойонам Бамбару и Шеаренгу, улусы которых кочевали ближе других к Яику, поручили подготовить пути к уходу.

20 декабря 1770 г. наместник двинулся к Рын-пескам, где намерен был ожидать войско. И.А.Кишенскому, только что переехавшему из ставки Убаши в Енотаевск на зимовку, он писал 26 декабря из урочища Айраш-Тонрое, якобы «кайсаки, находясь враждебными России, хотят напасть на калмыков», чем и обусловлено «движение его из дома и сбор войска»[65].

Между тем, наместница Манидара, жена Убаши, отправила 20 декабря гонцов, Габун Гонцука и Лозанга с двумя товарищами, которые должны были проследить, чтобы кочевавшие на правом берегу Волги улусы перешли на левый, как приказал наместник. Непослушным калмыкам грозило наказание плетьми[66]. 30 декабря Манидара в очередном письме повелела своим послацам у улусных людей, «которые без воли господина своего перешли чрез Волгу, и кто в возвратной переправе делает ослушание, сколько ваших сил доставать будет, отобрать лошадей, и сколько таковых переправившихся чрез Волгу сыщется, тех описав именно, приехать вам немедленно»[67]. 1 января 1771 г. ханша Найджи-

тун, мачеха Убаши, послала четырех калмыков для сбора в войско наместника «хороших и сытых» лошадей. Она приказала переводить на левобережье тех, кто откажется дать лошадей[68].

Брат Цебек-Доржи, нойон Кирип, рассылал своим подвластным письменные приказы следующего содержания: «Всем тем, которые находятся в верху при берегах Волги, повелевается, о том не печальтись, что вы бедные, я вас награжу скотом, у кого бы то ни было доставайте для пути своего подводы и всевозможно старайтесь, чтобы вам только самим выехать, кто ж имеет добраю совесть, те не делайте никакого препятствия»[69].

Узнав о движении калмыков к Рын-пескам, наконец-то забеспокоился и полковник И.А.Кишенской. Вслед за посланными 23 декабря 1770 г. сотником Набатовым, толмачом М.Петровым и пятнадцатью казаками, которые должны были сменить команду капитана А.Дудина, находившуюся при наместнике, он отправил коллежского комиссара М.С.Везелева. Последнему вместе с А.Дудиным поручалось отговорить наместника от ссоры с казахами. И.А.Кишенской до последней минуты верил, что Убаши собирает войско для обороны от людей Нурали-хана. Правда, у него возникли сомнения, что Убаши сам хочет начать ссору с казахами, поэтому в письме от 3 января 1771 г. он приказал А.Дудину «как-будто отговаривать наместника и следить: зачем собирается войско»[70].

Тем временем, перед самым уходом «сряду дня с три наместник, владельцы Цебек-Доржи, Бамбар и Еремпель, да зайсанг Даши-Дондук, и лама Лоузанг Джалчин имели тайной совет». Наблюдавшие за заговорщиками, но не осведомленные об их намерениях, знатные феодалы, в частности гелюнг Менкоин Джамбо, секретарь наместника, удивлялись: «Какие то секретные советы происходят?»[71]. К сожалению, неизвестно, как напутствовал Убаши своих единомышленников перед предстоящей дорогой. Отсутствие источников не позволяет нам приподнять завесу над этой тайной. Возможно, обрекая свой народ на труднейшие испытания, заговорщики полагали, что жестокость является благом на будущее.

3 января 1771 г. по приказу наместника калмыки зайсанга Санжи-Церена напали на лагерь капитана А.Дудина. Очевидец этого события, дербетский Габун Чюрюм-гецуль, ездивший для суда к наместнику, показывал позже при «Калмыцких делах», что 3 января, выйдя из кибитки гелюнга Менкоин Джамбо, увидел, как шел к наместнику капитан А.Дудин. Но, заметив издалека, что Убаши, покинув свою кибитку, сел на лошадь и куда-то поехал, капитан вернулся в лагерь. Возвратившись в кибитку гелюнга, Габун Чюрюм-гецуль застал его за разговором с зайсангом Пушкарем «о неизвестном им предприемлемом возмущении», причем в Менкоин Джамбо «великая с прискорбностью перемена зделалась». Он посоветовал гостю, спасая себя, уезжать. Уже седлая лошадь,

Габун Чюрюм-гецуль увидел, что «делается нападение калмык на лагерь капитана Дудина под командою зайсанга Санжи-Церена»[72].

4 января 1771 г. наместник выступил перед собранным войском и объявил, что якобы получил повеление императрицы отдать в аманаты «сына своего и еще пяти знатных владельцев, да ото ста человек знатных зайсангов детей», а так же отправить «для написания в солдаты десять тысяч калмык». Наместник уверял, что единственный выход из сложившейся ситуации – покинуть пределы России, и «слезно просил, дабы в том калмыцкий народ был с ним согласен»[73].

В тот же день Убаши отправил нойонов Бамбара и Шеаренга с 10000-ми воинов к р. Яик, приказав для безопасного перехода калмыцких улусов «отогнать у тамошних казаков конские табуны», и приготовить близ Гурьева городка переправы через реку. Большие отряды во главе с Кирипом и Еремпелем были посланы забрать улусы князя Дондукова и владельца Асархо, которые кочевали между Царицыным и Черным Яром на луговой стороне. В случае сопротивления людей Дондукова наместник приказал напасть на них и разорить до основания. Такие же отряды во главе с нойонами отбыли на правый берег Волги с заданием склонять улусы к откочевке, пугая турецкой опасностью[74].

Итак, кризисные явления в жизни калмыцкого общества в конце 60-х гг. XVIII в. породили взрывоопасную ситуацию, которой воспользовались правящие круги ханства для реализации идеи откочевки из пределов России в Джунгарию. Обман и принуждение стали важными инструментами осуществления их замысла. Уход был тщательно организован и спланирован заговорщиками в течении четырех лет (1767-1770). Российские чиновники, несмотря на полученные известия о намерениях калмыцких владельцев, упустили возможность предотвратить откочевку.

2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УХОДА

В калмыцком уходе, на наш взгляд, можно выделить 5 этапов:

I. 5-20 января 1771 г. – начальный этап: движение калмыков к Яику, удачная переправа через реку;

II. 21 января – 18 февраля: поспешное кочевание по степям казахов Младшего и Среднего жузов к р. Эмба;

III. 18 февраля – 1 апреля: привал на Эмбе, первые столкновения с казахами;

IV. 1 апреля – 10 июня: трудный переход от р. Эмба до оз. Балхаш, обмен посланцами с Нурали-ханом;

V. 10 июня – начало августа 1771 г. – заключительный этап: самая тяжелая часть пути от оз. Балхаш до китайских границ.

5 января 1771 г. значительная часть калмыцких улусов двинулась от берегов Волги к Яику. В этот день из Рын-песков «приехали от наместника к жене ево, наместнице Манидаре, зайсанг Хутуктун, шабинеров Лозон Жалчин, керетовой Балдан, Даши-Дондуков сын Иван с войском» в 500 человек с повелением от Убаши, «чтоб жена ево со всеми улусами кочевала к нему, наместнику, для предпринятого намерения к побегу в китайское господство»[75]. Взяв наместницу, калмыки под предводительством ламы Лоузанг-Джалчина в полуденное время напали на находившийся при доме Убаши татарский базар, выполняя распоряжение последнего – запасти провизию для ухода[76]. Очевидец, татарин Сертла рассказывал позже, что «собравшись в орде при наместнице, множество калмык со всем военным убором и чрез недолгое время пришли со всем своим оружием на татарский базар, и разбились по всем лавкам, и татар стали разбоем обижать. И в том многие за свое стали противится, за что оные татар стали рубить саблями и, забравши весь их товар, навьючели на верблюдов, а лавки поломали»[77]. Самому Сертле удалось бежать и добраться до станицы Ветлянской к 3-м часам ночи, не смотря на то, что у него была «голова в двух местах и левая рука порублена»[78]. Станичный урядник А.Гусев, обеспокоенный судьбой сотника И.Гоглазина и его команды, отправившихся 5 января 1771 г. на татарский базар за сыном сотника, который «находился для продажи запасу», рано утром 6 января послал на лодке капрала Е.Перелотина с командой на луговую сторону[79]. При переправе через Волгу капрал встретил некую черноярскую женку Матрену Алексеевну, объяснившую, что татары и станичные казаки взяты калмыками в плен[80].

В ночь с 5-го на 6-е января калмыки напали на команду сотника Набатова, высланную И.А.Кишенским. Казаки, не доехав до наступления темноты 20 верст до Рын-песков, остановились на ночевку в хотоне зайсанга Мархашки. По приглашению зайсанга Набатов, толмач М.Петров и казак В.Михайлов остались ночевать у него в кибитке. В первом часу ночи на казаков напали сорок калмыков и перерубили спящих. Воспользовавшись суматохой и темнотой, двое казаков, И.Мордиков и Е.Овчинников, сумели выползти из кибиток и спрятаться в степи в высокой траве. Е.Овчинников, тяжело раненый в голову, вскоре скончался. И. Мордикову удалось через 15 дней добраться до Волги[81].

Разграбив татарский базар при доме наместника, базар на Митинской Косе, Николаевскую слободу, колонистов и красноярских жителей, калмыки увезли товара, денег и скота на сумму 607945 руб. 25 коп., убили 13, взяли в плен 102, ранили 32 чел[82].

Нападая на базары, попадавшиеся им на пути, калмыки убивали местных жителей. Сотник И.Гоглазин и три казака, настигнутые калмыками недалеко от дома наместника, были найдены 8 января, «лежащими на степе нагими, изруб-

ленными и груди спороты»[83]. Эркетеневские калмыки, разграбив Царицынский базар, захватили в плен многих людей. Когда же улус был задержан и возвращен с Яика, людей, захваченных на базаре, калмыки умертвили, чтобы замести следы[84].

Красноярский комендант Пирогов рапортовал 3 и 9 января 1771 г. в Астраханскую губернскую канцелярию, что «зайсанга Ачи Замьянова дети ево родные два человека с осмью калмыками ... разбили две ватаги таможних купцов Полунина и Ложникова, имеющейся на оных собственной их скот отогнали, а тамошных же обывателей: отставного казака Рылина и бобыля Федорова, так же и садовников смертными побоями мучили». Пирогов сообщал, что бегущие угрожают нападением городу[85].

Калмыки владельца Ондона убили 44 яицких казаков, ловивших на Узенях рыбу[86]. Спастись удалось только нескольким, в частности Г.Чумакову, который показал позже на допросе, что калмыки имеют намерение напасть на Яицкий городок и Калмыковую крепость[87].

Данные источников, красноречиво свидетельствующие о грабежах и злодействах бегущих, позволили Н.А.Нефедьеву сделать вывод, что «первые дни побега были для калмыков днями праздненства, ибо они, захватив с собою множество армянских и других купцов с товарами, вином и съестными припасами, не имели недостатка в наслаждениях. Во время ночлегов необозримое пространство их стана, охраняемое пикетами, озарялось бесчисленным множеством огней и оглашалось шумным весельем народа, который в жалком заблуждении стремился к бедствиям»[88]. Думается, Н.А.Нефедьев был не совсем прав. Эйфорию по поводу побега испытывали не все калмыки. Среди бежавших было много людей, не разделявших планов заговорщиков. Хошоутский нойон Теке показывал 15 января 1771 г. на допросе при «Калмыцких делах», что «кроме согласных с наместником владельцев, протчие, а особливо подлой народ никакой к тому склонности не имеют и с великою прискорбностию и негодованием покочевали»[89]. Зайсанг ведомства А.Дондукова Баяр в тот же день при «Калмыцких делах» сообщал, что, кочуя на луговой стороне в 30-ти верстах выше Черного Яра вместе с икицохуровским нойоном Асархо, узнали они о намерении наместника и приближении отряда Кирипа, который «для забрания их» следовал, а потому «приняли в зло намерение уклонится от них и войти в остров, называемый Володимерской». Однако Кирип настиг и принудил «силою их ... кочевать за наместником ханства». В пути Баяру удалось бежать, при расставании с владельцем Асархо последний уверил зайсанга, что «он под видом своей болезни к войску не выступит и всемерно надеется склонить к своей стороне племянника своего владельца Машу, а потом и далее в том, чтобы от стороны российской не отстать, усердию своего прилагать не оставит». Что

касается простого народа, продолжал зайсанг, то «оной с великою прискорбностию и негодованием итти принужден, а потому он, Баяр, уповает, что совершенно без возмущения в отшедшем отсюда народе быть не может, а особливо при таком случае, когда окажется в преследовани оных хотя небольшое число российское войска»[90]. Силою был вынужден кочевать за наместником брат знаменитого Габан Шараба Шампин-эмчи и многие другие. Не может быть и речи о том, что замысел заговорщиков был принят народом «с восторгом», как сообщал Н.Н.Пальмов[91]. Очевидец, калмык Цой Раши, подданный нойона Цебек-Доржи, утверждал на допросе при «Калмыцких делах» 6 февраля 1771 г., что «многие из подлых (простых людей – Е.Д.) отчаеваются сыскать своего благополучия и рассуждают, что они чрез такое их движение совсем пропасть могут, что рассуждая многие со слезами принуждены последовать тем бунтовщикам»[92].

Некоторые калмыки искали способа уклониться от заговорщиков и вернуться на Волгу. Но сделать это было очень трудно. Впереди шли 10 тысяч воинов под началом Бамбара и Шеаренга, по бокам отряды в 5 тысяч человек каждый, левый фланг возглавляли Кирип и Аксахал, правым флангом предводительствовали Моомут-Убаши и Эмеген-Убаши, в замке подгоняли медливших и колебавшихся войска наместника и Цебек-Доржи[93]. Тем не менее, нескольким смельчакам удалось покинуть основную массу бегущих и возвратиться в родные места. Бердю-Габунг и десять его товарищей, подвластные наместникова зайсанга Омбы, были командированы в 5-тысячное войско в Рын-пески. Когда они узнали о планах Убаши, «намерены были возвратно в домы свои бежать, но в том предупреждены и по сумнителству взяты под караул, с чем так и за Яик перевезены». Только «по приходе к Мулзур горе» они были освобождены из-под караула и, «согласясь все», в апреле «в ночное время от них изменников калмык от урочища Торгоя на собственных их лошадях в двадцать четвертой день выбежали в Махметскую крепость, которая от Оренбурга состоит в пятистах пятидесяти верстах»[94].

Калмыки кочевали с большой поспешностью, дабы центральные правительственные органы и администрация на местах не успели предпринять решительных действий, чтобы остановить уход в самом начале. Однако слухи о движении наместника и намерении калмыков покинуть Россию обогнали их и достигли Яика раньше, взволновав тамошних калмыков-казаков, решивших присоединиться к бегущим. Командующий оренбургским корпусом генерал-майор И.К.Давыдов сообщал: «из здешних в войске Яицком состоящих калмык, неподалеку от городка кочующих, при предводителе их, калмыке Гендук Гецюле, осемнадцать человек, забрав жен и детей, в калмыцкую орду бежали»[95]. Задержанные казаками калмыки Болдан и Цой Лозан Темиров показали на доп-

росе, что Улюмжа Багдыков и Гендук Гецуль побывали у наместника Убаши и узнав, что тот «со всею своею фамилиею из своих кочевок выехал и намерен, переехавши Яик-реку, со всею ордою итти в Зенгорию»[96], поторопились «для забрания своего екипажу и скота, при урочище Камелику находящагося и увлекли за собой в калмыцкую орду» 10 января 31 кибитку[97].

18 января 1771 г. основная масса калмыков, подойдя к Яику, начала переправляться в нескольких местах между Гурьевым городком на юге и крепостью Калмыковой на севере[98]. Яицкие казаки, которые должны были воспрепятствовать переходу калмыков через реку, бежали с немногочисленных форпостов и укрылись в крепостях. Оставленные форпосты подверглись нападению беглецов: часть их была сожжена, брошенный казаками скот захвачен[99]. Яицкий казак Г.Чумаков, пойманный калмыками на Узенях, показывал, что они перешли Яик 18 января между Калмыковой и Сорочиковской крепостями[100]. Находившийся при Кулагинской крепости старшина И.Акутин доносил, что «волжская калмыцкая орда вся Яик реку переправясь ... с низу по Зеленовский форпост, а вверх сколько обширностью захватили неизвестно», «здесь же при Кулагиной крепости сего генваря 19 дня под предводительством Шерет Мурзы, а ханского брата и двух Бамбаровых сынов и протчих мурз и зайсангов многочисленное собрание народа калмык, так что и степи было не зчесть, со многими знаменами и со значками по утру, как по примеру, во втором часу дня злодейски боем били, и которой скот рогатой и лошади на пригородах были ... весь без остатку отогнали. ... А потом жестоко начали приступать на крепость, и так было, что через день весь со обоих сторон беспрерывная ружейная стрельба происходила, а особливо от нас ис пушек, и так дошло,что казаки весь свой ... порох разстреляли»[101]. Старшина сообщал, что «находящейся как на Кулагиной крепости, так и при протчих крепостях же и форпостах не только все калмыки, но и крещеные болдыры з женами и детьми бежали. Зеленовский форпост разбит, и скот весь отогнан, а один казак убит насмерть. А есаул Петерасов с оставшими людьми уметался ночью в Тополинскую крепость. То ж и Гребенщиков форпост пограблен, и люди все мужеска полу и женской побиты и сожжены, и в погреба поброшены»[102].

19 января нападению калмыков подверглись также форпосты Красный Яр и Харькинов и крепость в Индерских горах[103]. По словам яицкого казака Г.Чумакова, Убаши хотел напасть на Калмыковую крепость, а в случае неудачи надеялся на помощь Ондона, брата нойона Бамбара. Находясь в плену у Ондона, Г.Чумаков слышал, что калмыки «имеют у себя двенадцать пушек с нарядом, которые де они из Астрахани под видом взяли, будто для походу под киргисцов». Казака расспрашивали: «сколько здешней городок крепок, и много людей и сколько человек казаков на конь сядет, много ль пушек и пороха, и прот-

чих снарядов?»[104]. 20 января, сообщал М.Г.Новолетов, калмыки атаковали Котельный форпост и Калмыковую крепость[105]. Этим данным противоречат сведения Юр-Ко.-, опиравшегося в своем исследовании на материалы архива Уральской войсковой канцелярии. Последний писал: «Одновременно с переправою (через Яик – Е.Д.), Убаши хотел напасть на Яицкий городок и на Калмыковую крепость, для чего требовал от Бамбара людей, но тот с намерением хана не согласился и людей не послал. Поэтому переправа через Яик, к счастью для калмыков, обошлась без кровопролития и без гибели людей. Мало этого: если бы Убаши настоял на исполнении своего дикого и совершенно безполезного для калмыков намерения, тогда казаки, поставленные в необходимость защищаться, конечно разбили бы этих полувооруженных кочевников, если казаки бежали и заперлись по крепостцам, то не из боязни перед калмыками, но по причине смут и неурядиц, бывших у них в это время. Отказав в своих войсках, Бамбар поступил весьма сообразно. Он был один из сильнейших калмыцких нойонов, у него имелись две жалованные пушки, при которых находились обученные калмыки канониры... Счастливая судьба этих ушедших в Китай русских пушек заключается в том, что они ниразу не выстрелили против русских людей»[106].

На наш взгляд, ближе к истине сообщения М.Г.Новолетова, которые подтверждаются документами НА РК и АВПР. К примеру, из письма оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа Н.А.Бекетову от 8 февраля 1771 г. мы узнаем о «чинимых при Яицких крепостях и форпостах злодействах, то есть неприятелских нападениях и позжениях при том в некоторых местах скотских хлевов» калмыками. И.А.Рейнсдорп сообщал, что яицкое войско «толь великую и отчаянную изменническую толпу, будучи не в силах, удержать не могло, хотя и неоднократно деланы были с ними, калмыками, сражения, которыя с женами их и с детми и со всем имением, оставя некоторое число убитых, между Калмыковой крепости за Яик-реку на степную сторону уже прошли»[107]. Как видим, последняя цитата из письма оренбургского губернатора прямо противоположна тем строкам статьи Юр-Ко.-, где говорится, что калмыки без потерь перешли Яик, потому что тамошние казаки не пожелали оказать им сопротивления.

Как бы то ни было, 21 января 1771 г., окончательно перейдя Яик, калмыки направились к Эмбе[108]. Хошоутский зайсанг Буругей Турускилов, бежавший в Калмыковую крепость показывал на допросе, что калмыков реку Яик перешло более 70 тысяч, «но исправных воинской сбруею и оружием и на половину не будет»[109].

После перехода Яика казачьим частям во главе с полковником Бейереном удалось вернуть Эркетеневский улус и несколько мелких групп, отставших от основной массы бегущих калмыков[110]. Возвратился на Волгу икицохуровский

владелец Асархо «с племянником ево Машею с лишком в дву тысячах,- информировал И.К.Давыдова Н.А.Бекетов,- да из-за Яику день езды наместникова владения татар и трухменцов с триста кибиток возвратились же, а сверх сего по уведомлению господина оренбургского губернатора еще трухменцов же до четырех сот человек и калмык до четырех тысяч кибиток от побегу посланною командою удержено и в здешнюю сторону обращено, и за конвоем в прежние их места отправлены»[111].

Из опасения, что яицкие казаки смогут догнать калмыков и перекрыть им путь, Убаши гнал улусы «с большой поспешностью», имевшей печальные последствия для состояния людей и скота. Бежавший из калмыцкого плена, черкес Умар Урусов показывал на допросе: «по поспешному их от реки Волги до Яика кочевью весьма много лошадей, верблюдов и протчаго рогатого скота у них померло, а и остальной в крайней худобе находится, так что ни у одного калмыка хорошей лошади не видно. И с великой нуждою путь свой продолжают, ибо за рекою Яиком оказались глубокие снега»[112]. Другой очевидец, черкес Сион добавлял, что «скот у них почти весь без остатку от бывших в зимнее время великих снегов и случившейся от онаго гололедицы пропадал, да и достальной в крайнем изнурении и несостоянии, отчего многие калмыки идут пешие, оставляя престарелых и молодых людей, кои пешком идти не в силах, без всякаго призрения»[113].

Каждый день пути прибавлял новые трудности. Калмык Бердю-Габунг, вернувшийся вместе с десятью товарищами на Волгу, утверждал на допросе, что простолюдины «об отлучении их ис протекции российской и от реки Волги великое имеют сожаление и на своих начальников негодование, и к возвращению в здешние пределы ревностное намерение имеют, но не находят удобных к тому способов, а паче боятца кайсак, дабы при возвратном побеге не могли подвержены быть их жертвами, а естли б де сведали о приближении к ним российских войск, то непременно весь подлой народ к ним уклонился»[114].Опасения калмыков понятны. Дело в том, что 27 января 1771 г. на имя Нурали-хана была дана императорская грамота «об удержании бежавших торгоутов»[115]. Оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп обратился также к султану Среднего жуза Аблаю с просьбой, в случае перехода калмыков через Яик встретить их «военной рукою» и принудить к возвращению[116]. С 1 февраля 1771 г. Нурали-хан, отправив письма султанам Среднего и Большого жузов с предложением как можно быстрее присоединиться к нему, выступил вслед за калмыками[117]. У хана недоставало сил для того, чтобы осуществить нападение на основную массу беглецов, но он следовал за ними по пятам, тем самым, лишив возможности вернуться на Волгу простолюдинов, знающих, что «кайсаки возвращающихся обратно к Волге калмык перехватывают и берут к себе в плен»[118].

Внутренние неурядицы и рост напряженности возникли не только в среде простого народа, очень скоро чувство смятения охватило и представителей знати. Тогмутский татарин Джилхандар, сумевший бежать из плена, показывал 16 февраля, что «калмыки один другому усилием чинят грабежи, а паче между Бага- и Икицоохуровыми улусами происходит немалое несогласие, ибо многие имеют склонность, зделав возмущение, отойти обратно к Волге, наместнику ж Убаше от зайсангов почтение происходит не такое, как прежде было, а всякий перед ним о чем кому надлежит говорит весьма смело»[119]. Другой беглец, астраханский юртовский татарин Аджигелде сообщал 30 января, что «Шеаренг неохотно согласился к побегу в рассуждении прежней на него богдыхана китайского злобы, которой де не оставит старатца ево истребить» по приходе в Джунгарию[120]. Возвращенный калмык Шарап Цой Даржаев на допросе объявил, что « наместник ханства Абуши о учиненном им побеге крайне сожалеет и приносит жалобы на владельцов Бамбара, Шеаренга и Цебека, которые де ево на то склонили»[121]. Коллежский комиссар М.С.Везелев, будучи в плену, слышал, как знатный зайсанг Ондон уговаривал Убаши вернуться, на что наместник отвечал, что «он, опасаясь протчих калмыцких владельцов, сам собою учинить того не может, а естли б они к возвращению согласились, то и он, наместник, охотно на то поступить мог»[122].

18 февраля 1771 г., претерпев ужасные бедствия, беглецы достигли р. Эмба[123]. По Волге, откуда они начали путь, в том году три месяца шел лед, были постоянно дожди и ветры. Однако по мере продвижения калмыков к Яику, оттепель словно в наказание сменилась сильными морозами[124]. Калмыцкий скот от зимних холодов, бескормицы и длинных ежедневных перекочевок стал падать: «у кого было тысяча лошадей, вряд ли теперь сто наберется, да ездить на них нельзя»[125]. Катастрофическое состояние людей и скота вынудило Убаши остановиться на Эмбе, чтобы дождаться таяния снегов. «Опасаясь, чтобы множество пленных, которых захватили с собою калмыки, не убежали и не открыли их место пребывания,- сообщал Юр.-Ко.-, они держали их под стройжайшим караулом, а некоторых связывали»[126]. К несчастью для беглецов эти меры не помогли предотвратить столкновений к казахами.

Получив разрешение оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа, казахи во главе с Нурали-ханом и его братьями Айгуваком, Тугали и Эрали решили напасть на калмыков. Первым 15 марта нанес удар «на хвост калмыков» Айгувак, взяв «в плен 130 жен и детей, и притом скота не малое число, а мужчин, какие тут, случились, всех поколол»[127]. С 18 по 23 марта произошли новые столкновения между казахами и калмыками на Эмбе, «причем как киргис – кайсак, так и калмык побито немало..., однако ж калмыки больше удачи имели нежели киргис-кайсаки»,- сообщал упоминавшийся Шарап Цой Даржаев[128]. Юр.-Ко.-

так описывает эти сражения: «...Нурали, соединившись с Айгуваком, захотел попытать свое счастье, но потерпел неудачу и стушевался. Айгувак, почитая себя более счастливым, вновь напал на калмыков 23 марта, но был отбит с уроном: 6 киргиз убито, а 3 бия ... взяты в плен»[129]. Накануне второго нападения Айгувака калмыки столкнулись с неким батырем Джаманкурой, которого разбили, забрав лошадей и людей[130]. Как видим, военная удача была на стороне калмыков. Оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп, анализируя причины их побед над казахами, пришел к выводу, что «калмыки, будучи в российских армиях в употребление и военному делу обучившись, гораздо против них, киргис-кайсак, преуспели»[131].

Ощутив недостаточность своих сил, Нурали-хан решил дождаться откомандированного с Сибирской линии полковника фон Траубенберга и султанов Среднего и Большого жузов с тем, чтобы совместными усилиями попытаться остановить калмыков. Таким образом, беглецы получили передышку, которой не преминули воспользоваться. В первых числах апреля, когда снега подтаяли, и воздух чуть прогрелся, они снялись с р. Эмба и покочевали дальше в Китай[132]. Их дневной маршрут уже не превышал 10 верст, ибо большая часть калмыков к тому времени лишалась своих лошадей. Вокруг сновали казахские отряды, нападая на отставших, отгоняя у них скот и женщин.

12-15 апреля калмыки перешли через Мугоджарские горы[133]. Их бегство могло быть более стремительным, если бы не частые столкновения с казахами. Понимая это, Убаши счел нужным обратиться к Нурали-хану с заявлением протеста против враждебных действий его людей. Три посланца от наместника приехали к хану 18 апреля с письмом, в котором утверждалось, что «от начатия торгутам таких налог, как ныне, не бывало, от которых весь народ пришел в колебленность и беспокойствие, почему и не возжелали над собою иметь начальства российского, а желая видеть своих единозаконников в прежние нашего пребывания места откочевали из России с таким намерением, что мы свободно перейдем чрез вашу землю»[134]. Указывая, что он до сих пор не писал Нурали-хану, «будучи в большой печали», Убаши жаловался на агрессивное нападение казахов во главе с Яман-Карой на калмыков на р. Эмба, за которое обидчикам пришлось поплатиться некоторым числом людей и скота, доставшихся в добычу калмыкам. Напоминая Нурали, что при его отце, хане Дондук-Даши, и при нем, Убаши, калмыки с казахами «жили в согласии», наместник просил не препятствовать их движению, а во взаимных претензиях разобраться мирным путем, ибо «нет того лутчи, как жить мирно».

За исключением «подзывных» писем Манидары, Найджитун и Кирипа обращение Убаши к Нурали-хану, является, пожалуй, единственным письменным источником, оставшимся от покинувших Россию калмыков, и уже поэтому

вызывает наш интерес. Наместник жаловался в письме к Нурали на большие налоги правительства, выставляя их главной причиной ухода калмыков. Здесь следует внести некоторую ясность. Калмыки в отличие от других инородцев России не платили ясака. Правительство, отказавшись от требования ясака, решило в полной мере использовать их на военной службе. Причем, количество калмыцких воинов и регулярность их привлечения к участию в войнах России росли год от года, так что Убаши имел основания для выражения недовольства по поводу больших поборов в армию.

Трудно сказать, на что рассчитывал Убаши, подвластные которого находились с казахами отнюдь не в приятельских отношениях, отправляя своих посланцев к Нурали-хану. Во всяком случае, у последнего калмыцкий наместник поддержки не нашел. 21 апреля в ответном письме, перечислив ближайшие по времени столкновения между казахами и калмыками, Нурали-хан писал: «Вы ж, оставя свое место, наруша присягу и мне причиня вред, куда хотите уйти? Мы положили за вами, хоть шесть месяцев, намерение, сообщась с российскими войсками, т.е. казаками, драгунами, башкирами и три орды кайсацкие, идти, которые со всех сторон вас с ортиллерию окружить не оставят, и до места гнать не оставим»[135]. Хан давал Убаши совет: «Ежели вы меня почитаете большим своим братом и требуете от меня совета, то возвратитесь в Россию таки; ежели опасаяся России, то я беру на себя преступление твое упросить, и верьте мне, что вам за то ничего не воспоследует»[136]. Нурали просил наместника возвратить казахов, взятых в плен калмыками, пообещав предпринять таковой же шаг. Казахский хан привел в своем письме глубокомысленную сентенцию в надежде образумить калмыцкого предводителя: «Зделать худое всегда сыщется, а доброе не всегда, только доброе для обеих сторон полезно. Вы писали, что лошади везде отворен путь, это правда, что естли худое предпримет, то для лошади отворен везде путь. Только отверстие пути один бог знает. Кого любит, тому и даст»[137]. Ответное письмо Нурали отправил к Убаши с двумя калмыцкими посланцами, дав им в охрану своих людей. Третий посол, Шарап Цой Даржаев был передан в распоряжение полковника Траубенберга. Прибывший к хану князь из астраханских татар Нурадыл Урусов, выполняя распоряжение Н.А.Бекетова, послал вместе с ними еще одного калмыка с письмами увещевательного содержания к беглецам. Последний обязался распространить их среди простолюдинов. Учитывая трудности, с которыми столкнулись калмыки в пути, авторы писем ждали от них надлежащего эффекта. Однако, по образному выражению Юр.-Ко.-, эти письма преследовал злой рок, ибо «Убаши отобрал их все у посланца», а прочтя, сказал, что «теперь уже поздно, а народу тех листов не передал»[138]. Не откликнулся наместник и на предложения Нурали-хана.

Калмыки продолжили свое опасное путешествие. Они двигались без оста-

новок через верховья рек Улькояк, Тургай. Переправившись через Сарысу, в начале июня 1771 г. они достигли Актауских гор. Миновав эту преграду около 10 июня, беглецы вышли к озеру Балхаш[139]. Оказавшись в бесплодных степях, окружавших Балхаш, они стали терять скот. Из-за недостатка продовольствия люди начали умирать с голоду. Но это была только половина их бед. Вскоре калмыки были настигнуты объединившимися в урочище Ушун-Кунрат силами казахских феодалов всех трех жузов[140]. Невдалеке от р. Ширин-Шилик в безводной и песчаной местности казахи столкнулись с калмыками. По сведениям М.Г.Новолетова, «дело кончилось ни в чью особенно пользу, а победа скорее осталась за калмыками, отбившими Аблая; но вместе с тем и киргизы нанесли калмыкам значительный урон»[141].

Изнуренные частыми нападениями казахов, калмыки достигли р. Муинты, где остановились для отдыха. Казахские султаны Аблай, Урус, Адиль, сыновья Аблая Салтамамет и Абдулфеис, подстрекаемые Нурали-ханом, собрав 50-тысячное войско, окружили калмыцкий стан, выставив самые большие отряды на дороге к озеру Ала-куль, на самом удобном и прямом пути в Джунгарию[142]. Осознав опасность своего положения, Убаши вступил в переговоры с Аблаем, чтобы тот принял калмыков в свое подданство, отвел бы им земли под кочевья и обещал ему выдать всех своих пленных, которых насчитывалось до 1000 человек[143]. Казахи, посовещавшись, предложили Убаши и знатным калмыцким нойонам встретиться и обсудить взаимные претензии. На переговорах было решено устроить трехдневное перемирие, во время которого калмыки должны были сдать пленных. В течение трех дней недавние враги торговали и обменивались разными предметами. Калмыки, отдохнув, набрали сил для дальнейшего пути. По сообщениям Юр.-Ко.-, калмыков «собралось на Муинты тысяч 50 слишком кибиток. Тысяч 20 из них оказались худоконными, утратившими скот, а многие и пешими»[144].

В окружении наместника было решено, оставив ослабленных долгой дорогой калмыков под началом нойона Танжи, всем остальным продолжать путь. Перехитрив казахов, которые так и не дождались возврата обещанных пленных, на третью ночь осады Убаши с 30-ю тысячами кибиток неожиданным ударом прорвал кольцо окружения[145].

По мнению Нурали-хана, калмыкам удалось выйти из окружения благодаря содействию султана Аблая. В письме к И.А.Рейнсдорпу Нурали сообщал, что «Аблай султан с калмыцким наместником ханства Абушею и с протчими владельцами, не дав ему, хану, знать, учинили между собою сношение. И как сей наместник с владельцами обещали ему, Аблаю, дать девицу и в приданное холопей, и множество вещей, то потому и по опасности от соседних китайцев, с которыми он сношение имеет, возжелав с ними, калмыками, быть в мире, сде-

лать с ними договор и, доставя им с своей стороны воды, отворил им путь и пропустил, когда они о том никакого известия не имели»[146]. Упомянутый выше князь Нурадыл Урусов доносил, что за год до ухода калмыков Аблай получил письмо от маньчжурского двора с просьбой не препятствовать проходу калмыков в случае их откочевки в Китай[147]. Данное обстоятельство, как считает М.М.Батмаев, позволяет предположить, что существовали контакты между калмыцкой знатью и китайским правительством[148]. Юр.-Ко.- в своем исследовании упоминал о китайском посольстве, посетившем Аблая за год до бегства калмыков. «Зная, что Аблай-султан находился в сношениях с правительством в Пекине,- писал этот автор,- можно думать, что он был приверженцем Богдыхана, но разные события в его жизни прежде и после бегства калмыков доказывают, что он так же был предан и русским интересам... Не считая себя неподданным ни того, ни другого правительства, он бывал союзником и приверженцем той стороны, которая в каждом особом деле, более удовлетворяла его дикому корыстолюбию»[149]. «По мере сближения с китайцами, – отмечал В.В.Валиханов, – Аблай стал избегать сношений с Россией и в 1771 году, избранный ханом, не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги, говоря, что он давно утвержден в своем достоинстве народным избранием и грамотою «сына неба»(китайского императора – Е.Д.)»[150]. Юр.-Ко.- сообщал, что после переправы калмыков через Яик Убаши отправил в Китай посланцев просить разрешения поселиться на их «прежних местах»[151]. Правда, в качестве источника своих знаний названный автор использовал слухи. На наш взгляд, предварительные договоры между цинским двором и окружением наместника Калмыцкого ханства все же имели место. Трудно поверить в тот факт, что Убаши решился покинуть Россию со всем народом и откочевать в китайские пределы, не узнав перед этим возможной реакции Цинов на столь рискованное мероприятие.

Вырвавшись из казахской осады, калмыки пошли вдоль «западного берега Балхаша, по восточной окраине Голодной степи (Бедь-пак-дала)»[152]. Они испытывали недостаток в кормах, выгоревших во время лета, и в воде, так как в Балхаше и его окрестностях вода соленая и для питья не пригодна. М.Г.Новолетов сообщал, что, достигнув озера Балхаш, калмыки «с жадностью бросились пить соленую воду – и здесь, тысячи померло народа и погибло скота»[153]. Б.В.Долбежев приводил предание, что «в первую же ночь по прибытии на Балхаш несколько десятков тысяч калмыков погибло, напившись воды из озеру, куда киргизы будто бы успели набросать отравы»[154].

Разумеется, отравить воду в Балхаше было невозможно, да и казахи пользовались водою из этого озера[155]. Скорее всего, повальные болезни беглецов были вызваны каким-нибудь эпидемическим желудочным заболеванием, возникшим на почве употребления в походе сырой воды, к чему калмыки не привычны. В

китайских источниках сообщалось, что, услышав о приближении бурутов[156], Убаши вынужден был «уклониться от них к северным Шарабековым пределам и вступить в песчаную степь, которая на 1000 ли пространства не имеет ни травы, ни воды. В сие время была уже третья луна, и погода стояла теплая. Люди принуждены были пить кровь из лошадей и рогатого скота, от чего сделалась сильная моровая язва»[157].

Калмыки выбрали столь неудобный путь, чтобы избавиться от преследований казахов, основные силы которых действительно возвратились в свои кочевья. Но небольшие отряды продолжали нагонять беглецов, отбивали у них скот и захватывали в плен людей. М.Г.Новолетов писал, что избежав преследования Аблая, калмыки «вместе с тем встретили не менее опасное, от других киргиз, сдвинувших к себе бурут харгасов и халаторцев»[158]. Казахи и киргизы преследовали калмыков до р. Или. Измученные трудным переходом, потеряв в пути более половины людей убитыми, пленными, замерзшими и умершими от голода и болезней, усеяв свою дорогу трупами павших животных, через восемь месяцев после начала откочевки калмыки достигли намеченных пределов. Их передовой отряд уже «в первых числах июля достиг верховьев рек, впадающих в Или, Курту, где теперь находится русское укрепление Кастек и Кескелень, на одном из притоков которой лежит церковь. Они поселились на «камне Уч-алматы» (алматинские горы)»,- сообщал Юр.-Ко.[159].

Что касается отряда нойона Танжи, оставленного на р. Муинты, то по рассказам зайсанга Сага Таржаева, они несколько дней отдыхали после ухода Убаши. Затем набравшись сил и «поправясь лошадьми», решили продолжать свой путь. Танжи, понимая что с «плохими лощадьми и малым числом скота через голодную степь» вдоль западного берега Балхаша они не пройдут, избрал другую дорогу – «вдоль северного берега Балхаша, через речки Аягуз, Лежу, Караталь» к Или, где их ожидал китайский отряд в 20 тысяч человек. Путь этот был хотя и «более кружный, но за то более изобильный кормами и водою»[160]. Казахи Среднего жуза, узнав, что на Аягуз следует другая группа калмыков, в большинстве своем худоконных, а то и вовсе пеших, бросились их преследовать. Ими было убито 5 тысяч калмыков, 5 тысяч взято в плен, 5 тысяч умерло от голода и жажды, «так что весь путь около Балхаша усеян трупами людей и скота, от чего явилась зараза, погубившая многих киргизов»[161]. Зайсанг Таржаев, которого казачий атаман Волошанин нагнал 11 августа около Или, идущего пешком с 30-ю калмыками, поведал о судьбе «500 слишком кибиток, которые не имея ни лошадей, ни скота, не могли следовать за Танжи». На них напал казахский Барак-батырь и забрал многих в плен. Те, кому удалось бежать, в одиночку, либо небольшими группами пробирались в Китай. «Питались они падалью, во множестве лежащей на пути их, пили горькую воду Балхаша», «а иные

и друг друга убивали и тем пропитание имели»[162]. Редким из них удалось добраться до желанной цели.

Итак, в первых числах августа меньшая часть калмыков, покинувших 5 января волжские берега, оказалась в Китае. Им ценой огромных потерь удалось преодолеть все трудности, встретившиеся на пути от Волги до Или: снежные бури и бесплодные степи, зимнюю стужу и летнюю жару, нападения казахов и киргизов. Пожалуй, легче всего калмыки сумели избежать столкновения с российскими войсками. Этот факт вызывает удивление: неужели в огромной империи не нашлось силы, способной остановить бегущих? Почему калмыкам почти беспрепятственно удалось покинуть российские пределы? Об этих и подобных вопросах и пойдет речь в следующем параграфе.

3. МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОЗВРАТУ КАЛМЫКОВ

Центральные правительственные и местные органы не были готовы принять действенные меры, чтобы остановить начавшееся движение калмыков к р. Яик. Губернатора Н.А.Бекетова весть о бегстве калмыков застала в Санкт-Петербурге. Находившейся на правом берегу Волги, в Енотаевске, И.А.Кишенской 9 января послал нарочного к донскому атаману Д.Ефремову с требованием прислать 5000 казаков. Но помощь все не шла и, когда 27 января Волга покрылась льдом, И.А.Кишенской сообщал царицынскому коменданту И.Цыплетеву, что если оставшиеся калмыки пожелают бежать, он сделать ничего не сможет[163].

24 января 1771 г. в присутствии Екатерины II в Императорском совете были зачитаны донесения полковника И.А.Кишенского[164] и царицынского коменданта И.Цыплетева об уходе калмыков. Было решено срочно отправить на Волгу находящегося в столице астраханского губернатора Н.А.Бекетова, которому поручить, «чтоб он употребил все старание о их к Волге возвращении»[165].

В тот же день в Коллегии иностранных дел была составлена секретная промемория об измене наместника Убаши, в которой перечислялись меры, способные остановить бегущих из российской протекции калмыков[166]. 25 января из военной коллегии с нарочными отправили секретные депеши в Оренбург, Астрахань, Царицын и другие места. В указах содержалось сообщение о бегстве калмыков, учинивших разбой и грабежи на Волге, и предписание всем воинским начальникам, «чтобы крайнейше старались, сколько и где возможно будет, чинить над означенными бунтовщиками – калмыками поиск, везде их разбивать, назад обращать и имущество истреблять, табуны отгонять и в полон их, а наипаче лучших чиновных людей и их детей брать, стараяся, сколько будет возможно, захватить самого наместника ханства»[167].

Как видим, правительство решило, преградив путь калмыкам, с помощью силы вернуть их в прежние пределы. Отмечая заинтересованность царизма в калмыках, С.А.Есенин в поэме «Пугачев» вложил в уста яицкого войскового атамана Танбовцева следующие слова:

«Нет, мы не можем, мы не можем,
Мы не можем
Допустить сей ущерб стране.
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимся же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась»[168].

Однако если правительство действительно находило полезным пребывание калмыков в российских пределах, то почему в указах от 25 января 1771 г. их повелевалось разбивать, а имущество истреблять, когда еще существовала возможность возвратить беглецов на Волгу? Очевидно, что причина такой строгости заключалась в другом. В 70-х гг. XVIII в. обстановка в крепостной России была достаточно нестабильной, поэтому правительство, осознающее свою слабость, тревожилось, что бегство калмыков может послужить сигналом к выступлениям других инородцев. «Сия измена и удаление в степи калмыцких войск подает причину к разсуждению: не вознамерятся ли иногда воспользоваться сим случаем обитающие в том краю и окрестные разные народы и не покусятся ли сделать на границы наши нападения, почитая оныя чрез то ослабевшими, чего, по легкомыслию их, с основанием опасаться можно. Но, дабы и при малейшем их к тому покушению не только сделать им твердый и чувствительный отпор и показать им такой вид, что измена сия и вовсе ни в какое уважение не поставится»- писалось в правительственных указах[169]. По мнению Юр.-Ко.,- бегство калмыков необходимо было остановить по двум причинам: «потому, во-первых, что они, состоя в подданичестве, не могли предпринять чего-либо, не испросив на то предварительного откуда следовало разрешения, во-вторых, нужно было употребить все средства: бить, брать в плен, истребить имущество, но принудить калмыков вернуться назад, дабы они знали, что русское правительство по-прежнему сильно и могущественно, и чтобы многое множество других инородцев, видя и зная все это, не рисковало бы выйти из повиновения поставленным над ними властям и не нарушали бы утвержденных порядков»[170].

Астраханский губернатор Н.А.Бекетов вернулся из Санкт-Петербурга 14 февраля[171]. Он убедился, что возвратить бежавших калмыков невозможно и всю свою энергию направил на то, чтобы предотвратить побег оставшихся на волжских берегах. Генерал И.Ф. де Медем, экспедиция которого с начала войны (1768-1774) находилась на Северном Кавказе, приказал атаману Д.Ефремову подготовить 1500 казаков и царицынскому коменданту И.Цыплетеву -1000 казаков, чтобы по первому требованию отправить их к нему[172]. Коменданты Царицына, Черного и Красного Яров, Астрахани, Моздока и Кизляра были предупреждены об опасности прорыва оставшихся калмыков с правой на левую сторону Волги и о необходимости принятия должных мер предосторожности. Ордером Н.А.Бекетова И.Цыплетеву было велено «иметь крепкую предосторожность к соблюдению высочайшего Ея императорского величества интереса и людей», а именно: «держать оружия заряженными, с горящими фитилями день и ночь»[173]. Получив указ, царицынский комендант совершенно растерялся, так как выполнить его не мог по простой причине – из артиллерийской и фортификационной конторы, находящейся в Астрахани, он не получал пороха и свинца с 1769 г. В письме к Н.А.Бекетову И.Цыплетев сообщал, что Царицын находится в критическом положении, ибо «кубанская линия открыта – могут напасть кубанцы, киргизы с луговой стороны, а сверх того предстоит опасность от калмыков. При нападении этих врагов, крепость, за неприсылкою годной артиллерии с припасами, может и не устоять», тогда городам, лежащим вверх по Волге предстоит «крайнее раззорение и ущерб»[174].

Астраханский обер-комендант К.В. фон Розенберх 9 января приказал «находящихся при нагорной стороне реки Волги калмык не перепускать на луговую сторону и ни за какую плату судов и лодок им, калмыкам, для переправы отнюдь не давать, а в случае от них, калмык, усилственного отъема судов и лодок, то бы не давая им в руки, прорубать дны и затапливать в воду»[175]. По требованию астраханской губернской канцелярии 11 января началась мобилизация людей с ружьями, порохом для обороны города от возможного нападения калмыков. Скот окружных жителей велено было пригнать к Астрахани и приготовить суда, чтобы в случае необходимости спуститься в море[176].

Кизлярский комендант, полковник Немч, приняв в вверенной ему крепости меры предосторожности, предупредил кубанские и кабардинские народы о бдительности, а «чтобы они не узнали настоящей причины от кого и от сего им опасаться, велел разгласить, будто в окрестных местах появилась моровая язва». Однако приезжие астраханские купцы вскоре рассказали о бегстве калмыков, и «варвары, кочующие в кумыкской стороне, стали делать подговоры к побегу». Полковник сообщал в военную коллегию, что не смотря на эти «подговоры» в целом «они живут смирно и никакого вреда российским людям не делают»[177].

13 февраля было получено известие, что с Дона Д.Ефремовым отправлена команда в 1000 казаков[178]. Однако теперь в ней уже нужды не было, и вернувшийся из столицы Н.А.Бекетов приказал ее возвратить[179]. Меры безопасности от нападения калмыков, предпринятые астраханскими, царицынскими, кизлярскими местными органами, оказались напрасными.

Единственным, кто реально мог задержать калмыков в пределах России в тот момент, был оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп. 24 января 1771 г. он получил извещение И.А.Кишенского о движении калмыков к Яику[180]. 25 января указом военной коллегии И.А.Рейнсдорпу и генерал-майору И.К.Давыдову предписывалось подготовить яицкие крепости к обороне и позаботиться о безопасности тамошних жителей, для поимки калмыков «командировать все яицкое войско», некоторое число башкиров, несколько эскадронов из драгунских полков, расположенных в Оренбургской губернии, несколько рот из гарнизонов, причем каждый отряд снабдить 1-2 орудиями. Калмыков было приказано «везде разбивать, назад обращать, имущество их истреблять»[181]. Военная коллегия возлагала надежды на опытность и знание края И.А.Рейнсдорпа и И.К.-Давыдова, ибо заставить восставшее тогда Яицкое войско преследовать калмыков могли только сильные, волевые руководители. В статье Юр.-Ко.- мы обнаружили характеристики этих двух генералов, которые хоть и страдают субъективизмом, но вполне могут быть использованы в нашем случае. «Что особенно отличает Рейнсдорпа от других тогдашних деятелей ..., так это то, что он постоянно терялся и действовал невпопад.- сообщает Юр.-Ко. – Отсутствие прозорливости, непонимание окружающих обстоятельств, недостаток энергии во всех мероприятиях – вот те отличительные качества, которыми блещет генерал Рейнсдорп, правитель огромного края. Командующий войсками этого края, генерал Давыдов, по способностям, по умению вникать в сущность каждого дела и оценить события по их внутреннему смыслу и достоинству, стоял еще ниже Рейнсдорпа»[182]. Деятельность И.А.Рейнсдорпа и И.К.Давыдова по поимке калмыков по-разному была оценена руководством военной коллегии. И.А.Рейндорп, аккуратно и подробно докладывающий о каждом своем распоряжении, каким-бы несвоевременным и неисполнимым оно не казалось, получил благодарность коллегии. Когда калмыки достигли Китая, он был произведен в следующий чин (вероятно за отличие, как саркастически отметил Юр.-Ко-[183]) и пугачевский бунт в 1773 г. встретил уже генерал-поручиком. И.К.Давыдов же за свои действия получил суровый выговор.

Рассмотрим более подробно их действия зимой 1771 г., чтобы дать собственную оценку деятельности оренбургских органов власти по поимке калмыков.

Как уже упоминалось, калмыки 4 января напали на группу яицких казаков,

ловивших рыбу в Камыш-Самарских озерах, в которые впадают речки Большой и Малой Узени[184]. По приказу зайсанга Ондона казаки были захвачены в плен, но некоторым удалось бежать. Спасшиеся 11 января 1771 г. в Яицкой войсковой канцелярии поведали об обстоятельствах своего пленения и бегства от калмыков[185]. И.К.Давыдов, живший в Яицком городке, следовательно, за неделю до переправы калмыков через Яик, знал об их намерениях, но ничего не предпринял.

11 января войсковой атаман П.Танбовцев и старшины А.Митрясов и М.Суетин рапортовали И.К.Давыдову, «якобы калмыцкая волская орда намерена, Яик-реку перелезши, идти в Зенгорию», а также докладывали о действиях казака-калмыка Гендюн Гецюля, уличенного в «подговаривани их (яицких казаков-калмыков – Е.Д.) в калмыцкую волскую орду»[186].

Побывавшие в калмыцком плену казаки, в частности Г.Чумаков, на допросе говорили о намерении Убаши напасть на Калмыковую крепость и Яицкий городок[187]. Состояние городка беспокоило И.К.Давыдова. Он знал, что «городок не укреплен и только с одной стороны обнесен с давних пор земляным валом». При 36 пушках, имеющихся в наличии, состояло 13 канониров, «лучшие из которых заряжать не умеют»[188]. И.К.Давыдов для обороны подготовил половину «сикурса» А.Митрясова, эскадрон драгун и казачью сотню из станицы Илецкой[189].

23 января генерал-майор писал И.А.Кишенскому, что 3 января, получив известие о движении калмыков к Яику, просил сообщить ему об «обстоятельствах калмыцкого народа, и о их движениях и намерениях..., но только в соответствие того ничего еще не получено». А между тем, «волские ж калмыки при самой уже здешней границе фарпосты многолюдным числом нападении оружейной стрельбою неприятельски чинят, скот отбивают и пристроенные у фарпостов скотские базы и протчие жгут, чем и куммоникация от Гурьева городка пресечена»[190]. Калмыки уже благополучно переправились через Яик, а И.К.Давыдов все сетовал, что от И.А.Кишенского «ни ко мне, ни к войску Яицкому ни малейшего уведомления нет»[191]. Юр.-Ко.- отмечал: «Давыдов, уверяя других, наконец и сам убедился, что узнал о бегстве калмыков только тогда, когда они уже действительно убежали, поэтому писал в военную коллегию так: если бы обстоятельство это было известно заблаговременно, то он купно с губернатором, выдумал бы самые действительные средства для ограждения тогдашней линии»[192].

Составляя рапорт в военную коллегию, И.К.Давыдов, в распоряжении которого находились все регулярные команды Оренбургской губернии для охраны пограничных линий края, всю вину за пропуск калмыков возложил на Войско Яицкое с царящими в нем порядками «народоправства». «В Яицком войске,

– писал он, – всякая команда чинится через набатный колокол, с общаго войскового приговора, с объяснением настоящей о командировании причины и наймами, а не нарядом по очереди». Старшины, живущие по своим домам, принимают начальство над уже сформированным отрядом, потому «никакой тайности быть не может». А если бы к местам переправ калмыков через Яик были срочно, без объявления цели командированы отряды, тогда беглецы «все бы переловлены были». Приведя аргументы, доказывающие на его взгляд виновность Яицкого войска, И.К.Давыдов подчеркивал в рапорте: «в разсуждении того весьма нужно в том войске отменить первое, через набатный колокол сбор, и второе – сообщаго их войскового согласия командировки, а чинить бы оныя чрез отдаваемыя чрез атамана или войсковую канцелярию приказы и нарядом казаков по очереди, и не наймом»[193].

Сообщив о грабительствах калмыков и убийстве на Узенях казаков, генерал-майор не упомянул ни словом о том, что еще свыше 10 тысяч беглецов находятся близ Яика и собираются уйти в степь[194]. 14 февраля в Императорском совете рапорт И.К.Давыдова был оглашен[195]. А 18 февраля из военной коллегии на его имя был отправлен указ, в котором содержалась весьма нелестная оценка действий командующего Оренбургским корпусом. Получив сведения об уходе калмыков в степь, руководство коллегии «с сожалением усматривает», что нигде на Яицкой линии они не встретили себе сопротивления. «Если Яицкая линия,- отмечалось в указе,- вверена вашему попечению и зная, что под командой вашей состоит достаточно регулярной кавалерии, то неудовольствие коллегии усугубляется тем, что вы не употребили ни каких мер к воспрепятствованию побега калмыков, хотя для этаго было бы достаточно одного эскадрона, с храбрым и находчивым начальником во главе. Сами же вы, в довершение всего, уехали без нужды в Оренбург и оставили место, где ваше присутствие было бы наиболее необходимо»[196]. Получив столь строгий выговор, И.К.Давыдов в марте 1771 г. вернулся в Яицкий городок.

Оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп, 24 января получив извещение И.А.Кишенского, распорядился, чтобы яицкие казаки препятствовали переходу калмыков через Яик[197]. Однако убедившись в бесполезности своих запоздавших указов, он решил обратиться за помощью к хану Нурали, главе Младшего жуза, и султану Среднего жуза Аблаю, так как путь калмыков в Джунгарию проходил через казахские степи. Казахи еще в начале 30-х годов XVIII в. приняли русское подданство[198], однако, власть правительства над ними была достаточно иллюзорной. И.А.Рейнсдорп, видимо, хотел сыграть на том, что отношения между калмыками и казахами были осложнены из-за прошлогоднего набега и отгона скота. 21 января он писал Нурали-хану: «Нынешнею зимою был отбираем с большею строгостью скот от калмыков, забарантованный ими

у киргизов, по этой причине калмыки сильно озлобились и решились идти против киргизов большою барантою. Собравшись под началом самого их хана, калмыки намерены прорваться через Яицкую линию в степь, поэтому пусть хан, – если казаки как нибудь случайно не успеют задержать калмыков, разобьет, переловит и доставит всех их в Оренбург»[199].

29 января в ответном письме Нурали-хан сообщал, что «по нашему же с киргис-кайсацкой стороны слышанию, они, калмыки, не единственно для злодейства идут, ибо у них гонимый скот есть (т.е. если бы они вышли для баранты, то были бы налегке, не забирая с собою жен, детей и имущество; это уже киргизы сами по себе хорошо знали) – потому и почитают их в виде беглецов»[200]. Во втором послании к И.К.Рейнсдорпу от 30 января Нурали, который уже понял настоящую цель движения калмыков, объявил, что при любых обстоятельствах «рад исполнять службу Ея императорскому величеству и истреблять непокорных ей злодеев», для чего начал сбор своего народа[201].

В распоряжение хана губернатор отправил 500 оренбургских казаков под началом полковника Углецкого[202]. Ожидая Нурали у устья Хобзог за 300 верст от бегущих калмыков, Углецкой начал испытывать недостаток провианта. От морозов и бескормицы казаки теряли лошадей. В результате Углецкой был вынужден привести отряд в Илецкую защиту. Командируя Углецкого, И.А.Рейнсдорп поручил ему распространить среди беглецов-простолюдинов «увещательные письма». С содержанием одного из таких «увещаний» знакомит нас Юр.-Ко.- Губернатор писал: «С крайним прискорбием услышать я принужден, что вы, по развращению вашего покоя нелюбителей, владельцов ваших из протекции Ея императорского величества, всемилостивейшей государыни бежите в Зенгорскую землю. О вас бы я не сожалел, если бы не знал, что вы намерены себя подвергнуть вечной погибели и не по собственному желанию, но по наущению владельцев ваших, – ваших развратителей. Подумайте прежде, какого блага вы лишаетесь и какая жизнь ожидает вас впереди? Если бы положим, и удалось вам уйти в Китай; – какое тамо найдете успокоение, будучи в народах хищных и в государствах по правилам суровости, а не снисхождения обладающих! В пример вам может поставить зенгорский народ: что с ним на последок от разврата владельцов сделалось?! Если одумаетесь, сознаете свои вины и вернетесь, то, по воле Ея императорского величества, между вами будет такое правительство, какое только сами пожелаете. Если раскаетесь, будете возвращены на прежние места, без всякого озлобления»[203]. Распространить письма И.А.Рейнсдорпа среди калмыков Углецкому не удалось, так как они ушли слишком далеко, и он вернул их автору.

Тем временем, И.А.Рейнсдорпу и И.К.Давыдову удалось собрать казачьи части, которые были отправлены вслед за беглецами в степь с предписанием

«ежели при том преследовании из бежавших калмык, которые, видя себя в опасности, отделясь от протчих, будут объявлять, что они к побегу убеждены владельцами их, и пожелают обратно возвратиться, таковых, возвращая за канвоем до улусов их, препровождать, не делая при том ни малейшаго озлобления»[204]. Из Войска Яицкого был послан с подобным приказом старшина А.Митрясов с 1130 казаками[205].

Им удалось настигнуть икицохуровские улусы Асархо и Маши, остановившиеся близ Калмыковой крепости. По сведениям Юр.-Ко.-, Асархо обратился к И.А.Рейнсдорпу, с просьбой о покровительстве, уверяя при этом, что к Яику покочевал под страхом смерти, исполняя распоряжения наместника Убаши. В ответ калмыцкий владелец получил обещание губернатора, что вреда ему в случае возвращения на прежние места никто не причинит, а также 2 фунта чаю и 2 головки сахару[206]. Асархо передал А.Митрясову знамя и оружие. 5 февраля он писал И.А.Кишенскому: «по приходе на Яик находящемуся тамо с войском Яицким Алексею Ивановичу объявя о принятом нашем намерени, пришед к нему, остановились. Алексей Иванович будучи человек разумной, ни чиня нам никакой вредности, а показывая к нам только благосклонность, обнадеживает сыскать нам благополучие»[207].

А.Митрясов задержал также несколько мелких групп калмыков, отставших от основной массы. Вступив с ними в бой, казаки захватили в плен 250 человек, большей частью женщин и детей. Они были отправлены в Яицкий городок, куда казаки доставили и трофеи: 3 знамени, 50 ружей, 125 копий, 25 сандаков и 20 сабель; 130 верблюдов, 650 лошадей, 700 голов рогатого скота и 5000 баранов[208]. С Яика был возвращен и Эркетеневский улус[209].

Астраханский губернатор Н.А.Бекетов в письме к И.К.Давыдову, подсчитывая количество возвращенных в улусы, сообщал, что вернулся, «икицохуров владелец Асархо с племянником ево Машею слишком в дву тысячах, да из-за Яика день езды наместникова владения татар и трухменцов с триста кибиток возвратились же. А сверх сего ... еще трухменцов же до четырех сот человек и калмык до четырех тысяч кибиток от побегу посланною командою удержено и в здешнюю сторону обращено и за канваем в прежние их места отправлены»[210].

24 февраля 1771 г. в присутствии Екатерина II в Императорском совете были зачитаны реляция И.А.Рейнсдорпа и рапорт И.К. Давыдова, отправленный 9 февраля в военную коллегию, о предпринятых мерах по поимке беглецов и возвращении на прежние места улусов Асархо и подвластных калмыкам татар. Было решено направить рескрипты оренбургскому и астраханскому губернаторам с тем, чтобы первый «помянутых остановленных калмыков и возвратившихся трухменцов отправил к Волге и удержал до времени владельца Асарху и зайсангов», а другой «тех калмыков и трухменцев перевел на нагорную сторону той

реки и поручил в смотрение кому-либо из оставшихся там владельцев, ими же полковнику князю Алексею Дондукову»[211].

Калмыки, достигнув 18 февраля р. Эмба, остановились там на отдых. Ни Нурали-хан, ни полковник Углецкий догнать их не смогли. Яицкие казаки, откомандированные И.А.Ренсдорпом в распоряжение полковника Бейерена, преследовать калмыков к тому времени отказались под предлогом отсутствия подножного корма и гололедицы, от которой «лошади могут себе ноги перепортить»[212].

С наступлением весны приступил к решительным действиям И.А.Рейнсдорп. Он обратился к командующему Сибирским корпусом генерал-поручику Шпрингеру с призывом подготовить войска для преследования калмыков[213]. Полковнику Траубенбергу, в распоряжение которого был передан подготовленный в Орской крепости «корпус, в трех тысячах семистах ирегулярных, да в четырех драгунских эскадронах состоящей» с шестью «с припасами пушек», оренбургский губернатор в наставлении от 24 марта 1771 г. приказывал содержать сей корпус «в надлежащей воинской дисциплине и довольствии», «потребные повоски, провиант и фураж благовремянно исправить, и так к походу быть в ежечасной готовности, делая между тем в степь чрез башкирцев и других надежных людей о следовании калмык разведывание». Когда же будет получено известие «о уравнении оных калмык против Орской крепости», Траубенбергу предлагалось «тот час совсем с их корпусом на них, калмык, выступить», сообщив на Сибирские линии генерал-майору Станиславскому о своих планах, «дабы он мог ... с своей стороны вам содействовать». И.А.Рейнсдорп, напоминая полковнику, что промедление опасно, рекомендовал в случае «ежели ж экскадронны по тяжелости их с нерегулярными, яко легкими, поспешать не могут, а растояние езды будет далеко, то учредя их ариергардом при надежном штаб-офицере, велеть им итти по возможности позади, а самим вам, не упуская ни малейшаго времени, с легким войском стремится, встречая калмык, достигать желаемого». Траубенбергу передавалась вместе с «наставлением» карта азиатских степей, через которые «калмыки проходить должны». В отношении башкир, вошедших в корпус Траубенберга, И.А.Рейнсдорп писал, что сей «легкомышленный народ» противника «иногда горячах атакует, а иногда и от малейшаго страха ретирует», а потому приказывал «артиллерию, яко главное оборонительное орудие» содержать «под хорошим прикрытием драгун или казаков, чтоб она в случае незапной ретирады башкирской опасности подвержена или неприятеля в руки попасть не могла». При сближении с калмыками Траубенбергу рекомендовалось «зделать с ними обсылку, чтоб они, не вступая в бой, остановились и в прежние их места возвратились, объявя им, что ея императорское величество из матерняго своего снисхождения изволит в винах их всемилости-

вейше прощать. И кто склонится, тех принимать и партиями по линии со всем при них имением сюда отправлять. Но буде бы оказались только противны, то тут же наисильнейше их старатся атаковать и разбить, могущество их брать, табуны отгонять, и самих их полоните. А наипаче лутчих чиновных людех и их детей захватить, а наипаче ежели удастся, поймать самого наместника ханства Убушу, то его немедленно отправить за караулом сюда, и таким образом побег их до Зенгории пресечь и способов далее пройти не давать». В случае сопротивления беглецов И.А.Рейнсдорп предлагал башкирам «не возбранять ... калмыцкое имущество брать в добычу, чему они будучи обнадежены и в сию экспедицию побуждены»[214].

Получив предписания оренбургского губернатора ускорить подготовку к походу, Траубенберг, взяв сухарей на месяц, 11 апреля[215] двинулся из Орской крепости в степь[216]. Он спешил соединиться с казахами Нурали-хана, которые преследовали калмыков. 14 апреля вслед за Траубенбергом из Орской крепости выступил подполковник Могутов с корпусом в 3500 казаков[217]. С Сибирской линии к Орску следовал отряд полковника Титова, чтобы совместно с казаками секунд-майора Кологривова, прибывшими из Троицкой крепости, преследовать калмыков[218].

Делая 40-верстные переходы, 5 мая Траубенберг достиг р. Сары-Тургай (приток- Тургая – Е.Д.), где соединился с войском Нурали-хана[219]. Но Убаши ушел вперед уже на 200 верст[220]. Объединившись, 6 мая они продолжили преследования, сделав еще шесть переходов, но догнать калмыков им не удалось[221]. 12 мая полковник Траубенберг, дойдя до р. Терсаккан, оставив позади 835 верст, от дальнейшего преследования отказался, так как запасы провианта истощились, а для лошадей, изнуренных форсированными маршами, не хватало фуража, потравленного ранее калмыками и казахами[222]. Понимая, что его корпус, совершавший 40-50 верстные переходы, обоз с провиантом нагнать не в силах, и получив известие от провиантского чиновника, что «по малости печей в Орске, он имеющуюся муку ранее 2 месяцев перепечь в сухари не может», Траубенберг подвергнул на Усть-Уйскую крепость, до которой нужно было идти всего 500 верст по местам, обильным пресной водой и кормами[223]. Аналогичные причины заставили прекратить движение и полковника Могутова. Напрасно Нурали-хан убеждал Траубенберга остаться, просил дать ему хоть три пушки и 1000, затем 500 человек русской конницы, которую обязался довольствовать за свой счет, полковник отказал хану во всех его просьбах, не смотря на показания плененных казахами калмыков, утверждавших, что «если бы российские войски», догнавшие наместника с калмыцким народом, имели бы нападение и ис пушек пальбу, то калмыцкий народ весь, не взирая на своих владельцов и зайсангов, обратились бы под кровению российскому войску»[224].

Расстроенный неудачей экспедиции Траубенберга, И.А.Рейнсдорп вместе с И.К.Давыдовым, обсудив план дальнейших действий, 1 июня рапортовал в военную коллегию о результатах предпринятого «поиска над калмыками» и новых средствах достижения намеченной цели. Он предлагал Траубенбергу прибыть в Троицк, оставить там «больных и худоконных» и, взяв с собою башкир и мещеряков, подготовленных к походу, побольше провианта, двинуться по Сибирским линиям, в сикурс войскам Сибирского корпуса и находящихся в распоряжении генерал-майора Станиславского. Тем временем, из башкир, прибывающих в Троицк, формировать отряды, которые по Сибирским линиям отправятся вслед за Траубенбергом. Полковнику Могутову присоединиться к Нурали-хану в случае если последний обяжется «продовольствовать» его команду, если же нет, оставаться на линии[225].

27 июня 1771 г. на заседании Императорского совета были оглашены рапорт И.А.Рейнсдорпа в военную коллегию от 1 и 6 июня о возвращении «посыланного для поиска над калмыками» Траубенберга и рапорт генерал-майора Станиславского от 21 мая о «приготовляемых на Сибирской линии войсках для учинения над калмыками ж поиска»[226].

Каково же было устройство Сибирской линии, где предпринимались новые меры для удержания калмыков? Военная линия, созданная для ограждения сибирских поселений от набегов кочевников, тянулась по границе с Китаем и казахскими землями. «Длину пограничной линии от истоков Бии и Катуньи до Звериноголовской крепости, где начиналась оренбургская линия, – писал Юр.-Ко.-, можно принять по приблизительному исчислению в 1800 верст, на всем этом протяжении находилось в 1771 году, всего 64 разных поселенных пункта, под названием крепостей, форпостов, редутов, деревень и маяков»[227]. Линия состояла из следующих частей: 1)Кузнецкой с крепостями Бийская и Катунская, 2)Колыванской с крепостью Ануйской, 3) Иртышской с Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Ямишевской, Железинской и Омской крепостями и 4)Новой линии, делившейся на Тобольскую и Ишимскую дистанции с Петропавловской и Тарской крепостями[228].

Сибирский губернатор генерал-майор Чичерин считал, что калмыки, стремящиеся избежать столкновений с российскими войсками, вряд ли будут нападать на поселения и крепости в вверенном ему крае, а потому гораздо большую опасность представляют «внутренние враги». Когда командующий войсками на Сибирских линиях Станиславский, сменивший скончавшегося генерал-майора Шпрингера, обратился к губернатору за помощью, Чичерин ему отказал. Он заявил, что «две гарнизонныя и одна губернская роты», подготовленные к походу, необходимы в Тобольске, так как туда пришла «партия в тысячу

человек злодеев на канате, следующих в Нерчинск», да из Казани их следовало «еще очень много», и ему придется «заняться отправлением сих злодеев»[229].

Таким образом, генерал-майору Станиславскому пришлось одному искать средства, способные остановить калмыков. Он рассчитывал на помощь казахов, принимая во внимание их «хищность». В марте 1771 г. он отправил к Аблаю поручика Башняка с письмом, в котором просил султана выступить против калмыков. Затем генерал-майор вновь обратился к сибирскому губернатору с просьбой о присылке войск. В ответ Чичерин выслал 500 «выписных казаков», которые будучи выписанными из государственных крестьян «никогда не обучались военным экзерцициям и теперь, первый раз в жизни, имели в своих руках ружья, палаши, свинец и порох, лошади у них плохия, пахотныя»[230].

Кроме того, Станиславский решил уведомить цинских правителей о намерении волжских калмыков «вгнездиться в зенгорские земли», полагая, что они агрессивно воспримут новых поселенцев. Он отправил в Китай полкового квартирмейстера Незнаева с письмом, которое последний должен был передать властям в первом же городе и подождать ответа. Незнаев прибыл 7 апреля 1771 г. в крепость Габду. Ему отвели квартиру и приставили часовых. А через несколько дней Незнаева пригласили на аудиенцию к Анбону, управляющему крепостью, который посетовал на то, что посланец прибыл в Габду, а не в Кяхту где российское и китайское правительства «условились делать обмен взаимных сношений». Объяснив, что срочность и важность сего дела вынудила его начальство командировать его в Габду, Незнаев передал письмо. Анбон, заявив, что распечатать послание не имеет права, отправил его Жагджу, главному начальнику китайских войск, живущему в крепости Улят, куда пригласил поехать русского посланца. Однако Незнаев, выполняя приказ Станиславского, остался дожидаться ответа в Габду. Анбон, интересующейся причинами бегства калмыков, предположил, что последние были чем-то обижены. На что Незнаев возразил: «Не безызвестно всей китайской области, что они зенгорские калмыки из застарелой своей природы мятежники и легкомысленные беззаконцы и при одном месте, уповательно, жить никогда невознамереваются», хотя в России им были отведены хорошие земли, и они постоянно пользовались защитою правительства[231].

Более месяца ожидал Незнаев ответа, так как Жагдж, также не распечатав письма, отправил его в Пекин. Только 9 мая управляющий канцелярией Анбона Фузургак, пригласив к себе русского посланца, объявил, что ждать письмо из Пекина будет «весьма долговременно», и лучше ему вернуться назад. Незнаеву не оставалось ничего, как отправиться в Усть-Каменогорск, причем до границы его сопровождал китайский конвой[232].

Как видим, китайцы продержали Незнаева столь долго совершенно напрас-

но. Возможно, они раньше Незнаева и Станиславского были осведомлены о намерениях калмыков, так как наместник Убаши, по показаниям очевидцев, еще в апреле, отправляя письмо к Нурали-хану, собирался послать в Пекин миссию с просьбой о принятии подданства[233]. Отвечать Станиславскому, что они намерены принять калмыков, означало поставить под угрозу русско-китайские отношения. Отторгать же беглецов, китайцы тоже не собирались, так как это противоречило их интересам. А потому Незнаев и был отправлен обратно под благовидным предлогом, не получив никакого ответа.

К тому времени Станиславскому стало известно, что полковник Траубенберг вернулся на линию, а калмыки, переправясь через Сарысу, находятся на расстоянии в 800 верст от Сибирской линии. Направить вслед за беглецами корпус в 3000 человек, который был собран на линии, он опасался, так как требовалось из-за «большого удаления от линии огромное количество перевозочных средств, для сбора чего и устройства нужно было много времени и издержек», а «вывоз с линии почти половины защитников обнажил бы нашу границу, чем киргизы не преминули бы воспользоваться[234]. В итоге Станиславскому пришлось распустить слух, что бежало сто колодников, которых необходимо поймать. Он приказал посылать из каждой крепости в степь унтер-офицера с 20-30 рядовыми при переводчике, которые должны были посетить казахские аулы для обыска, при этом выспрашивая: не боятся ли казахи кого? Не намерены ли соединиться с кем-нибудь? Далеко ли калмыки, не имеют ли они сношений с казахскими султанами и батырами?[235]. Полковнику Сумарокову из Усть-Каменогорской крепости, самой ближайшей к Джунгарии, поручалось «наблюдать все пути, дорожки и тропинки (!) в зенгорскую землю»[236].

Проследив маршрут беглецов в первые месяцы (« путь калмыков в Китай шел на Яик, Эмбу, чрез Могульджарские (Могульзурские, Мугальярские) горы, на Иргиз, Сары-Торгой и Терсаккань»[237]), Станиславский предполагал, что они направляются в районы озера Зайсан, верховья Иртыша, где располагались их предки до прихода в Россию, и надеялся, что они пройдут севернее озера Балхаш и будут переправляться через Иртыш между устьями рек Бухтарма и Курчум, а значит окажутся в 150-200 верстах от крепости Усть-Каменогорской. Однако калмыки могли выбрать такой путь лишь в угоду Станиславскому, ибо все время от Волги стараясь избежать встречи с правительственными войсками, не стали бы в конце «переправляться через большую реку, имея у себя на фланге два русских отряда, надалеко один от другого расположенных»[238]. Генерал-майор скоро осознал свою ошибку, но оговорился, что калмыки могут поступить так, опасаясь расположенных по границе китайских караулов. Если же калмыки имели договоренность с китайцами ранее, продолжал Станиславский, они пойдут севернее Балхаша по речкам Аягуз и Каратал по пути, изобиль-

ному кормами и водой и отдаленному от востока Сибирской линии на 250 верст[239].

Наместник Убаши, предвидя возможность встречи с русскими войсками, дойдя до р. Терсаккан, круто повернул на юг, держа направление на северо-западную оконечность Балхаша. Вместе с основными силами он прошел вдоль западного берега озера и в первых числах июля вышел к верховьям рек, впадающих в Или. Остальные под предводительством нойона Танжи вышли к берегам Или другим путем – по северному берегу Балхаша через речки Аягуз и Каратал.

До Станиславского стали доходить слухи о том, что калмыки уже достигли Китая. Для того, чтобы проверить их достоверность он отправил атамана Волошанина с 30 казаками к китайской границе. Поручику Зейферту, в распоряжении которого находились два эскадрона драгун и две пушки, приказано было двинуться к Балхашу. Поручик повез с собой «увещательные письма», которые были написаны по татарски «за незнанием здесь калмыцкого языка»[240].

12 августа Волошанин узнал от начальника китайского караула Залчина Бошко, что «Жанжунь-Анбань (по китайскому произношению Дзянь-Дзюнь-Анбан) главного города Боянде» принимал калмыков в подданство с согласия Богдыхана. Переписанные 10 августа калмыки поселены в верховьях Или, а «зенгорского роду нойон Шерин (Шиаренг), по своим прежним к китайской стороне претензиям, будто бы нарочно сделанной глухой телеге, без выпуску из оной на воздух, под строгим караулом отослан в Пекин к его Богдыханскому величеству; а всех торгоутов числом более 30 тысяч в принятии оказалось»[241]. Дневной журнал Волошанина был представлен Станиславским в военную коллегию вместе с кратким рапортом[242].

22 ноября 1771 г. в Императорском совете было оглашено письмо иркутского губернатора с листом из китайского трибунала «о принятии в покровительство наших беглых калмыков»[243].

Таким образом, ни центральные правительственные органы, ни администрация на местах не смогли остановить калмыков, покинувших Нижнее Поволжье. В огромной империи не оказалось силы, способной противостоять такому явлению, как уход подданных с ее территории. Несмотря на то, что десяток лиц: нойон Замьян, переводчик А.П.Воронин, астраханский губернатор Н.А.Бекетов, казахский хан Нурали, казаки И.Логинов и А.Хашкин, рядовые калмыки, захваченные в плен во время отгона скота у казахов и допрошенные в Яицком городке, – предупреждали о наступающей угрозе, не были приняты действенные меры, должные ее предотвратить. Правительство уверовало в невозможность ухода калмыков. Эта иллюзия подкреплялась успешным выполнением наместником Убаши всех распоряжений относительно посылки калмыцких

войск на театры военных действий. Поэтому предупреждения о подготовке ухода не только не принимались во внимание, но и оценивались как провокационные. Достаточно вспомнить, к примеру, как был отчитан губернатор Н.А.Бекетов руководством Коллегии иностранных дел за призывы провести расследование, вызвав ко двору инициаторов откочевки.

Не удивительно, что уход калмыков застал правительство врасплох. Не имея ясного представления о масштабах бегства, Императорский совет только 24 января отдает распоряжения, согласно которым местные органы в Астрахани, Царицыне, Оренбурге, Сибири должны были употребить «все старание о их к Волге возвращении»[244]. Однако ни регулярным формированиям, ни местной администрации, получившим из-за больших расстояний и плохой связи директивы с опозданием, не удалось воспрепятствовать стремительно развивавшемуся бегству калмыков. По мнению Юр.-Ко-., анализировавшего мероприятия оренбургских и сибирских начальников, тот факт, что им не удалось остановить беглецов был благоприятен не только для калмыков, но и для «тогдашнего правительства и государства вообще». Свою точку зрения он мотивировал тем, что если бы «план Давыдова и Рейнсдорпа удался: оренбургские отряды поражали бы бегущих с тылу, а сибирские вышли бы на перерез их пути; такой несложный план однако же был бы совершенно гибелен для калмыков: они были бы возвращены назад» в гораздо меньшем числе, так как «предписано было разбивать и вдобавок имущество их было бы истреблено»[245].

Глава III. ПОСЛЕДСТВИЯ УХОДА

1. УСТРОЙСТВО КАЛМЫКОВ В СОСТАВЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Покидая российские пределы, калмыки надеялись заселиться на территории Джунгарии, пустующей после того, как в 1757-1758 гг. Цины истребили обитателей и уничтожили Джунгарское ханство[1]. Факт беспощадного уничтожения ойратского населения маньчжурскими войсками признали и китайские историки. В «Очерках истории Китая с древности до «опиумных войн» отмечается: «Эта победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии. В период расцвета в Джунгарии жило ... свыше 600 тыс. человек; после военного разгрома три десятых населения было истреблено цинскими войсками, четыре десятых вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать... в пределы России»[2]. Мотивируя жестокость Цинской династии в отношении джунгар, Жэнь Шицзян в статье «Причины возвращения торгоутов на родину» писал: «Маньчжуры уничтожили именно ойратов, поскольку боялись, что не сделав этого, они сохранят в их лице потенциального соперника, уже имевшего опыт создания суверенного государства и поддерживавшего длительные связи с соседней Россией»[3]. Истратив 30 млн. лан, Цины установили контроль над джунгарскими землями[4].

В 1760 г. Джунгария и Восточный Туркестан были объединены в особую административную единицу «Синьцзян» («Новая граница»), которая превратилась в форпост Цинов в Центральной Азии[5]. Переводчик Яков Гуляев, побывавший в ставке главы Младшего жуза Нурали-хана, в начале 1758 г. рассказывал в Оренбурге о планах маньчжуров в отношении Джунгарии и Восточного Туркестана следующее: «... китайской богдыхан на местах зюнгорских калмык намерен, построя города, населить в них китайцев, а бывшие во владении зюнгарском города Малой Бухарии (Восточного Туркестана – Е.Д.) ... почитает уже и ныне своими, а по построении ... новых городов и податями обложить их намерен». Я.Гуляев сообщал, что в Синьцзяне находятся 180 тысяч цинских войск и «киргизцы – де от толь многочисленного войска находятся в великой опасности»[6]. По сведениям Н.Я.Бичурина, численность маньчжурских войск в Джунгарии превышала 34 тыс. человек, особенно много гарнизонов было размещено в стратегически важных районах: Или и Тарбагатае[7]. В начале 60-х гг. XVIII в. в Джунгарии, и прежде всего в Тарбагатае, началось широкое военное строительство, связанное с «планами сохранения господства маньчжурского

Китая в Центральной Азии... Здесь, на урочище Яр, в 1765 г. был сооружен город-крепость Чжаофын, перенесенный в 1767 г. южнее – на урочище Чухучу – и получивший название Чугучака. Широко распространяется система маньчжуро-китайских военных поселений»[8].

В ходе завоевания Джунгарии Цины «разрешили» национальный вопрос. Прежнее наименование страны было исключено из употребления. Территория Джунгарского ханства стала именоваться Северным округом (Бэйлу). Для заселения обезлюдевших земель маньчжуры перевели сюда китайцев, сибо, солонов, дауров, монголов-чахаров, уйгур. Низведя ойратов до положения одной из малых народностей и создав «национальную чересполосицу», Цины назначали на все административные должности маньчжуров и китайцев.

Иным было положение в южной части Синьцзяна, в Восточном Туркестане, который стал именоваться Южным округом (Наньлу). Уйгуры избежали участи ойратов, в их отношении отправной точкой политики маньчжуров была сила военного подавления. Вся территория Восточного Туркестана была поделена на округа, во главе которых стояли маньчжурские военные чиновники[9].

Как видим, у китайцев были свои планы в отношении Джунгарии, которые не совпадали с намерениями калмыков «идти в Зюнгорию и восстановить там древнее свое владычество»[10]. Достигнув границ Джунгарии, калмыки остановились в районе Тамуха (монгольское название – Шара-Боро) недалеко от китайских пограничных постов. Военный губернатор Или Илэту отправил к ним трех чиновников, чтобы узнать о цели их прибытия и побудить их принять китайское подданство. «Совершенно ясно, – отмечал английский китаист К.Баркман, – что торгуты и не собирались подчиняться китайцам, а надеялись вести в Джунгарии независимое существование. Только после долгих колебаний они пошли на это крайнее средство, к которому их принудили обстоятельства. Страшные удары, которые им были нанесены казахами и киргизами ..., и долгий переход через Среднюю Азию чрезвычайно изнурили их и сделали бессильными для того, чтобы прорваться в Синьцзян, и не считаться с китайским могуществом в этом районе. Очевидно, торгуты не совсем были осведомлены о степени нынешнего китайского господства в Джунгарии, составлявшей важную часть их «Новой границы» (Синьцзян)»[11]. В «Мэн-гу-ю-му-цзи» также сообщалось о невозможности реализации калмыцких планов: «После неимоверных страданий, понесенных торгоутами в течение их 8-месячного странствия из России до Чжунгарии, от холода, голода и в особенности от нападения Киргизов и Бурутов в степях, залегающих по юго-западную сторону озера Балхаш, жалкие остатки их наконец прибыли в Или и, обманувшись в своих ожиданиях сделаться хозяевами этого края, они вынуждены были вступить в подданство Китая»[12]. Когда калмыки вошли в Илийский край, – писал Н.Я.Бичурин, – «по-

граничная цепь китайских караулов грозно преградила им вход в прежнее отечество, и калмыки не иначе могли проникнуть в оное, как с потерею своей независимости. Крайнее изнеможение принудило Убаши с прочими князьями поддаться Китайской державе безусловно»[13].

После недельного совещания калмыки приняли требования китайцев. Убаши в сопровождении маньчжурских чиновников прибыл для аудиенции к илийскому военному губернатору. Наместник вручил ему «яшмовые вещи, столовые часы, фарфоровую посуду, ружье с замком, лагорские деревянные чаши и золотые монеты»[14]. Кроме того, Убаши преподнес в подарок губернатору «императорскую нефритовую печать, пожалованную его предкам в 8-м году правления Юн-ло Минской династии (1410), о чем на печати содержалась надпись китайскими иероглифами»[15].

В ближайшем окружении императора возникли сомнения в покорности калмыков, прикочевавших к китайским границам, среди которых был бежавший в Россию после убийства маньчжурского Фу-ду-туна Танкалу нойон Шеаренг. В связи с этим на приеме у военного губернатора Убаши было объявлено, что император Цяньлун удостаивает его своего особою благоволения и рад «возвращению торгутов в страну, где желтая церковь процветает», однако, надеется, что калмыцкий наместник не позволит Шеаренгу вмешиваться в свои дела. Прибывший в Или из Пекина зять императора Сэбдэн Балчжур получил приказ Цяньлуна: «Если они не сдадутся и не перейдут на нашу сторону, тогда нужно покарать их [в соответствии] с заранее подготовленным [планом]». Сэбдэн Балчжур перевел из Халхи и Внутренней Монголии в Илийский округ дополнительно 10 тыс. солдат. В докладе императору он сообщал о цели возвращения калмыков: «Убаши, думая, что [район] Или и другие местности пустуют, во главе восьмидесяти-девяноста тысяч семей откочевал к нам и перешел на нашу сторону, надеясь резместиться в [районе] Или и следовать [велениям] своей Желтой религии»[16].

Однако китайские власти беспокоились напрасно, ибо калмыки, притерпев суровые испытания во время перехода, не в силах были оказывать сопротивление. Они потеряли почти весь скот и имущество и теперь продавали своих детей и жен за самое незначительное количество провизии. Кибитки остались только у наместника и некоторых владельцев, простолюдины же жили в шалашах из хвороста[17]. «Видя их крайнюю бедность, – рассказывал возвратившийся в Россию А.Аракбеев на допросе 17 ноября 1775 г., – от китайской стороны дано было на первый случай подлым калмыкам на пропитание по барану на человека, потом по два человека по барану ж, коею дачею питались не более (как) с два месяца, а напоследок дача баранов кончилась, и производились (выдачи) на три человека по мешку муки пшеничной мерою против здешней в два четвери-

ка, да сверх того в один раз на рубашки и порты дано каждому человеку по два конца бязи»[18]. В китайских источниках сообщалось, что в качестве помощи калмыки получили 200 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей, одна часть которых была закуплена на специально выделенные казной средства, другая поступила в виде дани с кочевого населения Илийского округа. Большое количество фуража, одежды, чая и предметов первой необходимости было доставлено в те места, через которые шли калмыки[19]. По сведениям А.А.Ивановского, переселенцы получили:

«Лошадей, рогатый скот и овец ...	1125000 гол.
Кирпичного чаю	20 000 лист.(63000 пуд.)
Пшеницы и проса	20 000 четверт.
Овчин	51 000
Бязей (белой бумажной ткани)	51 000
Хлопчатобумажной	1 500 пуд.
Юрт	400
Серебра	около 400 пуд.»[20]

Астраханский татарин М.Абдулов, бежавший в Россию, на допросе в Калмыцкой экспедиции 12 декабря 1772 г. называл другие цифры: «прислано наместнику 1000 лошадей, 1000 кирпичей китайского чаю и по сту штук камок».[21] Другой беглец, Е.Эджилев 24 июля 1773 г. показывал, что «по приказу китайского двора производимо было на пропитание шести человекам по одной суме пшеничной, а иногда и аржаной муки, да на дву и на трех человек по барану на месяц, там же каждому дано по овчинному тулупу и на рубахи с порты бязи, а знатным и чай производим был, что происходило прошлого, 1772 года до весны, а потом та дача прекращена и велено калмыкам питать и содержать себя уже своими трудами»[22].

Какова же численность калмыков, ушедших с Убаши из России и добравшихся до Джунгарии? Здесь мнения отечественных исследователей расходятся. По данным М.Г.Новолетова и Н.Н.Пальмова, степи Нижнего Поволжья в 1771 г. покинуло 30909 кибиток[23]. По подсчетам М.М.Батмаева, наместник увел 30285 кибиток[24]. Н.Я.Бичурин, опираясь на китайские источники, сообщал, что с Убаши откочевало 50000 кибиток[25]. Ту же цифру называл Ш.Б.Чимитдоржиев[26]. Юр.-Ко.- определил количество покинувших Россию калмыков в 70000 кибиток, или 250-300 тыс. человек, а достигнувших джунгарских пределов – в 30000 кибиток[27].

Зарубежные историки также не пришли к единству в этом вопросе. К.Баркман, цитируя «Дай Цин личао ишлу» («Хронику правления великой династии

Цин»), писал, что из российских пределов откочевало 33000 семей, или 169000 человек, из которых половина (около 85000 человек) добралась до Китая[28]. Ма Дачжэн, один из лучших китайских знатоков возвращения калмыков в Джунгарию, указывал, что Убаши увел с собой 33361 кибитку, или 168080 человек, а в желаемые пределы добралось лишь 15793 кибитки, или 66073 человек[29]. В.А.Рязановский определял численность покинувших волжские берега калмыков в 30-40000 кибиток, или 170000 человек, а дошедших до Китая – в 70000 человек[30]. У Х.Ховорса количество откочевавших из России калмыков составляло 70000 кибиток[31]. Такими же данными располагал С.Хедин, который добавил, что в дороге из России в Китай из них погибло 2/3[32]. По подсчетам М.Курана, Убаши увлек за собой 330000 человек, из которых 169000 достигли Джунгарии[33].

В «Илэтхэл шастир» указывалось, что Россию покинуло свыше 30000 кибиток[34], та же цифра приводится в «Мэн-гу-ю-му-цзи»[35]. Правда, в последнем источнике количество беглецов показано дважды, причем во втором случае оно определяется уже в 33000 семей, или в 170000 человек[36]. В китайском источнике «Сичуй цзунтул шилюэ» сообщалось: «Первоначально (волжских калмыков) имелось 33 тыс. с лишним семейств, или свыше 169 тыс. человек. Ко времени прибытия в Или их осталось всего лишь половина»[37].

Очевидец событий 1771 г. М.Абдулов, возвратившийся на Волгу, показал на допросе, что добравшихся до китайских границ калмыков «не более как до пятнадцети тысяч набратца может»[38]. Капитан Н.П.Рычков, принимавший участие в погоне за уходящими калмыками в составе российских войск до Тургал-Троицкой крепости, оценил их численность в 30000 кибиток[39].

Новый и полный географический словарь Российского государства 1788 г. включал в себя статью о калмыках, где сообщалось, что наместник Убаши «в 28162 кибитках ... бежал в Китайскую сторону»[40]. А в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, опубликованном в 1895 г., уже приводились другие цифры: 33000 кибиток, или 169000 человек откочевали в 1771 г. из России в Китай[41].

Дискуссия о количестве покинувших Россию и достигших Джунгарии калмыков показала, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Ниже мы попробуем путем анализа военно-административного деления калмыков, проведенного цинскими властями, пролить свет, на эту проблему.

Итак, прибывшие в Китай калмыцкие владельцы во главе с наместником вскоре получили от нового военного губернатора Или Шухэдэ, сменившего Илэту, приглашение посетить загородную резиденцию императора Цяньлуна в провинции Чжи-Ли, в Жэхэ. Китайцы приняли во внимание, что «в это время в Пекине было слишком жарко, а вновь прибывшие не болели оспой»[42].

Повышенное внимание императорского двора к волжским калмыкам А.И.Чернышев объяснял опасением Цинской династии возможностью воссоздания в Джунгарии ойратского государства, что могло бы нарушить «только что достигнутое единство и спокойствие на северо-западных рубежах»[43]. Так как сомнения китайцев в лояльности Шеаренга сохранялись, его сопровождал по пути в Жэхэ главнокомандующий Сэбдэн Балджур[44]. Волошанин в дневнике записал со слов начальника китайского караула Залчин Бошко, что Шеаренга везли в «будто бы нарочно сделанной глухой телеге, без выпуску из оной на воздух, под строгим караулом»[45]. Вслед за ним в Жэхэ направились Убаши, Цебек-Доржи, Лоузанг-Джалчин, Бамбар, Еремпель, Моомут-Убаши, Эмеген-Убаши и другие под охраной китайского военачальника Бату Джиргала. Они прибыли к месту назначения к 15 числу 6-го лунного месяца 36-го года правления Цяньлуна (15 июля 1771 г. – Е.Д.)[46].

В охотничьем урочище Муран гостей принял император Цяньлун (1711-1799), вступивший на престол в 1736 г.[47] Исследовавший «Илэтхэл шастир» В.П.Санчиров подробно описал эту встречу: «Когда Убаши с людьми прибыл туда, их пригласили в ставку и император дал им аудиенцию. Он по-монгольски спрашивал их и, выпросив и выяснив их подлинные помыслы, наградил парадным платьем, а войлочную одежду, которая была на них, приказал снять»[48].

Затем калмыки были доставлены в роскошный загородный дворец Бишу-шань-чжуань, где «император... устроил праздничные церемонии в дворцовой оранжерее и придворной кумирне, вечером он повелел зажечь различные фонари и устроить фейерверк и наградил каждого (из гостей) серебром, цветным шелком и различными ценными подарками»[49]. Убаши в ответ преподнес императору две сабли: одну, оправленную семью драгоценными камнями, а другую, покрытую золотом, которые Аюка-хан завещал своим потомкам, в знак того, что «теперь он на веки вечные стал рабом (богол) Поднебесной империи и теперь ему не надо будет изнурять себя войнами»[50].

Прибывшие с Убаши владельцы получили титулы знатности от 1-й до 6-й ступени. Убаши был пожалован титулом хана, которого до этого не существовало в китайской номенклатуре, что говорит о желании маньчжуров сохранить хорошие отношения с главой волжских калмыков[51]. Он также получил почетное звание «Зоригту» (храбрый)[52]. Титулом цинь-вана, или князя 1-й ступени, и почетным званием «Буянту» (добродетельный) был пожалован Цебек-Доржи. Бамбар и Шеаренг получили титулы цзюнь-вана, или князя 2-й степени, и почетные звания «Биширэлту» (благословенный) и «Билигту» (талантливый) соответственно. Момэньту и Гунгэ обрели титулы бэйлэ, или князя 3-й степени; три владельца – титулы бэйцзы, или князя 4-й степени; один -фугогуна, или князя 5-й степени; четыре – титулы тайджи-джасакства»[53]. Правда, обсуждение

кандидатуры Шеаренга на заседании правительственного совета затянулось из-за разногласий по поводу пожалования ему китайского титула. По законам Цинской империи за убийство Фу-ду-туна Танкалу Шеаренг подлежал смертной казни. Но император «Цянь-Лунь, вопреки мнению государственного совета из опасения возбудить подозрение других торгоутских тайджи, не решился отринуть покорность Цэрэна ... и, приняв его на аудиенции вместе с Убаши, пожаловал кочевьем на реке Булгунь ... Цэрэн принес повинную, был помилован и пожалован титулом»[54]. Ламу Лоузанг-Джалчина уверили: «В соответствии с установленным обычаем нашей небесной династии варварам, принявшим подданство, какого бы они не были имени не следует менять свои обычаи. Если вы хотите отправиться в Тибет «вскипятить чай», то в этом нет ничего такого, чего бы Мы не одобряли. В настоящее время весь Тибет включен в нашу территорию. В Желтой церкви нет никого, кто был бы выше Далай-ламы и Панчен Эрдэни»[55].

Переговоры наместника и владельцев с китайским правительством закончились официальным оформлением прибывших в подданство Цинской империи. «Возвращение большинства торгутов с низовьев Волги, где они жили почти полтора столетия, в Китай, – писал К.Баркман, – рассматривалось как явление огромной политической важности, все монгольские народы признали китайский сюзеренитет. «Добровольная капитуляция» торгутов проиллюстрировала роль Китая как защитника ламаизма[56].

Традиции предписывали императору писать стихи. Цяньлун, который был страстным любителем литературы и увлекался поэзией[57], решил воспеть столь знаменитое событие. В.П.Санчиров так передает содержание стихов императора: «... когда торгуты прибыли (в Срединную империю), чтобы принять подданство и стать моими подданными, я получил (таким образом) всех дурбен-ойратов вместе. Это, действительно, можно назвать отличным (делом). Для того, чтобы сохранить свое благоденствие и сохранить свое душевное спокойствие, я, опасаясь, больше всего (забыть об этом), зафиксировал (на бумаге) действительное и истинное, написал введение и сочинил стихотворение»[58]. А.А.Ивановский приводил следующую цитату из сочинения императора: «Наконец вся монгольская нация подвластна великой династии До-цинь и все получат ныне от нее свой закон. Это было планом великого моего деда Кань-хи, который желал иметь в подданстве все монгольское племя и уже подчинил джунгарцев маньчжурам»[59].

К.Риттер отмечал, что император расценивал возвращение калмыков как «особую милость неба, приказав записать его в летописях династии. Он торжествовал эту миграцию изготовлением сочинения, которое по рецензии великого мандарина Юй-Мынь-Чина, первого ученого его государства, принадлежит

к самым лучшим и классическим. Кянь-Лунь увековечил это переселение как главнейшее событие своего царствования, описав его на четырех языках: маньчжурском, монгольском, тангутском и китайском»[60]. Стихи императора были вырезаны на каменных плитах, установленных на р. Или. Перевод сочинения Цяньлуна был сделан отцом Амиотом (французский вариант)[61]. На английский язык стихи императора перевел Т. де Квинси[62].

В интерпретации А.Хаммела история появления стихов, посвященных возвращению торгутов, выглядит по-иному. Он сообщал, что император Цяньлун поручил чиновнику и ученому Chi Yun (Чи Юну) сочинить поэму, в которой бы описывались события 1771 г. Встреча императора и ученого состоялась во время возвращения первого из Жэхэ в Пекин после переговоров с калмыцкой знатью. Поэма Chi Yun' а так понравилась Цяньлуну, что он приказал присвоить ученому звание сочинителя[63]. Так что возможно стихи Chi Yun' а, а не императора, который, по мнению исследователей, сочинял довольно банально[64], вырезаны на каменных плитах в честь возвращения калмыков.

Верховная власть над калмыками перешла в руки императора. Наместник и владельцы превратились в простых чиновников на службе у маньчжурского двора. Упомнавшийся А.Аракбеев сообщал: «Владельцев и зайсангов должность состоит токмо в подаче ведомостей о выбылых людях». Владельцы не имели права собирать подать с калмыцкого народа, вместо нее «производится им пропитание от китайцев»[65]. Император мог по собственному усмотрению сместить или понизить в должности любого из них. М.Абдулов на допросе в «Калмыцкой экспедиции» показывал, что «по прибыти ж де их в китайскую сторону указом тамошнего хана велено для услуг иметь при наместнике только 100, а при знатных владельцах по 10 человек ... Наместник де Убаши, хотя прежняго своего звания не лишен, но такой полной власти, как здесь он над калмыцким народом имел, простирать ему от китайского двора накрепко запрещено, да и зайсанги от ведения аймаков отрешены, и ничем им по-прежнему обыкновению от них доволствоватся не велено» [66].

Н.Н.Пальмов отмечал, что «китайское правительство распорядилось поменять наместника Убаши и владельца Цэбэк-Дорджи улусами ... Пришлось и прочим владельцам поменяться улусами. Можно догадаться, что это было сделано в целях ослабить влияние наместника и владельцев на калмыцкий народ»[67].

В арсенале средств воздействия Цинского государства на кочевников, вошедших в его состав, широкое применение нашла политика дробления их сил и дальнейшая перестройка общественного и административного устройства. В отношении ойратов, как сообщается в «Мэн-гу-ю-му-цзи», у маньчжуров были следующие планы: «В царствование императора Цянь-Луна, когда Намоку, Сань-Цэрэн и Амурсана подчинились Китаю, богдохан, принимая во внимание, что

все ойратские тайдзы, равновременно присоединяющиеся к Китаю с несколькими десятками тысяч людей, беспорядочно кочуют во внутренних кочевьях, признал необходимым, чтобы каждый из них имел отдельное кочевье, и вследствие этого издал указ, чтобы по усмирению чжуньгар были восстановлены четыре ойрата. Таким образом, у китайского правительства не только не было мысли об уничтожении родовых связей ойратов, но также и стремления воспользоваться их землею. Когда же Амурсана затеял вражду, мятежник Хо (Хочжаджан) поднял знамя восстания, Шэрэн (Цэрэн) бежал, а Циньгун снял станции, тогда нельзя было не изменить старых порядков»[68].

Китайцы одновременно стремились создать для калмыков такие условия, при которых возможность восстания понижалась бы до минимума, а затем открывалось широкое поле для деятельности, направленной на закрепощение прибывших. На калмыков была распространена уже существовавшая у маньчжуров военно-административная система управления. Они объединялись в особые административные единицы – джасакства, которые представляли собой территориальные владения, принадлежащие вместе с проживавшим на них населением небольшим группам «носителей высших титулов знатности (хан, циньвань, цзюнь-ван, бэйлэ и т.д.), пожалованных маньчжурами наиболее выдающимся бывшим большим и малым тайджи»[69]. Прежняя племенная принадлежность составляла основу при разделении ойратов на джасакства: подданными какого-либо джасакства могли быть либо торгоуты, либо хошоуты и пр. То есть джасакства являлись административно-территориальными единицами, заселенными соплеменниками. Однако при этом джасакство являлось и основным военным подразделением – знаменем (ци)[70]. По требованию китайского императора джасакства должны были выставлять определенное количество воинов, отчего все мужское население в возрасте от 18 до 60 лет фактически находилось на военной службе. Поэтому в нашем рассказе мы можем свободно применять два термина: джасакство и ци – обозначавшие одну и ту же военно-административную единицу. Глава этой единицы – джасак выполнял одновременно функции военачальника знамени. Всего было создано 16 джасакств, численность населения в которых не была определена[71] Периодически джасаки собирались на съезды (чулганы, аймы).

Указом императора калмыков разделили на «старых» торгоутов (собственно волжских калмыков) под началом хана Убаши и «новых» торгоутов под началом цзюнь-вана Шеаренга[72]. Из «старых» торгоутов образовали 10 джасакств-знамен, из «новых» торгоутов – 2. У хошоутов сначала было создано 4 джасакства, затем после смерти бездетного главы одного из знамен его людей распределили между 3-мя оставшимися джасакствами, отчего их осталось всего

15[73]. В литературе встречается также другое название джасакства – хошун, к примеру, в статье В.П.Санчирова[74].

Джасакства были собраны в три больших объединения, которые А.И.Чернышев называет мэнами (союзами)[75], К.Баркман – сеймами[76]. 10 джасакств «старых» торгоутов хана Убаши образовали Унэнсудзуктуский мэн, который разделился на 4 самостоятельных мэна[77]. Название мэна – «Унэнсудзукту» В.П.Санчиров перевел как «правоверный»[78]. Два знамени «новых» торгоутов цзюньвана Шеаренга составили Циньсэтхильтуский (непоколебимый) мэн, а три знамени хошоутов – Батусэтхильтуский (надежный) мэн[79]. А.И.Чернышев полагал, что «мэны не имели нормативного определения численности их населения и в них могли входить джасакства разных племен. Вполне очевидно, что джасакства объединялись в мэны по принципу территориальной близости» [80].

Военная структура джасакств подразумевала деление на эскадроны-цзолин. По сведениям И.Бруннерта и В.Гагельстрома, цзолин состоял из 150 всадников[81]. Ту же цифру можно обнаружить в исследовании Н.Я.Бичурина[82]. 50 всадников эскадрона несли военную службу, остальные были вспомогательным отрядом. «Каждый эскадрон,- сообщал А.И.Чернышев,- организационно состоял из десятидворок во главе с десятником, или даругой»[83]. В «Мэн-гу-ю-муцзи» описано каждое знамя и определено число эскадронов в нем. По подсчетам А.И.Чернышева, произведенным по материалам «Мэн-гу-ю-му-цзи», вышло, что в 15 джасакствах волжских калмыков было примерно 100 эскадронов, то есть 15 тыс. всадников. Если же учесть, что каждая семья у кочевников, выставлявшая одного воина-всадника, насчитывала 5 человек, то все калмыцкое население джасакств должно составлять приблизительно 75 тыс. человек[84]. Если учесть, что более 100000 человек, как сообщается в «Истории калмыцких ханов», Убаши потерял во время перехода через казахские степи[85], 75000 человек добралось до Джунгарии, а Эркетеневский и Икицохуровский улусы и несколько мелких групп, отставших от основной массы, удалось вернуть на Волгу, то выходит, что в 1771 г. Россию покинули примерно 40000 калмыцких семей, или 200000 человек.

С прибытием в этот район 75 тыс. калмыков в империи Цин оказалось около 215 тыс.ойратов[86]. Такое количество сородичей нельзя было оставить в одном месте, поэтому в императорском указе 1771 г. предписывалось: «Торгоутам и чоросам, по закону, следует отвести места для жительства. Но дело в том, что с поселением их на илийском Шара-боро, как месте, лежащем вблизи западной границы, им будет легко бежать; места же в окрестности Урумци находятся в очень близком расстоянии от Хами и Баркуля. Поэтому я думаю поселить их по Иртышу, Боротала, Эмилю и в Чжайре (юго-западная часть Тарбагатая)». Вследствие этого распоряжения в 1772 г. Чжайр был отдан в кочевье

Убаши[87]. Как видим, калмыков собирались расселить в глубинных районах империи, чтобы исключить возможность побега и удалить от путей, ведущих в собственно китайские земли. В 1773 г. «старых» торгоутов Убаши и хошоутов перевели в удаленные от границ районы Восточного Туркестана с мусульманским населением к северо-западу от Карашара вдоль Большого и Малого Юлдуза и через Тянь-Шань до Урумчи[88]. Возможно, эта мера объясняется попыткой калмыков вернуться в Россию. Так, старшина Мамбет Батырь в 1772 г. докладывал генералу Скалону в Усть-Каменогорскую крепость, что Убаши, его жена, Бамбар и прочие владельцы бежали к казахам Среднего жуза[89]. Бежавший из Китая П. Магмаев на допросе 29 октября 1774 г. показал, что калмыки были поселены китайцами сначала на р. Или, а затем »через два года (в 1773 г. – Е.Д.) весь их кош, кроме Убаши, согласились к побегу обратно в Россию, и про то уведавши Убуша и китайцы, тогда же лутчие люди при нем Убуше отосланы внутрь границы при урочище Зултус в расстоянии от Или реки 41 день езды, а протчие скудыня (простолюдины – Е.Д.) оставшиеся от Убуши калмыки, коих было мужска, женска больших и малых до 2 тысяч разделены по рукам китайцев»[90]. Военный губернатор Или Шухэдэ в 1773 г. докладывал императору Цяньлуну, что «по сообщению торгоута Нулубу, четыре зайсанга, находящиеся под началом Убаши, [среди которых был] Балэдан и трое других, в шестом-седьмом месяце (конец июня,июль-начало августа 1772 г. – Е.Д.) тайно обсуждали вопрос о том, каким образом, возглавив своих подданных, вернуться в Россию. Тогда же он [Нулубу] тайно направил письмо Илэту (бывшему губернатору Или – Е.Д.), чтобы последний сразу же довел до сведения Убаши, что [Убаши] должен занятся этим делом… Были сообщены обстоятельства бегства Балэдана и других… Балэдан сейчас находится в казахском роду Шибо, что кочует в [местности] Баэрлукэ. Они обсуждают вопрос о том, что Шибо обещал помочь ему лошадьми». 12 марта 1773 г. император приказал сановникам Цзюньцзичу (Государственного совета – Е.Д.) в связи с намерением калмыков вернуться в Россию усилить караульные посты, расположенные «вдоль дорог в приграничной с Россией полосе, чтобы они строго охраняли границы и не допускали ни малейшего послабления»[91].

В китайском источнике «Сичуй цзунтун шилюэ» («Общее обозрение западных границ») сообщается, что калмыки были расселены в следующем порядке: «/Их/ кочевья располагались всего в 5 местах: часть их, а именно торгоуты хана Убаши и хошоуты бэйлэ Гунгэ, были расселены по землям Юлдуза и Карашара. /Они/ кочевали на юго-восток до /города/ Карашара, на северо-запад от Налатэдабахань в Или, на северо-восток от гор к югу от Урумчи, на юго-запад до Аксу и Кучи. Другая их часть, а именно торгоуты бэйлэ Момэньту, были расселены на землях на востоке Или по реке Цзинхэ. На востоке /они/

кочевали до города Цзинхэ, на юге – до северного склона гор Вэйчан и Хэши в Или, на северо-западе – до кочевий Илийских чахаров. Третья их часть, а именно торгоуты цзюнь-вана Бамубара, были расселены на землях Цзиэрхэлан в Кур-Караусу. На востоке /они/ кочевали до Манаса, а именно до соприкосновения с западной границей Суйлай. На севере – до границ Шарабулака в Тарбагатае, на юге – до реки Катунь, на западе – до военных почтовых станций (цзюнъ тай) Тодок. Четвертая их часть, а именно торгоуты цинь-вана Цэбэк-Дорджи, были расселены на землях Хэбокэсали в Тарбагатае. На юго-западе они кочевали до границ Чахаров и Элютов тех мест. На северо-западе дограниц с казахами, на юго-востоке – до гор Хуаншань в Гоби, на северо-востоке – до озера Хэчжэлэбаши и до Кобдоского Урянхая. Эти четыре кочевья старых торгоутов и хошоутов подчинялись главному управлению илийского цзян-цзюня. Кочевья новых торгоутов в Кобдоском Алтае находились под управлением кобдоского цаньцзинь дачэня. Помимо этого, было 14 джасакств хань-вана, бэйлэ, байцзи, гунов и тайджи племени дэрбэтов, а также два джасакства хойтов. Тайджи /этих 16 джасакств/ управлялись кобдоским /цаньцзань дачэнем/. И все это – остатки четырех ойратов»[92].

Основываясь на данных «Сичуй цзунтун шилюэ» и «Мэн-гу-ю-му-цзи», А.И.Чернышев провел собственные расчеты и вывел сводную таблицу численности ойратов в Синьцзяне и Кобдо:

Название племенных групп	Число знамен	Число эскадронов в знаменах	Население (тыс.)
"Старые" торгоуты группы Убаши в Юлдузе	4	54 (50+2+1+1)	40,5
"Старые" торгоуты в Кур-Караусу (Шихо)	2	7 (4+3)	5,25
"Старые" торгоуты в Цзинхэ	1	4	3,0
"Старые" торгоуты в Тарбагатае	3	14 (4+6+4)	10,5
Хошоуты в Юлдузе	3	11 (4+3+4)	8,25
"Новые" торгоуты	2	10 (2+8)	7,5
Итого:	15	100	75,0[93].

При расселении калмыков цинские власти старались изолировать их отдельные группы друг от друга. Здесь явно прослеживается политика разъединения кочевников, присущая маньчжурской дипломатии. Главный смысл этой политики заключался в том, чтобы во имя интересов империи не допускать объединения монголов и создания сильных централизованных государств, стремится к их ослаблению и раздроблению[94]. Н.Я.Бичурин отмечал, что цинское правитель-

ство стремилось не допустить объединения отдельных групп монголов, ибо «во время опасного потрясения в Китае, если как-либо один сейм получит перевес над протчими, то по нарушении равновесия вся Монголия будет в его руках. Вообразите от Желтого моря до Хухунора вдоль всей великой стены линию лучшей азиатской конницы, а вторую линию на север от Бойр-Нора до Или и Тарбагатая. Чего будет стоить всегдашняя предосторожность против толиких сил»[95].

В итоге, самая большая группа калмыков, «старые» торгоуты во главе с ханом Убаши (40,5 тыс. человек) расселилась на землях по Юлдузу (р. Хайдыккол с истоками Бага-Юлдуз и Их-Юлдуз) к западу от Карашара[96]. В этой местности они были окружены с севера, запада и юга хребтами Тянь-Шаня[97]. От Пекина их определяло расстояние в 8600 ли[98].

Две группы «старых» торгоутов, составлявших самостоятельные мэны (сеймы), оказались в Кур-Караусу (Шихо) (5,25 тыс. человек) и в Цзинхэ, на востоке по р. Или (3 тыс. человек). От торгоутов Убаши их отделяли хребты Боро-Хоро и Ирен-Хабирга[99].

Четвертая группа «старых» торгоутов численностью в 10, 5 тыс. человек была расположена в Хэбокэсали (Кобук-Сайр), в 60 ли к востоку от г.Тарбагатай (Чугучак)[100]. От торгоутов, проживающих в Кур-Караусу и Цзинхэ, их изолировали пески Дагеготын эмисун[101].

Как видим, китайцы, раздробив «старых» торгоутов на четыре группы, расселили их в географически изолированных друг от друга регионах.

Еще одна часть калмыков, хошоуты, образовавшая Батусэтхильтуский мэн, численностью в 8,25 тыс. человек была поселена по Юлдузу рядом со «старыми» торгоутами Убаши, отчего оказалась включенной в торгоутский аймак южного отдела Унэнсуцзуктуского сейма[102]. Группе Шеаренга (7,5 тыс. человек) пришлось осесть в районе Кобдо, включенном маньчжурами в административный район Внешней Монголии, поэтому от «старых» торгоутов их отделяли не только административные границы, но и географические – хребты Монгольского Алтая[103]. Мы составили сводную таблицу расселения калмыков в Синьцзяне (см. приложение № 2).

В результате пришедшие с Волги калмыки, до сих пор представлявшие единый союз под предводительством Убаши, были разделены на группы, разбросанные по всей территории Синьцзяна. Занимавшиеся отводом земель для кочевий волжских калмыков, илийский военный губернатор Шухэдэ и главнокомандующий войсками в этом районе Сэбдэн Балджур получили похвалу императора[104].

Руководство новыми подданными осуществлялось Лифанъюань, приравненной с 1638 г. по статусу к 6 министрам империи. «Лифанъюань, – сообщает

А.И.Чернышев, – занималась монголами империи, а также Тибетом и Восточным Туркестаном, управление которыми осуществлялось через командиров восьмизнаменных гарнизонов, контролирующих деятельность джасаков»[105].

Принципы жизнедеятельности кочевников по сути во всех сферах были зафиксированы в «Уложении Палаты внешних сношений», к 1815 г. включающем уже 526 статей. К примеру, запрещалось поддерживать связи и заключать браки между монголами и ханьцами, представителями различных племен, вести между ними торговлю, изучать китайскую письменность и пр.[106]

Таким образом, разъединив калмыков по джасакствам и мэнам, цинские власти разрушили их бывшее единство, привязав к определенным территориям, изолированным друг от друга. Следующим мероприятием правительства на пути закрепощения пришельцев являлась переработка внутреннего состава каждого сейма (мэна). Некоторые эскадроны были уничтожены и пошли на пополнение других, наиболее многолюдные дробились и образовывались новые. Той же участи подверглись и более крупные составные единицы деления кочевников-джасакства. С разрушением племенной организации исчезали старые традиции, рвались личные и имущественные связи, тесные отношения. Общность интересов вновь образованных единиц оказывалась искусственной[107].

Опасаясь, что административное разделение может вызвать недовольство калмыков, Цины ввели в Джунгарию большой контингент войск и установили здесь военный режим. Представители маньчжурской военщины и бюрократии заняли ключевые посты в местной администрации[108]. Главой администрации стал главнокомандующий цинских войск – цзянцзюнь, сосредоточивший в своих руках военно-административную власть над всем регионом[109]. Численность аппарата цзяньцзюня, под контролем которого оказались калмыки, доходила до 1400 человек. Эти органы власти учреждались «с тем, чтобы прямо или косвенно добиться повиновения и получить возможность неограниченной эксплуатации» населения Синьцзяна[110].

Для поддержания порядка в этом регионе Цины целенаправленно увеличивали численность присутствующих там войск. Воспользуемся вновь столь ценными для нас /ибо они проведены на основе китайский источников/ подсчетами А.И.Чернышева, чтобы проанализировать количественный рост имперских войск в Джунгарии. «Количество войск в регионе, – пишет этот автор, – неуклонно увеличивалось. Уже к 1769 г. их было около 30 тыс. человек. Из них 5,5 тыс.– маньчжурско-монгольских и более 18 тыс. – китайских. Маньчжурско-монгольские войска в основном были сосредоточены в пограничных районах Или и Тарбагатая, а китайские – в центре Джунгарии, в Урумчи /Дихуа/.

Цифры свидетельствуют о том, что в 1769 г. цинскому правительству стало известно о намерении волжских калмыков вернуться в Джунгарию. Поэтому

контингент маньчжурских войск в Или тут же был значительно увеличен: с 4250 чел. в 1769 г. до 6328 – в 1770 г. Эта численность войск оставалась неизменной и в последующие годы. В других же районах Джунгарии в 1770 г. изменения контингента маньчжурских войск не произошло. Однако уже на следующий год после прихода волжских калмыков резко возросло число маньчжурских войск в центре Джунгарии (Урумчи) – с 200 чел. в 1771 г. до 3334 – в 1772 г. А в 1773 г. в районе Баркуля, т.е. на границе Джунгарии с Халха-Монголией, где раньше вообще не было маньчжурских войск, а стояли только китайские, был расположен двухтысячный маньчжурский гарнизон.

Таким образом, в связи с возвращением волжских калмыков и их расселением в Джунгарии, цинское правительство направило сюда дополнительно более 7 тыс. чел. маньчжурских войск, и их общая численность достигла 12 854 чел. В целом количество войск империи Цин в Джунгарии возросло с 30 тыс. в 1769 г. до 43 тыс. в 1780 г.»[111]

Каково же было процентное соотношение военного и гражданского населения Джунгарии? Воспользуемся таблицей «Структура и численность населения Джунгарии в 1780 г.», которую составил А.И. Чернышев:

Район	Группы населения				Всего населения в районе
	войска с семьями	китайские переселенцы	ойраты	туркестанцы	
Юлдуз	1800	-	48750	-	50550
Или	85000	500	11500	21000	118000
Тарбагатай	15500	-	26000	-	41500
Кур-Караусу	3500	-	5000	-	8500
Урумчи	85000	62500	-	-	147500
Баркуль	29000	10000	-	-	39000
Итого:	219800	73000	91250	21000	405050 [112]

Как видно, 54 % всего населения Джунгарии составляли войска с семьями. Содержание военных гарнизонов было обязанностью местного населения. Каждый земледелец-крестьянин кормил своим трудом трех солдат из расположенных здесь цинских войск[113]. Образование мелкого частного землевладения в Илийском крае Л.И.Думан отнес к 1772 г. (37-му году правления императора Цяньлуна): «В 37-м году правления императора Цяньлуна (1772 г.) разрешено было по представлении доклада командующего войсками (цзянцзюня) Шухэдэ, передать (распределить) вновь прибывшим жителям. Чжуан Ши фу и другим в количестве 48 семей, пожелавшим войти в состав поселенцев, обраба-

тывающим землю, по 30 му земли на семью) и выдать из казны заимообразно скот для обработки земли и продовольствие[114]. Возвратившийся в Россию М.Абдулов показывал, что прибывших в Китай калмыков императорским указом стали, «разделя по частям, употреблять к хлебопашеству, к чему для приобучения за всеми калмыками в окружности содержитца китайское войско». «Подлые ж калмыки,- продолжал М.Абдулов,- разделены на разные части семей по сто, и находятца одна партия от другой между гор разстоянием верховой езды дней семь и более, и при каждом сте семьях, как выше значит, для приобучения их к хлебопашеству придано по повелению от китайского двора по семь человек»[115]. Другой беглец, Е.Эджилев также говорил, что «велено калмыкам питать и содержать себя уже своими трудами, как и завели с приобучением от китайцев хлебопашество»[116]. Для снабжения армии и содержания цинского военно-бюрократического аппарата в Синьцзяне завели казенное коневодство и скотоводство. Пасли коней и скота чахары и калмыки[117].

Некитайские народы Синьцзяна испытывали двойной гнет: собственных феодалов и маньчжурско-китайских владык. Они привлекались к выполнению различного рода повинностей, например, строительству дорог, крепостей и пр.[118] Переводчик М.Арапов в 1764 г., когда количество маньчжурских войск в Джунгарии было еще не столь велико, писал: «городков Малой Бухарии народ от тех китайских войск несносное притеснение чувствует от податей, взыскиваемых с них теми войсками, а наипаче ныне от переселения с настоящих их мест внутрь китайской линии (в Джунгарию – Е.Д.)»[119]. Жестокий военный режим цинского правительства в Синьцзяне имел следствием постоянные волнения местных некитайских народов. Еще до прихода калмыков вспыхнули восстания уйгурского населения в Кашкарском округе в 1760 г. и в г. Уч-Турфане в 1765 г., зверски подавленные по личному распоряжению императора Цяньлуна[120]. Калмыки, оказавшись в Китае, вскоре испытали на себе все «прелести» цинских порядков. Шаг за шагом их кочевья захватывались китайскими землевладельцами. Беднейшие калмыки, которым пришлось непривычными руками рыться в земле, роптали и негодовали «на наместника Убаши и владельцев, что они безрассудным своим поведением и побегом из России природнаго своего и всеми доволствиями изобилующаго места, как себя, так и их до крайней гибели довели, отчаеваясь совсем в тамошней стороне сыскать такого, как здесь (в России – Е.Д.) было благоденствия и спокойной жизни»[121]. Очевидцы утверждали, что калмыки страдают в Китае. Если в пути они горячо говорили, что, достигнув Джунгарии, «вскоре не оставят российским людям делать злодейства и производить войски на ближайшие к ним по реке Иртышу места, а буде можно для забрания оставших при Волге калмык в здешнюю сторону способ искать будут», то теперь многие готовы были возвратиться к приволью волжских степей[119].

С 1772 г. начались побеги калмыков в крепости Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую и другие, откуда их переправляли на Волгу. Бежавший из Китая Б.Кошкаров в 1774 г. показывал, что «он, Кошкаров, обще с калмыками 5 человеками, будучи там збираясь в одно уединенное место, неоднократно имели с сожалением разговоры, как лишились изобильных в России мест, подданства всероссийского»[123]. К.Казанбаев, башкирский старшина, посещавший в 1772 г. султана Аблая, сообщал, что калмыки «в предварении всяких их покушений по малым частям разделены и в тех местах поселены, кои прежде калмыкам принадлежали и тем удалили их от охоты, которую они пришед в раскаяние крайне имели опять в Россию возвратиться. И так теперь весьма кленут возмутителей своих владельцов»[124].

Многие из владельцев не перенесли тягот долгого перехода в Джунгарию и строгости цинских властей. Упоминавшийся М.Абдулов говорил на допросе, что «из знатных же как на пути, так и по приходе в китайскую сторону померли мачиха наместникова ханша Церен Джал (Найджитун – Е.Д.) и жена ево наместникова Манидара, из владельцов Бамбаров брат Ондон, большей сын ево ж Церен Делек, наместников тесть Еремпель, Моомоту-Убаша, Биорио Хашка, зенгорской Уранхай, из зайсангов наместниковых Даши-Дондук и сын ево Иван Бушкар, Ебгай Намсин, сын Цекебей, да лама Лозон Джалчин»[125]. В 1774 г. умерли Бамбар и Убаши, который после смерти жены и детей находился «при китайском дворе»[126] .

По мнению М.Г.Новолетова, «если бы не строгость китайцев, которые казнили пойманных и не трудный переход чрез кочевья киргиз то нет сомнения, весь народ двинулся бы в Россию»[127]. Омский купец З.Пеньковский сообщал, что от двух калмыков, бежавших из Китая к Вали-хану (султану Среднего жуза, сыну Аблая – Е.Д.), узнал, «што калмыки от китайцов частыя побеги делают человек по пяти и по три в Россию, однако ж задерживаются киргизами»[128]. Волнения калмыков продолжались долго. Командующий Отдельным сибирским корпусом генерал-майор А.М.Лавров сообщал в Петербург, что калмыки разочарованы условиями жизни в Цинской империи, не имеют выгод от внутренней и внешней торговли, не питают доверия к маньчжурам[129].

Правительсто России тем временем обратилось к императору Цяньлуну с просьбой возвратить калмыков, которые являются российскими подданными. Иркутскому губернатору Брилю Екатерина II весной 1772 г. указом предписала «всех волжских калмыков, ушедших из России, при появлении их на границе явным образом принимать»[130].

В инструкции Пекина, направленной в Ургу, пограничным правителям сообщалось о возвращении калмыков и послании России, рекомендовалось не вступать в переговоры с русскими по этому вопросу, предлагать последним обра-

щаться в Палату внешних сношений. Цины придавали перекочевке калмыков такое большое значение, что даже готовы были прекратить торговлю и воевать с русскими, если они пошлют войска на границу. В письме было приказано усилить охрану границы, послать на русскую территорию разведчиков с целью выяснить намерения России по отношению к калмыкам.

Разведчики Ли Бо, Гуржав, Цэвэнжав, Жанчив как политические и торговые представители Китая посещали в 1771-1773 гг. Россию. Им запретили говорить о судьбе калмыков в составе Цинской импераа. Поэтому Му Гуржав, отвечая на вопрос русских о калмыках, сделал вид, что не понимает о ком идет речь:» страна наша великая, проживает здесь много народу. О торгутах я не слыхал. Ведь они – подданные России. Зачем же торгуты придут к нам»[131].

В 1790 г. часть торгоутов обратилась к корпусному командиру Сибирской линии генералу от инфантерии Штрандману с просьбой содействовать их возвращению в Россию. Он рапортовал в столицу и получил в начале 1791 г. указание Екатерины II твердо удостовериться в намерениях калмыков. В двух посланиях императрицы Штрандману изложена позиция России по калмыцкому вопросу. « Китайцы, – писала Екатерина II, – не только не затруднились принять их [калмыков], но и в выдаче отказали», поэтому нужно способствовать возвращению калмыков, а после того, как они перейдут границу, взять их воинской командой под защиту. Императрица рекомендовала действовать осторожно, не допустить «неприязненных действий против китайцев», но дать отпор им в случае нападения на русский отряд или нарушения границы[132].

Императрица интересовалась, найдется ли для переселенцев место в Иркутской и Колыванской губерниях. Получив утвердительный ответ, Екатерина II новым указом предписала поселить на первых порах в Колыванской губернии бежавших калмыков, «которых китайское правительство отказалось выдать»[133].

Штрандман писал, что несколько калмыков во главе с Габуном по приглашению русских побывали в Омской крепости. Маньчжуры, узнавшие о намерении калмыков вернуться в Россию, задержали их на границе и казнили[134]. В «Новой истории Китая» сообщается, что в 1791 г. из России в Китай бежал калмыцкий лама Габун (Са Май-Лин), который распустил слух о подготовке русских к войне с Цинской империей. Он ссылался на письмо на русском языке, якобы адресованное калмыкам, бежавшим с Волги в Джунгарию[135].

Согласно китайскому источнику, калмыцкий лама Самайрун в 1719 г. в качестве разведчика ездил через казахские степи до Омска и Томска и, вернувшись через Кяхту, доложил, что готовых войск у русских нет, а имеются лишь небольшие воинские части. Другой маньчжурский документ свидетельствует, что по поручению торгутского джинона Цэрэн-Убаши Габун спешил в Пекин для вручения письма и подарков. Русские задержали Габуна и доставили в Омск,

где ему сообщили, что торгуты возвращаются в Россию, а 60-тыс. русская армия вскоре направится к ним для оказания помощи[136].

По словам Ш.Б. Чимитдоржиева, в письме русских властей торгоутам, находящимся в местности Кубак-Сари (1790 г.), говорилось, что торгоуты родились в России, где по берегам Волги, большой и красивой реки, кочует 70 тыс. калмыцких семей, семь поколений торгоутов являются российскими подданными. Если они намерены вернуться обратно в течение 6 месяцев, то русские власти окажут им помощь: одна группа русской армии пойдет по Черному Иртышу в Кобдо, другая – в Тарбагатай[137].

Приказав доставить ламу в Пекин, Цяньлун поручил Лифаньюаню сделать запрос русскому правительству. Сенат опроверг слухи о войне, доказав, что письмо является фальшивкой, и предложил урегулировать пограничные споры. 8 февраля 1792 г. после длительных переговоров было подписано соглашение, в котором обе стороны подтвердили намерение соблюдать Кяхтинский договор (27.10.1727, устанавливал русско-китайскую границу и условия русско-китайской торговли и мирного урегулирования местных пограничных споров-Е.Д.). Документ, получивший название «Международный акт», установил новый порядок наказания нарушителей пограничного режима: каждая сторона получала право судить своих подданных на основании своих законов[138].

Русское правительство, стремясь к развитию торговли с Китаем, не желало обострять отношений с ним из-за калмыков. В то же время оно не отказывалось от намерения расселить их в Южной Сибири в случае добровольного возвращения из Джунгарии. Руководство МИД потребовало от А.М. Лаврова сообщить о том, какие средства «были употреблены разными начальниками к привлечению калмыков на нашу сторону, о количестве калмыцких кибиток, изъявивших желание вернуться обратно в Россию»[139]. Павел I предписывал Штрандману: «Производство кяхтинского торгу, приносящего пользу государству, заслуживает уважение, что все способы употреблять должно, дабы не подать поводу Китайского правительства прервать ее. С другой стороны, важно и возвращение в Россию волжских калмыков ... потому и повелеваю Вам так распорядить меры и действия Ваши, чтобы и первой сохраняем и последнее достижено быть могло. Объявить тем представителям калмыцкого народа, которые являться будут, что положение наше с Китайским двором не позволяет нам подать им какую-либо явную помощь до тех пор, пока они в границах китайских находиться будут, но когда выйдут из них в нашу сторону и сами собою намеренное предприятие исполнят, так ничто не воспрепятствует нам оказать помощь им»[140]. В 1808 г. граф Н.П. Руменцев от имени правительста Александра I направил и.о. командующего Отдельным сибирским корпусом генерал-майору Скалону аналогичные инструкции по калмыцкому вопросу.

Несмотря на то, что с конца XVIII в.передвижение местного населения в Синьцзяне было ограничено[141], калмыки предпринимали попытки вернуться в Россию. Киргизский старшина К.Малитов в 1805 г. доносил русским, что 200 китайцев намерены арестовать торгоутских зайсангов, построивших 60 лодок для переправы через Иртыш, чтобы бежать в Россию. Киргиз А.Джоменев в 1806 г. сообщал, что торгоуты, кочующие выше озера Зайсан в 1805 г. обратились к соплеменникам, проживающим во внутренних районах Синьцзяна, с призывом возвратиться на Волгу. Цины перехватили письмо торгоутов и казнили более 100 зайсангов, а остальных переселили подальше от границы «на горячую степь». В 1808 г. около 3 тыс. калмыцких семей, продав киргизам мелкий скот, ожидало весны, чтобы бежать в Россию. В 1819 г. киргизский султан К.Шамиязов после преговоров с ротмистром Бухтарминской крепости Вершининым согласился «открыть ворота» при бегстве торгоутов из Китая[142]. Однако окруженные китайскими караулами и разделенные между собой значительным пространством, калмыки потеряли всякую возможность выполнить свое намерение.

Торгово-экономические связи Джунгарии с сопредельными государствами всячески ограничивались Цинами, что влекло за собой хозяйственный застой и культурную отсталость местного населения[143]. В течение 30 с лишним лет со времени создания Синьцзяна существовал запрет на ввоз сюда металлических изделий из Китая. Он был отменен только тогда, когда в Джунгарии, где осваивались новые земли, цены на такие товары сильно возросли. По мнению В.С.Кузнецова, это ограничение было вызвано опасениями маньжчуров, что металл мог пойти на изготовление оружия[144]. Для обеспечения подобных запретов на ввоз запрещенных товаров в Синьцзян практиковались меры полицейского надзора. Синьцзян был закрыт для русских купцов. Запрещая торговлю с Россией, Цинское правительство руководствовалось политическими мотивами. Россия продвигала Иртышскую линию крепостей до Бустармы, а от нее построила укрепленную линию к Бийску и Кузнецку. Населению Синьцзяна, в том числе и калмыкам, запрещалось вступать в контакт с русскими купцами. «Джунгария, – считал Л.И.Думан – была превращена в военную колонию»[145]. Завоевав и наводнив ее войсками, маньчжуры преследовали политическую цель: ликвидацию на северо-западных границах империи государства ойратов, создание для них условий, при которых исключалась возможность возрождения их государственности[146]. Осознав стратегию Цинов, понимаешь, почему уничтожив джунгар в 1758-1759 гг., они приняли в 1771 г. волжских калмыков. Достигшие Китая в 1771 г. 75 тыс. волжских калмыков во главе с Убаши, хотя и претерпели тяжелейшие испытания в пути, все же были независимы, едины, мобильны и претендовали на джунгарские земли, где надеялись возродить

суверенное государство. Предоставив пришельцам пустующие территории, Цины ликвидировали опасность вторжения в эти районы соседних народов. Поставленные под жесткий контроль калмыки оказались в удаленных от собственно Китая местах[147]. Сломав все основные устои государственной организации ойратов, маньчжуры навязали им формы военной организации общества, установили военный режим.

Разобщенные, рассеянные по разным районам Синьцзяна калмыки потеряли последние остатки независимости. Политика цинского правительства, направленная на полное закрепощение пришельцев, увенчалась успехом. Прослуживший несколько лет в Монголии и Западном Китае сотрудник русской консульской службы Б.В.Долбежев наблюдал следующую картину: «... вместо огромной, сплошной орды, которую еще не так давно, пользуясь бедственным ее положением, оно имело возмоность в лучшем случае ограбить и рассеять, если бы не нашло нужным, из государственных соображений, сберечь ее, и которая, сохраняя свою целостность, впоследствии всегда могла бы причинить ему массу хлопот и вызвать самые тяжелые осложнения в жизни Синцзянга, китайское правительство имело теперь перед собой ряд хотя и полунезависимых, но зато разобщенных территориально и политически мелких сеймов, искусно ослабленных и дезорганизованных и, благодаря этому, представлявших из себя величины политически ничтожные». Недаром, оценивая результаты своего рискованного шага, калмыки говорили: «Были у нас путы веревочные, мы поменяли их на железные»[148].

Б.В.Долбежев подробно передает легенду, сложенную калмыками в Китае, о богатыре Джаве. Джава-батыр был героем обратного перехода калмыков в Джунгарию. В решающем бою с казахами, преградившими калмыкам путь, он «покрыл себя неувядаемой славой». Хан обещал Джаве за его услуги простить двенадцать проступков, совершенных богатырем за время похода до оз. Балхаш. Но, когда опасность миновала, и калмыки устроились в Джунгарии, хан позабыл об услугах Джавы. Вместе с другими князьями он был поглощен стремлением приблизиться к «Пекинскому Двору». Желая отделаться от богатыря, хан поставил ему в вину ранее прощенные двенадцать проступков и отдал приказ о передаче Джавы как опасного преступника в руки китайцев. Но батыр в первую же ночь бежал из тюрьмы и явился в дом к хану. Подойдя к его постели, Джава обратился к нему со словами: «Поверни ко мне свое лицо, я пришел посмотреть на тебя в последний раз. Ухожу от тебя, ты противен мне! Ты забыл, как я спасал тебя от киргизов, а теперь хочешь отдать меня китайцам? Как ты предал меня, так продашь и весь народ!». Хан притворился спящим. Тогда Джава взял ружье хана, которое называлось «иджилийн-бу» (волжское

ружье), оставив свое короткое ружье «тог-бу», и в ту же ночь вместе с братом бежал в Россию[149].

Синьцзянские калмыки до сих пор хранят песню, которую якобы пел Джава-батыр, покидая Китай. В ней звучит тоска о покинутой Родине, ностальгия по прошлому, которого не вернуть:

Неужели воды Волги и Яика

Оказались кислыми, что ты откочевал?

Неужели воды Или и Текеса

Показались сладкими, что ты прикочевал?

Нашел же ты всего лишь

Скалы да камни! (Намек на некоторые бесплодные местности в отведенных калмыкам для кочевий горах, в частности на каменистое ущелье р. Хабчик).

Рвался же ты всего лишь

К перьям и шарикам. (Перья и шарики украшали китайские чиновничьи шапки)

То, чего так страстно домогались,

Были (два) курма и кань. (Китайская верхняя одежда – куртка, халат и китайская лежанка с печью)[150].

Народное сознание вложило в уста любимого героя слова, проникнутые горькой иронией, которые характеризуют итоги трагического перехода калмыков с Волги в Джунгарию.

Посетивший Китай в 1876-1877 гг. сотрудник Русского географического общества Г.Н.Потанин обнаружил, что спустя 105 лет после возвращения калмыков в Джунгарию их потомки живут на южном склоне Тарбагатая. Их называют цохур-торгоуты. Ими управляют три князя, старшего из которых торгоуты и киргизы зовут Он, а другие носят собственные имена: Матен и Аредын. Тарбагатайские торгоуты делятся на кости: «Мэркит, Намдякин, Халгур, Шимнэр, или Шибнэр, Барун, Бозун, Хошуун, Икизюнь». В 1873 г., когда на них напали алтайские киреи, переправившись через Черный Иртыш, в числе 1000 человек, многие были убиты, а 100 женщин и девушек уведены в плен. Однако торгоутский князь бездействовал, так как без разрешения пекинских властей не мог начать военные действия. В ответ на жалобы главы торгоутов богдыхан прислал на почтовый тракт, который они обязаны были содержать, 500 кобыл с жеребятами и 500 коней[151]. Г.Е.Грумм-Гржимайло, возглавлявший экспедицию Русского географического общества в Центральную Азию в 1889-1890 гг., наблюдал потомков волжских калмыков, проживающих в Тяньшанских горах к западу от Урумчи: «…и страшная духота, и пыль, и до омерзения грязная и теплая вода, и даже все эти окрестности – степь с барханами песку и с ее серо-

зеленой растительностью» вполне гармонировали с торгоутами, такими же худыми, как и их скот, « неизвестно чем здесь питающийся и как выносящий и подчас нестерпимый здесь зной и бездну докучливых мух». С этой убогой обителью, отметил путешественник, контрастировали лишь небольшие запашки яркозеленой пшеницы. Калмыки отказались содействовать экспедиции, объявив Г.Е.Грумм-Гржимайло, что он явился без разрешения илийского цзянь-цзюня и торгоутовского хана[152]. Сообщения Г.Н.Потанина и Г.Е.Грумм-Гржимайло свидетельствуют, что калмыки, вошедшие в состав Цинской империи в 1771 г., вскоре утратили независимость и растворились в общей массе некитайского населения.

Таким образом, уход части калмыков из России в Китай в 1771 г. имел ряд важных следствий. Во-первых, из примерно 40000 калмыцких семей, ушедших с Убаши, только половина добралась до Джунгарии. Во-вторых, вновь прибывшие калмыки были поселены на территории Синьцзяна, искусственно созданной административной единицы, куда вошли захваченые маньчжурами земли Джунгарского ханства и Восточного Туркестана, весьма различные по природно-климатическим условиям, занятиям, этнической и религиозной принадлежности их населения. В-третьих, на новом месте калмыки оказались в меньшинстве, в условиях иноэтнического окружения. Они были территориально разобщены, что могло привести к этнической дезинтеграции в будущем. В-четвертых, щедро одарив поначалу титулами и подарками калмыцкую знать цинские власти в дальнейшем сократили их права, власть, привилегии. Надежды калмыков восстановить свою государственность в джунгарских пределах не оправдались.

2. ПОЛОЖЕНИЕ ВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ ПОСЛЕ УХОДА ИХ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ В КИТАЙ

После ухода наместника Убаши в степях Нижней Волги остались дербетские улусы, кочевавшие в начале 1771 г. на правобережье. Они не смогли переправиться, так как «в том году лед шел по Волге три месяца и были постоянно дожди и ветра. В ночь на 10 января, Волга покрылась льдом; но 17 числа опять разошлась и только 27 числа замерзла, после чего вновь началась оттепель»[153]. Не пошел за наместником нойон Яндык со своими людьми, находившийся в ссоре с племянником, хотя Убаши и увел с собой его жену. Аналогичная причина удержала на Волге нойона Замьяна. Не смогли присоединиться к убегавшим калмыки, принимавшие участие в военных действиях в Крыму и на Северном Кавказе. Остались небольшие группы подвластных наместника, из-за бедности кочевавшие в Мочагах. А.Ф.Дондуков, «как уже принял христианство и был

полковник русской службы», кочевавший со своим улусом на левобережье, скрывался, не желая покидать родину. С Яика возвратились добровольно Икицохуровский, в принудительном порядке – Эркетеневский улусы.

Уход части калмыков привел население края в состояние оцепенения: «никто не знал, куда двинулись калмыки, и все укрывались, где могли, ожидая новых нападений. Начальство не знало, что делать. Пути сообщения пресеклись, работы на ватагах и промыслах приостановились. Степь, занятая пред тем на огромное пространство, представляла опустошительную картину, с кучами хлама, разбросанного второпях, с стоящими отдельно пустыми кибитками, с детьми и больными, оставленными зимою на произвол судьбы, с блуждающим скотом»[154].

Возвратившись из Санкт-Петербурга, губернатор Н.А.Бекетов приступил «к возвращению порядка. Прежде всего он убедился, что, к возвращению их (калмыков – Е.Д.) не осталось ... по удалению их отсюда, никакого надежного способа»[155]. Определив количество калмыков, оставшихся после ухода владельцев (их оказалось 5007 кибиток), губернатор распорядился 14 февраля передать их Яндыку, А.Ф.Дондукову, Замьяну и Теке. Причем, последние получили предупреждение, что эти люди отданы им для присмотра до будущего решения правительства об их судьбе[156].

Затем Н.А.Бекетов разработал и подал 17 февраля 1771 г. доклад на имя Екатерины II о мерах, которые способствовали бы установлению порядка в калмыцких улусах. Он писал, что необходимо создать исполнительно-распорядительный орган, состав и функции которого определить съездом оставшихся владельцев. Губернатор предлагал разделить между оставшимися владельцами калмыков, «принадлежавших наместнику ханства и протчим бежавшим владельцам ..., но с тем, чтоб преимущественно награжден был Замьян, как отменно усердной». Всех татар и туркменов, находящихся ранее под управлением Убаши, он советовал приписать к «астраханским аульным татарам, с препоручением их надежному из астраханских же табунных голов». В заключение Н.А.Бекетов просил произвести «переводчика порутческого ранга А.П.Воронина коллежским ассером за оказанныя им услуги в открытии калмыцкого изменнического умысла»[157].

24 февраля на заседании Императорского совета в присутствии Екатерины II были зачитаны реляция оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа и рапорт генерал-майора И.К.Давыдова «О учиненных противу калмыков распоряжениях, о возвратившихся от них трухменцах, и удержанных от побегу калмыках с владельцем Асархою», после чего «рассуждаемо было послать рескрипты к оренбургскому и астраханскому губернаторам, к первому – чтоб он помянутых остановленных калмыков и возвратившихся трухменцев отправил к Волге и

удержал до времени владельца Асарху и зайсангов, а к другому – чтоб он тех калмыков и трухменцев перевел и поручил в смотрение кому-либо из оставшихся там владельцев, или же полковнику князю Алексею Дондукову»[158].

31 марта 1771 г. Н.А.Бекетов докладывал в Коллегию иностранных дел о «приводе к Волге удержанных от побегу калмыков и возвратившихся трухмецов, и что оставшиеся калмыки и татары пребывают в непоколебимой верности»[159]. Его реляция была оглашена на заседании Императорского совета 12 мая, а 13 числа граф Н.И.Панин отвечал губернатору, что предложения Н.А.Бекетова рассмотрены и ожидается решение самой императрицы. Граф рекомендовал ему вести дела таким образом, чтобы оставшиеся владельцы «не сколько на свое, как на ваше разсмотрение положились, а в сем случае, по-здешнему разсуждению, может вашему превосходительству добрым помощником быть и полковник Алексей Дондуков, как по природе своей владелец калмыцкой, а по усердию и закону своему наш человек». Учитывая стремление последнего приобрести «тем или иным способом хотя не всех беглецов, но хотя некоторых из них», Н.А.Панин предлагал поручить князю «безприметное над протчими владельцами надзирание, а потом и явное, с учреждением его и главным над ними начальником»[160]. В письме также указывалось, что распределив оставшихся от ушедших нойонов людей между владельцами, губернатор или князь А.Ф.Дондуков старались наблюдать, «чтоб с них оныя владельцы не больше собирали, как сколько по их законам от подвластного установлено и издревле в обыкновении, и потому сии люди напрасно по их прихотям изнуряемы не были»[161].

Между тем, Н.А.Бекетов, не дожидаясь правительственных распоряжений, наводил порядок в губернии. 2 марта 1771 г. он отстранил от должности и отправил в Иностранную коллегию полковника И.А.Кишенского, прозвав его Иудой, потерявшим разум вследствие сребролюбия[162]. «Калмыцкие дела», возглавляемые полковником, были ликвидированы, а делопроизводство передано в образованную при Астраханской губернской канцелярии Калмыцкую экспедицию. Все улусы, кочевавшие на луговой стороне, по приказу губернатора были переведены на правобережье. На левой стороне остался лишь дербетский улус, который, по замыслам Н.А.Бекетова, должен был служить гарантом безопасности низовьев Волги от возможных нападений казахов. В улусах приступили к переписи оставшихся калмыков с тем, чтобы впоследствии распределить их по владельцам[163].

Затем губернатор назначил «над владельцами ... главным начальником» князя А.Ф.Дондукова, правда, дербетские улусы были выведены из-под его управления и подчинены непосредственно Н.А.Бекетову. Это назначение вызвало крайне негативную реакцию со стороны нойона Яндыка, который, очевидно, решил,

что за этим последует крещение всех оставшихся калмыков. Ученик калмыцкого языка М.Лепехин 9 октября 1771 г. доносил Н.А.Бекетову из улуса Яндыка: «... как владелец, так и подвластные ево за великое неудовольствие признают, так что уже они и калмыцкого звания лишены»[164].

Яндык отправил губернатору несколько писем, в которых выразил «прискорбность» по поводу определения над калмыками, «имея к тому принадлежащего человека ..., не принадлежащего». Считая себя более достойным кандидатом, Яндык подчеркивал: «А что вы изволите наупомянуть, что он, князь, фамилии ханской, оное хотя правда, но и я тож фамилии не незнатной»[165].

Поведение Яндыка тревожило Н.А.Бекетова. Еще 22 августа 1771 г. он получил сообщение М.Лепехина, что «неоднократно как владелец Яндык, так и подвластные ево проговаривали мне, что так долговремянно от ея императорского величества нет повеления, на каком основании оставшим от побегу калмыкам находится, наупоминая при том, что хотя и известно им поселение о распоряжении их на каком основании находится будут, но оное примечают за ложное»[166]. Позже, когда поползли слухи о готовящемся побеге оставшихся калмыков, М.Лепехин рапортовал в Астраханскую губернскую канцелярию, что «Владелец Яндык якобы приказывал тем людям, которые делают луки и стрелы, чтоб они поблизости ево, владелца, кочевали, а подвластные б ево у тех мастеровых людей поправляли свои луки и стрелы»[167].

Рассерженный упрямством Яндыка Н.А.Бекетов 12 октября 1771 г. писал ему: «С крайним удивлением усмотрел я ис писма вашего, что вы, получа от меня уведомление о учреждени главным над калмыцкими владельцами начальником господина полковника князя Дондукова ... оказались тем недовольным ... ни к чему больше приписать сие не нахожу, как неразсудку вашему, что вы не могли довольно понять содержания моего письма, в котором пространно вам дано знать, яко он, Дондуков, ни в другом каком разуме начальником над калмыцкими владельцами учрежден, как по той причине, что я, по возложенной на меня губернаторской должности, один толь пространного по калмыцкой комиссии дела во всех ево частях обнять не могу, будучи обременен и бес того протчими нужнейшими делами»[168].Губернатор прямо заявил Яндыку, что должность Дондукова «состоит том, чтоб исполнение по калмыцким делам чинить ему единственно по моим повелениям, сходственно с высочайшею ея императорского величества волею, а бес того он сам собою ничего предпринимать и делать не может», а поручено «начальство», над калмыками князю потому, что он «из природы ханской и по нынешнему ево характеру отличную от вас честь имеет, да и правы ваши калмыцкие, а равно российские доволно знает»[169].

Чтобы успокоить обидившегося владельца, губернатор отправил к нему с разъяснениями переводчика А.П.Воронина. Прибыв в дом Яндыка, «состоящей вниз от Астрахани по Кизлярской дороге верстах в тритцати», переводчик застал нойона больным. Яндык заявил, что он Дондукова «главным над собою начальником иметь не желает, почитая себя пред ним старшим, а при том и под ево разсмотрением в крепости Енотаевской в разбирательстве судных дел» оказывал неудовольствие. А.П.Воронину пришлось приложить максимум усилий, чтобы привести Яндыка «на желаемые мысли». В рапорте от 14 октября 1771 г. Н.А.Бекетову переводчик отмечал, что Яндык обещал подчиниться при условии, если князь Дондуков не сможет «самовластно..., никуда не представляя собою решить» калмыцкие дела[170].

Летом Н.А.Бекетов получил информацию о готовящемся побеге оставшихся калмыков. Капитан Шапкин доносил, что известился 13 июня 1771 г. от Мухур Чюрюма о намерении некоторых дербетских калмыков «бежать за наместником»[171]. Затем до губернатора дошли слухи, что инициаторами подготавливаемого побега помимо нойонов, зайсангов и духовенства дербетских улусов, являются также светские и церковные феодалы Эркетеневского улуса. Н.А.Бекетов командировал владельцев Асархо, Маши, Замьяна, Баахан Гелюнга, Цебек-Убаши и многих зайсангов обоих улусов в отряд под началом полковника А.Ф.Дондукова для совместных действий с русскими войсками против кубанских татар. Но если в Эркетеневском улусе после этого стало спокойнее, то обстановка в дербетских улусах вызывала тревогу губернатора. Находившийся в улусе капитан Шапкин сообщал Н.А.Бекетову 16 июля 1771 г., что у владелицы Абы «в кибитке 13-го числа был собран совет, а на 14-е число ночью секретно писали письмо к владельцу Цебек Убаше», который находился с отрядом на Кубани[172]. На совете было принято решение удалиться вслед за Убаши. Осведомитель Шапкина, калмык Талба, говорил, что «дербетев улус точно намерен бежать за изменниками калмыками», причем намерение это «имелось еще с прошлаго года, когда к ним присылан был посланец от владельца Кирипа, которой владелеце Абе зять, со объявлением, что весь калмыцкой народ намерение принял бежать из протекции российской, но тогда де им уйти по притчине, что река Волга льдом не покрылась, и что дербетев улус переведен, скоро внутрь линии, не удалось». Шапкин писал губернатору, что хотя Талба был «состояния не трезваго, но как он сын того, которой воспитал владелицу Абу, и живет почти всегда у нее в кибитке, то ему можно против протчих более слышеть»[173].

Вскоре переводчик А.П.Воронин передал губернатору письмо астраханского татарина Абдуллы к армянину Степану Шейнову, у которого он служил приказчиком. Абдулла собщал, что, «слыша в Дербетевом улусе разные многие

вести, в крайней опасности находится, и, не хотя лишиться своей жизни, намерен ехать в Астрахань»[174]. Кроме того, в Калмыцкую экспедицию стали поступать слухи, что калмыки «стараются, которым бы и не весьма нужно великою ценою покупать у трухменцов верблюдов, а свой нужнейший скот, яко то сужеребых верблюдов променивают на холостых» (холостые верблюды к дальнему походу способнее)[175].

Располагая новыми сведениями о подготовке ухода, Н.А.Бекетов не мог предпринять действенных мер, не имея на руках правительственных распоряжений по поводу дальнейшего положения калмыцкого народа. Поэтому он решил поручить наблюдение за Эркетеневским улусом нойону Замьяну, учитывая усердие последнего «к российской стороне». В письме от 28 июля 1771 г. губернатор сообщал Замьяну, что распорядился «Эркетенев улус до совершаннаго о всех калмыках распределения ради добраго над ним смотрения препоручить вам, для того, что вы, как я уповаю, можете более других приметить кроющиеся иногда в них худые и противные мысли, как и отвратить приличным для вас и для них образом почтитесь»[176]. Узнав о распоряжении Н.А.Бекетова, нойон Асархо «оказал в том свою прискорбность, изъясняя яко издревле хошоуты торгоутами не командовали»[177]. Приняв во внимание неспокойное положение в улусе и настойчивые просьбы Асархо, губернатор изменил свое прежнее распоряжение и оставил улус «при Асархе». Однако позже Эркетеневский улус, который всегда находился под управлением калмыцких ханов и наместников, был передан «главному над калмыцкими владельцами начальнику» князю А.Дондукову[178].

19 октября 1771 г. Екатерина II подписала рескрипт, определивший дальнейшую судьбу калмыцкого народа, в соответствии с которым ликвидации подлежали звания ханов и наместников и само Калмыцкое ханство. Управление народом было передано в руки владельцев улусов с подчинением последних непосредственно астраханскому губернатору. Владельческие права над улусами переходили от отца к сыну, а в случае отсутствия прямого наследника улус поступал в казенное ведомство.

В функции владельцев входил лишь разбор частных дел внутри улуса. Рассмотрением судебных дел отныне должно было заниматься создаваемое в Астрахани «Общенародное калмыцкое правление», под которым подразумевалось Зарго. Однако функции и порядок выбора нового органа имели мало общего с Зарго 1762 г. «Правление» должно было состоять из трех судей, избираемых из зайсангов, по одному от торгоутов, дербетов и хошутов. В их обязанности входило выражение мнения по вопросам, присылаемым к ним для рассмотрения от губернатора или Калмыцкой экспедиции. При этом право окончательного решения по любому делу оставалось за астраханским губернатором[179].

Нововведением было то, что правительство предписывало в дальнейшем в судебной практике опираться на общероссийские, а не на калмыцкие законы 1640 г. В указе Н.А.Бекетову замечалось, что «стараться надобно, чтоб со временем калмыки и в том, что собственно до них одних касается, равным образом здешним законам... последовали..., в чем том меньше теперь трудности видится, что и собственныя их дела от решения ево, губернатора, зависимы будут»[180].

Далее указывалось всех татар, бывших под властью калмыцких ханов и наместников, вызвать из улусов и «приписать в ведомство астраханское», с временной льготой, облегчавшей на первых порах переход к новым условиям жизни. 12 декабря 1771 г. татары и томуты по распоряжению Н.А.Бекетова были приписаны к астраханским аульным, а туркмены к кизлярским аульным татарам в ясак». На три года они были освобождались от несения земской службы[181].

Как видим, правительственный рескрипт от 19 октября 1771 г. был логичным завершением проводимой со второй четверти XVIII в. царской политики в отношении калмыков, направленной на включение их в общеимперскую систему управления с одновременной ликвидацией автономии ханства.

Выполняя правительственные распоряжения, Н.А.Бекетов столкнулся с несколькими проблемами: во-первых, жители губернии, разоренные калмыками во время ухода, требовали возмещения убытков; во-вторых, слухи о возможном побеге оставшихся калмыков вслед за Убаши дестабилизировали обстановку в улусах; в-третьих, возникли затруднения при проведении переписи населения.

Для решения первой задачи губернатор приказал собранный в степи скот, брошенный второпях калмыками, передать в уплату разоренным жителям края[182]. Разбирая дело эркетеневских зайсангов Нохоя, Габунгин Баранга, Аксахала, Цагалая, Намки Ракбы и Бурума, обвиненных в том, что расположенной напротив Царицына «на луговой стороне базар и в прокормлени в займище рогатой скот разграбили и несколько людей мужеска пола и одну девку побрали в плен, а между ими и царицинского купща Михаил Недуруева малолетнаго сына взяли, которой де до Яика везен был зайсангом Аксахалом, а по приходе туда во время остановления Яицким войском реченной зайсанг Аксахал приказал того мальчика умертвить», Н.А.Бекетов распорядился 12 декабря 1771 г. учинить «из них зайсангов смертно убийцам наказание кнутом, а примечившимся в гребажах плетми, сослать всех их в внутренний российский город Нижней (Нижний Новгород – Е.Д.) в каторжную работу»[183]. Преступники были арестованы и взяты под стражу в Астрахани. Двое из них, Аксахал и Бурум, во время следствия скончались от оспы. Остальные вины своей не признали, надеясь «избежать за то свое варварство и безчеловечие достойного себе наказания»[184]. Однако в

ходе следствия причастность их к преступлению на царицынском базаре была доказана. В марте 1773 г. дело было закрыто. Окончательный приговор гласил: «Изобличившимся в смертном убивстве и грабеже русских людей Эркетеневым зайсангам и калмыкам ... на основани вышеизъясненнаго прежде состоявшагося в Калмыцкой экспедиции 12-го декабря прошлаго 1771 года определения учинить наказание публично, смертно убицам зайсангам, за умертвием протчих, наличным Габунгин Барангу, Намки Ракбе и Цагалаю да и калмык того ж Эркетенева улуса Саин Нарме и взятому из Эркетенева улуса базару и Адони Нарме Джамце ... кнутом по пятьдесят ударов каждому, а грабителям калмыкам Солтону, Бурдулгану, Лоузангу, Джамце, Аксахалу и Шарану плетми. И сослать всех их и показанных зайсангов в Нижней Новгород для употребления тамо в каторожную работу вечно. Жен же и детей как сих преступников, так и соучастных им в злодействе умерших зайсангов же Аксахала, Бурума и Нохоя, со всем скотом и пажитью, забрав из калмыцких улусов в Астрахань с публичнаго торгу продать, и сколко за все то получено будет денег, вычтя из оных употребленные на корм им из казны при содержани здесь под караулом, оставшие затем роздать в платеж пограбленного ими как астраханским, так и царицынским жителям»[185]. После окончания торгов вырученная сумма составила 2620 рублей 30 копеек. Она «была разделена пропорционально капиталу каждого пострадавшего, – сообщал М.Г.Новолетов, – и пришлось по деньге на рубль (следовательно, весь капитал пострадавших жителей простирался более миллиона рублей, но и это разсчет был только о тех, которые сделали заявление и указали хотя приблизительно цифру понесенных убытков)»[186].

В ходе следствия «по повеске от учрежденной ... Зарги» в Астрахань были вызваны и взяты «под присмотр» эркетеневские зайсанги Наин, Джамчо, Дакбараши, Зуучи, Миванг, Ончик, Галжигаин Аракба и Лоузанг Даржа, которые, как выяснилось позже, участия в грабеже царицынского базара и убийстве русских людей не принимали. Однако в вину им было поставлено то, что они, «будучи пред ними (преступниками – Е.Д.) несравненно в большем числе и имея подвластных своих гораздо множественнее, от того их злодейства отвратить и удержать довольно в состояни были», но не сделали этого[187]. Учитывая, что названные эркетеневские зайсанги оказались в числе сообщников Убаши, сопротивлялись яицким казакам, преградившим им дорогу, а также могли в будущем заиметь «соблазн» удалиться в Джунгарию, Н.А.Бекетов распорядился лишить их «звания зайсангскаго ... и причислить в число подлых аймачных калмык навсегда вечно, о чем дать знать наличным здесь владельцам и князю Дондукову» с тем, чтобы они к отнятым у наказанных аймакам «определили других непоколебимо здесь в верности остававших зайсангов»[188].

Эти меры, направленные против эркетеневских зайсангов, которые по мне-

нию губернатора, были инициаторами народных волнений, ликвидировали «зло в Эркетенях»[189]. Однако сохранилось подозрение, что в дербетских улусах готовится побег оставшихся калмыков. Капитан Шапкин, проживающий там, с начала лета информировал Н.А.Бекетова о нестабильной обстановке, сложившейся в дербетских улусах.

24 марта 1772 г. губернатор выехал в Царицын, куда вызвал дербетского нойона Цебек-Убаши. Последний, находясь с отрядом на Кубани, после получения письма от своей бабки Абы, о котором мы упоминали выше, неожиданно «оставил войска, приказав им возвращаться, а сам тут же удалился под предлогом болезни»[190]. Н.А.Бекетов предложил Цебек-Убаши остаться на правом берегу Волги и жить отдельно от улуса. Дербетский улус, переведенный на луговую сторону Волги, сохранял возможнось через посредство казахов связаться с китайскими властями. Оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп уведомлял своего астраханского коллегу, что «китайское правительство прислало посла в 50 человек к султану Средней орды Аблаю, чтобы он пропустил оставшихся калмыков»[191]. Чтобы предотвратить данную опасность, Н.А.Бекетов распорядился учредить заставу из двухсот калмыков и ста казаков Моздокского полка и тысячную команду из калмыков Икицохуровского улуса.

Однако эта мера показалось губернатору недостаточной. 27 августа 1772 г. он отправил графу Н.А.Панину рапорт, в котором, доложив о положении в улусах, подчеркивал необходимость отдалить от калмыков нойонов Цебек-Убаши, Яндыка и Асархо, способных увести народ в Китай, и просил под благовидным предлогом отозвать их в Санкт-Петербург[192]. Опасения по поводу лояльности названных владельцев возникли и в Петербурге. 28 мая 1772 г. Екатерина II на заседании Императорского совета интересовалась «читан ли был в оном полученный в Сенате от астраханского губернатора о намеряемом остальных калмыков побеге рапорт», на что получила утвердительный ответ. Императрицу заверили, что в военной коллегии есть «известие не токмо о прибытии помянутого губернатора в Царицын, но и его оттуда отъезде»[193]. 27 сентября 1772 г. в Императорском совете был зачитан указ, «к астраханскому губернатору о отлучении сюда нескольких калмыцких владельцев для удержания от побега их подвластных»[194]. 18 октября 1772 г. Коллегия иностранных дел послала вызов явиться ко двору дербетскому нойону Цебек-Убаши и торгоутским нойонам Яндыку и Асархо. Названные владельцы были вынуждены подчиниться. Дорогою 15 декабря 1772 г. Яндык умер в Островской станице на Дону, где и был похоронен. Цебек-Убаши и Асархо жили в Петербурге до смерти, последовавшей в начале 1774 г.[195]

Управление улусом Цебек-Убаши Н.А.Бекетов поручил его родственнику Ценден-Доржи. Но это не принесло спокойствия в Калмыцкую степь. Напро-

тив, вскоре поднялась новая волна волнений и беспорядков в улусах, связанная с получением известия о почти одновременной смерти в Петербурге нойонов Цебек-Убаши и Асархо. Поползли слухи о насильственном характере смерти владельцев. «Расстройство,- сообщал М.Г.Новолетов,- дошло до таких размеров, что поставленный Бекетовым пристав Михаил Везелев, пользуясь только ночью, успел скрыться и бежал в Астрахань»[196].

Одновременно с наведением порядка в улусах астраханской администрации пришлось заниматься подсчетом и разделом между владельцами оставшихся калмыков. По требованию губернатора владельцы представили в Калмыцкую экспедицию письма о числе уведенных и ушедших от них людей. Составленная на основании этих данных в Калмыцкой экспедиции справка была подана затем в Коллегию иностранных дел. Согласно этому документу выходило, что «от Яндыка уведено и ушло пятдесять пять, да напредь сего силою бывшим наместником отнять у него сто, и татар дватцать пять кибиток. От Замьяна с 1757 года по несогласию с бывшим ханом Дондук-Дашею и с сыном его, наместником ханства, в разные временя отнято ж шестсот четыре кибитки, а затем при бывшем калмыцкого народа побеге ничего у него не уведено. У князя Дондукова по учиненной в прошлом 1767-м году калмыцкому народу переписи во владении его было две тысячи сто восемьдесять семь, а за побегом осталось четыре ста восемьдесять семь кибиток, итак уведенных у него изменниками надлежит быть тысяча семь сот кибиток. Дербетев владелец Цебек-Убаши во вторичной его в Астрахань приезд, то есть октября 18 дня, ... объявил в захвате у него в давных годах торгоутами восемьдесять три, да при побеге изменниками при двух знатных людях: бывшим вообще народном калмыцком правительстве судьею, зайсангом Тарбе Изюлджике уведенных двести восемьдесять, Бамбаром – пятьдесят восемь, да владельца дербетева ж Цендена и его родственников тритцать три кибитки. И еще возвратившихся из побегу от Яика икицохуровы Асархо и Маши в присланном к губернатору о находящихся при них людях реестре между протчим написали, что и у них наместником уведено калмык Асархиных сто шестьдесят, Машиных сто восемьдесят две»[197].

Далее в справке указывалось количество калмыков, принадлежавших ушедшим нойонам, которые 14 февраля 1771 г. по распоряжению Н.А.Бекетова были переданы оставшимся владельцам для присмотра до будущего правительственного указа об их судьбе. У Яндыка таковых калмыков оказалось 1522 кибитки; у Замьяна – 989; у князя Дондукова – 1001, «да сверх того возвратившихся обще с Асархою и Машою Бага и Ики Эркетеней в ево ж Дондукова смотрение препорученных» -956; у Рабжура – 21, у Асархо и Маши – 217, итого – 4706 кибиток[198].

На основании правительственного рескрипта от 19 октября 1771 г. оставшимся владельцам в связи с потерей собственных подвластных были отданы теперь уже не для присмотра, а во владение подданные ушедших нойонов. Яндык получил 180, в том числе и «за татар» 25 кибиток. Сверх того, «в награждение» ему добавили 519 кибиток. Н.А.Бекетов, объясняя Иностранной коллегии, писал, что «владелец сие излишество заслуживает: во-первых тем, что следующие ныне в разделе калмыки без известия все торгоутские, к чему он, Яндык, по его старшинству более права и преимущества иметь должен, нежели князь Дондуков, будучи последнему в калмыцком народе хану Дондук Даше брат родной, а ему, Дондукову, дядя. А при том и в разсуждении ево, Яндыка, верности и доброжелательства к российской стороне, что он о намерении к побегу калмыцкаго народа заблаговременно доносил, а от князя Дондукова, хотя он и российского закона, от котораго бы больше верности и усердия надежды ожидать надлежало, совсем то непредостережено»[199]. Замьяну было передано 604 кибитки, а затем с высочайшего императорского «соизволения, в разсуждении того, дабы с одной стороны он, Замьян, без удовольствия оставлен не был, а притом и торгоутовы владельцы, Яндык и князь Дондуков, в преимущественном награждении не возымели негодования», ему прибавили еще 150 кибиток[200]. Его пасынку, джунгарскому владельцу Тюменю, по просьбе матери Олзе Орошихи было выделено 257 кибиток[201]. Дербетские владельцы Цебек-Убаши и Цеден-Доржи получили 454 кибитки, икицохуровские нойоны Асархо 160 кибиток, Маши – 182 кибитки[202]. При наделении новыми подвластными князя А.Дондукова возникли затруднения, связанные с разницей между количеством имеющихся у него в наличии кибиток и количеством кибиток, зафиксированных во время генеральной переписи 1767 г. По сообщениям князя, выходило, что в 1771 г. у него было уведено 2012 кибиток, а «в прошлых 1763-м и 1764-м годах из наследнаго его с братом, князь Ионою Дондуковым, Багацоохурова улуса, бригадиром Бехтеевым и наместником Убашею» – 1375 кибиток[203]. По справке же Калмыцкой экспедиции оказалось, что в 1742 г. при разделе Багацохуровского улуса Дондуковым досталось 1816 кибиток, которые «в то время по малолетству впредь до возрасту их препоручены были в смотрение бывшему хану Дондук-Даше, а по смерти онаго владел ими и сын его, наместник, нынешней изменник Убаша»[204]. Когда крещеная княгиня Дондукова, мать Алексея и Ионы, была отпущена из Санкт-Петербурга в Енотаевск, на основании правительственного распоряжения, ей было выдано 1816 кибиток. Однако подвластные Дондуковым багацохуры, «не дожидаясь порядочной отдачи, самоволно отделясь», захватили «несколько к наместнику принадлежащих людей», в результате во время проводимой в 1767 г. переписи калмыцкого населения «у него, Дондукова, ... гораздо их больше было»[205]. Осоз-

нав, видимо, бесперспективность дальнейшего подсчета подвластных князя, астраханская администрация приняла решение отдать ему «столько, сколько у него действительно в уводе быть надлежит – тысячу семь сот, да в награждение двести пятдесять кибиток»[206]. Хошоутовский владелец Теке получил в прибавление к своим 35 еще 65 кибиток «в награждение» за верность «российской стороне». Мотивируя свое решение, Н.А.Бекетов подчеркивал, что Теке, «будучи по побеге изменниками захвачен, с дороги от них бежал», а в Кубанском походе летом 1772 г. показал «к службе усердие, что хотя в том походе и знатнее его из калмыцких владельцов находились, но никто при сражении с неприятелем кроме его, Теки, не был, которой будучи за рекою Кубанью и командуя калмыцкою отделенного партиею ... весьма храбрость и проворство свое оказал»[207]. Джунгарскому владельцу Джиргалу было отдано во владение 50 кибиток, торгоутскому нойону Нохоин Кобеню, сыну умершего от оспы Рабжура,- 21 кибитка[208].

При разделе калмыков, принадлежавших ушедшим владельцам, астраханская администрация обнаружила неточности в поданных оставшимися нойонами ведомостях о числе имеющихся у них в наличие кибиток. Поэтому от владельцев потребовали составить новые описи и подать их губернатору или вновь образованному Зарго. Причем они были предупреждены, что при повторном укрывательстве подвластных «за каждую кибитку в штраф по десяти отобраны и причислены ... к заргочинерам», которые «от тех кибиток доходы» получать станут в прибавку к их жалованию. За сведения об «утайке людей» простолюдины освобождались от выплаты податей, а зайсанги, уличенные в укрывательстве, лишались своего звания и приписывались в число аймачных[209]. Составленные владельцами второй раз описи также оказались неверными. Переводчик А.П.Воронин рапортовал Н.А.Бекетову 22 января 1773 г. из Черного Яра, что «особливо ж по описи Замьянговой последовала великая в том неисправность показанием во оной тех, которые уже прежде по описям состояли у протчих владелцов». Переводчик отмечал, что «по справке ж в Калмыцкую экспедицию по перво присланным от личных здесь владельцов описям всех оставших после беглых наместника Убаши и владельцев же калмык явствовало четыре тысячи семь сот шесть кибиток, а по вторичным таковым же от них поданных сверх того из лишних нашлось»[210]. Правительственным указом обнаруженные кибитки были отданы владельцам «как за потерю собственных их людей, так и в награждение за верность»[211].

Приняв предложения Н.А.Бекетова, руководство Коллегии иностранных дел распорядилось калмыков «содержать ... как в летнее, так и в зимнее время на нагорной стороне». В случае же необходимости перевода их на луговую сторону одну часть предписывалось оставить на нагорной с тем, чтобы «чрез та-

кое от разделения каждой части ослабление удобнее вредные их замыслы истремляемы быть могут и небольшими с российской стороны силами. А при том обе стороны реки Волги от всяких воровских партий здешних ветренных соседей во всегдашнее время прикрыты будут»[212].

В результате событий 1771 г. триадная организация волжских калмыков претерпела существенные изменения. Русские власти, раздав оставшимся нойонам подданных наместника Убаши и его сторонников, которые не смогли последовать за своими предводителями по объективным причинам, стимулировали спонтанные процессы феодализации. Ф.И.Леонтович сообщал, что многие зюнгары, оставшиеся в России, присоединились к торгоутским улусам в составе их левого крыла[213]. По мнению А.И.Карагодина, в этом положении оказались не только зюнгары, но и все другие калмыки, не успевшие за Убаши и розданные русскими властями оставшимся на Волге владельцам. Они вошли в состав улусов калмыцких нойонов на положении орулх албату, новых неприродных подвластных[214]. На них фактически переносилась эксплуатация, в то время как природные подданные (хуучин албату) стали опорой местного господствующего класса. В 1772 г. владельцы Икицохуровского улуса Асархо и Маши обратились за поддержкой к губернатору Н.А.Бекетову при назначении рублевого сбора с калмыков. Они объявили, что хуучин албату угрожают истребить всех харахусов (название одного из отделений, принадлежавших к орулх албату) и требуют в «презент» от них 50 мальчиков и девочек. В 1783 г. нойон Маши взял с харахусов больше подати. Новый губернатор М.Жуков писал нойону, что подданных надо содержать »в равенстве», дабы одни перед другими «обижены как в поборах, так и во всем не были»[215]. В 1786 г. нойон Цаган Кичик захватил у харахусов много скота и вынудил их заплатить за него долги армянским ростовщикам. Только в 1793 г. харахусам удалось составить примирительные условия с новым владельцем улуса Цебек-Убаши: 1) фиксированная норма подати составила 4 руб. с кибитки в год; 2) для сбора владельца в военный поход они выплачивали по 50 коп. с кибитки и предоставляли 2 верблюдов; 3) в случае болезни владельца харахусы платили по 50 коп. с кибитки; 4) в услуги нойону выделялся 1 чел.; 5) харахусы получили право кочевать по своей воле, но ежемесячно извещать владельца о своем местопребывании[216]. Однако примирительные условия действовали недолго, в начале XIX в. новый владелец улуса нарушил их.

Проведенные преобразования ухудшили положение калмыков и обусловили не только сочувствие основного населения улусов крестьянскому восстанию, развернувшемуся в 1773-1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева, но и активное участие его в нем. С начала восстания правительство волновал вопрос об отношении калмыков к пугачевскому движению. Когда яицкие, орен-

бургские и ставропольские калмыки выступили на стороне Е.И.Пугачева, царские власти предприняли ряд мер, чтобы не допустить участия волжских калмыков в восстании и, напротив, привлечь их для борьбы с бунтовщиками. Астраханский губернатор П.Н.Кречетников в рапорте в Сенат от 10 октября 1773 г. считал возможным для борьбы с Е.И.Пугачевым использовать волжских калмыков, но фельдмаршал А.И.Бибиков, назначенный главнокомандующим правительственными войсками в конце 1773 г., отверг это предложение. 22 января 1774 г. он писал П.Н.Кречетникову: «Ветренность и непостоянство ставропольских калмыков, которые все действительно взбунтовались, не делают во мне лутчаго и твердости к царицинским калмыкам мнения; основываясь на сем и почитаю я употребление их в здешнем краю не нужными и весьма бесполезным, как людей легкомысленных и склонных к воровству»[217]. Тем не менее, из-за приближения Е.И.Пугачева к Волге губернатор был вынужден обратиться к калмыкам, чтобы пополнить малочисленные регулярные войска, находившиеся в его распоряжении.

23 ноября 1773 г. Астраханская губернская канцелярия издала указ «О привлечении Дербетевых калмыков на защиту губернии от Пугачева», в котором говорилось: «На основании Государственной военной коллегии указа о предосторожности в здешнем краю от известного возмутителя Пугачева ... повелено правителю Дербетевых калмыков Цедену астраханским губернатором держать близ Царицына 2000 человек калмыцкого войска самых лучших к военному действию вооружа и со всеми наравне содержать в полной боевой готовности, чтобы по получении приказания от царицынского коменданта всегда могли выступить туда, куда он укажет»[218].

Однако, как не старалось правительство оградить волжских калмыков от втягивания в пугачевское движение, обстоятельства складывались по-другому. После поражения повстанцев в марте-апреле 1774 г. под Татищевой крепостью и Сакмарским городком, где Е.И.Пугачев потерял артиллерию и почти всю армию, часть ставрольских калмыков под предводительством Ф.И.Дербетева, оказавшаяся в яицких степях, предприняла попытку прорваться за Волгу[219]. Командующий второй линией правительственных войск генерал-поручик Ф.Щербатов в реляции Екатерине II докладывал, что фузилерная Саратовская команда, саратовские и донские казаки во главе с полковником Денисовым перекрыли «реки Иргиз, Узень течение Волги и г. Сызрань ... И как нигде нет теперь места к его (Ф.Дербетева – Е.Д.) укрывательству, то если посланные к нему из лучших калмыков, пришедших в повиновение, не убедят ево последовать их примеру, тогда силою ея императорского величества оружия познает он свое преступление»[220].

По распоряжению Ф.Щербатова астраханский губернатор выставил на всех

переправах и бродах по берегам Волги пикеты и разъезды, чтобы пресечь попытки ставропольских калмыков переправиться на правобережье и соединиться с астраханскими сородичами. В рапорте Ф.Щербатову от 15 мая 1774 г. П.Н.Кречетников сообщал, что таким образом надеется избежать «какого-либо вредного возмущения...» в волжских улусах[221].

Узнав о том, что дорога к Волге перекрыта, Ф.Дербетев изменил направление движения. 23 мая 177 г. правительственным войскам удалось настичь и разбить отряд у речки Грязнуха[222]. Однако небольшой группе калмыков и яицких казаков посчастливилось добраться к волжским калмыкам и укрыться в их улусах.

М.Лепехин, стажер школы калмыцкого языка, доносил 8 мая 1774 г. в Астраханскую губернскую канцелярию, что «при поражении Пугачева толпы бежало 29 человек яицких казаков и калмыков и по всем данным они скрываются в улусах Яндыковских калмыков», из-за сопротивления которых «словить их и доставить в Астрахань» невозможно[223]. Очевидно, пребывание повстанцев в улусах стало причиной того, что из посланных владельцем Бютюке калмыков «в разъезды и заставы 28 апреля самовольно человек до сорока ушли по домам»[224].

П.Н.Кречетников, который еще осенью 1773 г. предлагал использовать волжских калмыков для борьбы с Е.И.Пугачевым, сообщал Н.И.Панину незадолго до вступления восставших в пределы Астраханской губернии: «Калмыки же хотя по приказу моему несколько собираются, токмо их без подкрепления российских войск в командировку употребить немало не надежно». «Спасая» калмыков, кочевавших между Доном и Волгой, писал губернатор, «от разорения, паче же от соединения с злодейскою толпою велено ныне всех с их скотом удалить к морю в мочаги, а иных перевести в близость Астрахане на луговую сторону и расположить кочевьем по островам»[225].

Однако ускоренное движение Е.И.Пугачева вниз по Волге вынудило П.Н.Кречетникова, располагавшего небольшим количеством регулярных войск, командировать к полковнику А.Дондукову нарочного с приказом явиться к Царицыну со всеми готовыми к походу калмыками. Из Царицына 3 тыс. отряд калмыков был направлен в г. Камышин (Дмитриевск). 11 августа 1774 г. Е.И.Пугачев, опередив А.Дондукова и присоединившегося к нему полковника Кутейникова с тремястами донских казаков, занял Камышин. После неудачной попытки овладеть станицей Балыклеевской калмыки и казаки отступили к речке Пролейка, где 16 августа 1774 г. произошло сражение с повстанцами. Пугачевцы разбили отряд А.Дондукова, причем, калмыки, как сообщал Н.Дубровин, «не разбежались по первому выстрелу», а «передались на сторону неприятеля»[226].

Вслед за дондуковскими калмыками к Е.И.Пугачеву перешли дербетевы калмыки, привлеченные указом «Петра III», отправленным из Камышина 14 августа. Адресат указа («Калмыцкой Орды господину князю Банбуру») был ошибочен, так как вождь крестьянского движения не знал, что Банбур (Бамбар – Е.Д.) ушел вместе с наместником Убаши в Китай в 1771 г. В указе выражалось удовлетворение по поводу известий о следовании калмыцкого правителя с ордой к «Петру III» для «оказания к службе ревности и усердия». Описав, великия притеснения и несности», «злоехидных и вредительных обществу дворян», указ объявлял, что «Петр III» стремится освободить калмыков «от всего оного» и учинить им «свободную вольность», во свидетельство чего и посылается это предписание «с монаршеским и отеческим ... милосердием»[227].

Правителю калмыков повелевалось следовать с ордой для соединения с «главной армией», для чего ему надлежало переправиться с луговой на нагорную сторону Волги у Камышина, где были заготовлены переправочные средства и съестные припасы. По прибытию в «армию» каждому калмыку обещали выдать по 10 рублей «невзачет жалованья», кроме того, в указе подчеркивалось, что «по оказательству вашей ревности и усердия и вящую монаршую милость и награждение получить можете»[228].

Дербетский нойон Ценден-Доржи, в руки которого попал указ, привел 19 августа 1774 г. к Е.И.Пугачеву в Дубовку 3-тысячный отряд калмыков. Очевидец этого события на следствии показывал, что «калмитской владелец Ценден подошел, пал перед ним, Пугачевым, на колени и знамена свои преклонил», а потом, уже в походе к Царицыну в стане на берегу Волги, Пугачев жаловал «Цендена с Калмытской ордой из привезенной на судне (которая была ведомства Соляной конторы) и из имеющейся при себе серебреной и медной денежной казной, сукнами, тавтами, шитым платьем и разными знатными товарами»[229].

Известие о переходе дербетских калмыков к Е.И.Пугачеву облетело всю Астраханскую губернию. Икицохуровские калмыки «завидовали Дербетевским, принятым так ласково Пугачевым, и вместе с жителями улусов, принадлежащих владельцам Асархи и Маши, хотели присоединиться к бунтовщикам»[230]. На Царицын эта новость навела «великий страх», как сообщал в рапорте Екатерине II комендант города полковник И.Цыплетев[231].

В составе войск Е.И.Пугачева калмыки участвовали в боях 20-21 августа 1774 г. под Царицыным. Затем по соглашению с Е.И.Пугачевым Ценден-Доржи ушел со своим отрядом в улусы, обещая позднее вновь присоединиться к повстанческому войску, пополнив свой отряд большим числом калмыков[232]. Но вернуться дербетскому нойону не пришлось. 24 августа 1774 г. недалеко от Царицына у Солениковой ватаги Е.И.Пугачев был разбит правительственными войсками, возглавляемыми полковником И.И.Михельсоном. Что касается Цен-

ден-Доржи, то участие его в движении Е.И.Пугачева не повлекло за собой карательных мер со стороны правительства, так как 29 августа 1774 г. в письме в губернатору П.Н.Кречетникову он объяснил, что перешел к повстанцам только потому, что хотел сохранить свои улусы, «кочевавшие тогда при Волге в урочище Табун-Бура (Поповицкий остров) на самой дороге»[233].

В истории Крестьянской войны 1773-1775 гг. наше внимание привлек примечательный факт: ее участники-калмыки предпринимали попытки уйти в Джунгарию. С уходом Е.И.Пугачева из Башкирии калмыки, продолжавшие на ее территории военные действия, оказались в тяжелом положении. По показаниям очевидца Г.Чернопрудова, калмыки «все в истощенных силах находятся, потому что только от башкирцев пропитание имеют, а у них ничего для пищи скота нет»[234]. Лишенная возможности присоединиться к Пугачеву группа калмыков «в числе 60 человек при начальнике Дундуке Циринове» решила прорваться к своим соплеменникам в Джунгарию. Командующий войсками в Западной Сибири генерал-поручик Деколонг, получив приказ о поимке калмыков, был вынужден обратиться к султану Среднего жуза Аблаю, так как собственных свободных сил для преследования у него не доставало. В письме к казахскому султану он сообщал: «Из подданства ее императорского величества, обитающих в России калмык, оказавшихся ныне в злейшем протививу государства преступлении, с небольшим сто человек, страшась по законам ее императорского величества должного за преступление наказания, бежали от Троицкой крепости в киргиз-кайсацкую степь, как видно с намерением прорваться в китайскую землю ...». Деколонг предлагал Аблаю «оных изменников при подающем случае, буде они обратятся к Китаю ... переловить и употребить в свою пользу»[235].

С помощью казахов попытка калмыков достичь Джунгарии была пресечена. Так, ставропольский калмык Андрей Прокопьев, бежавший в 1776 г. из казахского плена, показал на допросе, что «по договору с прочими бежал в китайское подданство и в следовании попали в толпу злодея Пугачева, в какой находясь, шли разными местами и были под Троицкой крепостью в сражении, отколе по неудаче с прочими ж бежали так, как выше значит в китайцы, но киргизами перехвачены»[236]. Трагической оказалась судьба калмыков, задержанных во время розыска правительственными войсками. Крещеный калмык Иван Алексеев «из числа бежавших из злодейской толпы был «нещадно» бит кошками (плетьми – Е.Д.) в Омской крепости. Пятерых беглецов, сознавшихся в принадлежности к пугачевцам, по распоряжению подполковника Эртмана повесили в степи[237].

Вторую попытку пробраться в Джунгарию предприняла группа старшины Михаила Саихана, в которую вошли калмыки, кочевавшие в юго-восточной части Башкирии после ухода Е.И.Пугачева. Очевидно, они рассчитывали таким

образом избежать наказания за свое участие в крестьянском движении. Как показала на допросе Бааранга Тарбанова, по крещению Ульяна, в 1773 г. с общего согласия все ставропольские калмыки ушли к Пугачеву в Башкирию, но там были разбиты правительственными войсками. Оставшиеся в живых калмыки устремились «в киргиз-кайсацкую орду с намерением пробраться в Зюнгарию», дабы спастись от наказания, но по пути попали в плен и были розданы феодальной знати в работники[238].

В середине ноября 1774 г. отряд М.Саихана в составе 500 человек, из которых «вооруженных калмык 140» при «очень худых лошадях, а многие принуждены уже пешком идти» перешел укрепленную линию в районе Алабужского редута «ведомства Звериноголовой крепости»[239]. Получив известие о намерении восставших калмыков уйти в Джунгарию от бежавшего из отряда М.Саихана Т.Дундутова, комендант Звериноголовой дистанции полковник Эстко рапортовал И.А.Рейнсдорпу 22 ноября 1774 г., что повстанцы находятся недалеко от линии, и для их поимки посланы воинские команды подполковника Эртмана и премьер-майора Сверчкова[240].

Эстко полагал, что калмыки, находящиеся «в крайней бедности», не окажут сопротивления правительственным войскам. Однако первые столкновения команд поручика Треблюда и подпоручика Мякишенкова с отрядом М.Саихана развеяли эти надежды. Подполковник Эртман, встревоженный опасными известиями, поступившими от поручика Треблюда, 24 ноября 1774 г., «взяв состоящую здесь в крепости егерьскую команду с двумя единорогами на подкрепление ... выступил»[241]. В 15 верстах от Пресногорской крепости он встретил поручика Треблюда и подпоручика Мякишенкова, команды которых накануне настигли калмыков на берегу Тобола. В четырехчасовом бою «сот до трех» повстанцев были убиты, а 88 человек взяты в плен. Спустя 5 суток после сражения М.Саихан с остатками своего отряда попал в плен к казахам на реке Ишим.

Тем не менее, небольшой группе калмыков удалось достичь пределов Джунгарии. В течение 1775-1776 гг. разные причины вынудили около ста человек возвратиться в пределы России[242]. Очевидно их положение в Китае оказалось не легким, если они рискнули вернуться в Россию, несмотря на наказания, ожидавшие участников пугачевского движения.

Мысль об уходе в Джунгарию возникала и у Е.И.Пугачева. После неудачи 24 августа 1774 г. под Черным Яром он предлагал своим соратникам уйти «в Сибирь, а не то как в Калмыцкую орду к Бамбуру»[243], но планам этим не суждено было осуществиться.

После подавления восстания Е.И.Пугачева правительство взяло открытый курс на превращение Калмыкии во внутреннюю провинцию империи. Оставшиеся в России калмыки были поставлены под строгий надзор царской админист-

рации. В результате рокового шага калмыцких феодалов они лишились своей государственности. Калмыкия стала составной частью Астраханской губернии, улусы фактически были приравнены к уездам. Учрежденный в 1772 г. суд Зарго не обладал самостоятельностью в работе. В 1786 г. он был упразднен распоряжением астраханского генерал-губернатора, а его судебные функции были переданы астраханским уездным судам. Калмыцкая экспедиция при губернской канцелярии была преобразована в калмыцкую канцелярию, а затем в калмыцкое правление[244]. Кризис в управлении калмыцким обществом затянулся до 20-х гг. XIX в. Попытка воссоздать наместничество в 1800-1803 гг. оказалась неудачной: наместник Ч.Тундутов и Зарго, контролируемые Главным приставом Н.И.Страховым, игнорировались калмыцкими владедьцами. После 1771 г. численность и удельный вес калмыков в России резко сократились. По данным Л.Максимовича осталось 10700 кибиток[245], по данным М.Щербатова – 11200 кибиток[246]. В.М.Кабузан полагал, что если в границах 20-х годов XVIII в. и без учета ушедших доля калмыков составляла по III ревизии 0,4 %, по IV-0,3 % и по V- 0,3 %, то в границах 20-х годов XIX в. на их долю приходилось по IV ревизии 0,2 %, по V – 0,2% населения России[247]. Численный состав калмыков по ревизионным данным, обработанным В.М.Кабузаном, выглядит следующим образом:

Ревизии	Всего населения в Нижнем Поволжье (Астр ·губ)	Калмыков	
		в губернии	По России
II (1745 г.)	224414	200000	206074
III (1762 г.)	100277	66792	74411
IV (1782 г.)	118750	74311	22061
V (1795 г.)	138399	66715	88149 [248]

Затянувшаяся третья ревизия не учла калмыков, ушедших в 1771 г. в Джунгавию.

По подсчетам астраханской администрации осталось 11258 кибиток[249]. В любом случае, полагают Ю.О.Оглаев и В.Б.Убушаев, число оставшихся едва ли превышало 50000 человек[250]. Как видим, массовая откочевка калмыков в Джунгарию в 1771 г. грубо прервала и крайне отрицательно отразилась на естественном и прогрессивном процессе сложения калмыцкой народности.

Уход в 1771 г. большей части калмыков повлек за собой значительные изменения в земельных вопросах. Уже в конце 70-х гг. XVIII в. как летние, так и зимние кочевья оставшихся калмыков располагались на правобережье Волги. К концу XVIII в. на луговой стороне они пользовались только небольшим участком земли между Волгой и Ахтубой, а также незначительными угодьями на

левобережье Ахтубы[251]. Правительство взяло курс на резкое ограничение территории их кочевий. «Калмыки, – отмечал Н.Н.Пальмов, – лишились защиты своих прав вследствие упразднения национальной власти ... Захватчикам открывался простор действия даже в тех ограниченных районах калмыцких кочевий, где теперь группировались остатки прежних улусов»[252]. С 1787 по 1796 гг. было роздано помещикам 145487 дес. удобной и 670014 дес. неудобной калмыцкой земли, на которые было переселено 11000 крепостных и государственных крестьян[253].

С уходом большей части калмыков в Джунгарию упала их военная активность, сократилась помощь, которую они оказывали русской армии. Так, полковник А.Ф.Дондуков, получивший в 1771 г. приказ астраханского губернатора Н.А.Бекетова собирать отряд в очередной кубанский поход, писал, что после ухода значительной части калмыков вместе с наместником «по большей части остались здесь калмыки бедные и безскотные, а паче не имеющие служилых лошадей, что к многочисленному по числу кибиток собранию и препятствомбыть может, и хотя от меня всем им и подтверждается, дабы в таком случае один другого снабжевал, а другие б, продавая рогатой скот, покупали годных для службы лошадей, но и в том мало успеху быть может, ибо таковых купцов, которые б покупали рогатой скот и с другой стороны продавали к службе годных лошадей, находится весьма мало, почему имею, что не можно будет более в войско людей выступить, как из двух кибиток один человек»[254]. Как видим, сообщение А.Ф.Дондукова подтверждает тот факт, что уход в основном более обеспеченных скотом и имуществом улусов отрицательно сказался на развитии внутриулусной, да и внешней торговли с соседним населением. Сокращение товарно-денежных отношений увеличивало натуральный характер хозяйства, консервировало феодальные порядки. Резко сократились территории кочевий и общее поголовье скота. События 1771 г. остановили процесс развития новых видов хозяйственной деятельности: земледелия, сенокошения, рыбной ловли и т.п. – возрождение которых относится к 30-40-м гг. XIX в. Так, профессор А.Попов первые опыты хлебопашества в XIX в. отметил в кочевьях Малодербетовского улуса, где в 30-х гг. два гелюнга пригласили для распашки земли и посева «несколько русских крестьян», от которых калмыки научились пахать и снять[255]. Ф.А.Бюлер сообщал, что с 40-х гг. XIX в. калмыки стали заготавливать сено и камыш для скота на зиму[256].

Вместе с уходом большей части калмыков в Джунгарию исчезли и многие традиции. Навсегда утеряны для нас бесценные реликвии материальной и духовной культуры, увезенные беглецами. Батур-Убуши Тюмень писал, что наместник Убаши «взял с собою богатую сочинениями на ойратском языке библиотеку. С этого времени литература и просвещение у Приволжских ойратов

приостановились, неуспевши войти в потребность массы народа»[257]. Дальнейшая судьба этой библиотеки неизвестна. Скорее всего, она была утеряна во время пути. В 1771 г. российские пределы были вынуждены покинуть многие талантливые калмыки. Так, брат знаменитого Габан Шараба, Шампин-эмчи, у которого воспитывались дочь и сын наместника, заявивший о своем нежелании оставить волжские берега, был принужден к этому силою. По приказу Убаши ему «обрезали руки по локоть» и, связав, везли до Яика[258].

В 1770 г. в письме к губернатору Н.А.Бекетову нойон Замьян, предупреждавший о готовящемся уходе, привел старинную калмыцкую притчу: «Безрогая коза увидала коз с рогами и, позавидовав их рогам, почувствуя у себя того недостатка, употребила свое старание, чтоб и ей сыскать роги, но только та коза желаемых рог не нашла, но еще, к несчастию, что обыкновенно близ тех рог бывают уши, и те потеряла»[259]. Калмыки, покинувшие Россию в 1771 г., как верно подметил М.М. Батмаев, разделили участь безрогой козы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование проблемы ухода большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 г. помогло выяснению частных вопросов: во-первых, исторических условий и предпосылок возникновения идеи откочевки, во-вторых, организации ухода и его основных этапов, в-третьих, последствий событий 1771 г. для калмыцкого народа. Можно прийти к выводу, что по мере усиления в XVIII в. российского абсолютистского государства и его унитарных черт изменялся характер национальной политики правительства в Калмыкии. При Петре I и его приемниках использовались в основном политические средства, чтобы постепенно укрепить позиции Москвы в Степи, а дипломатические отношения с калмыками следовали традиционным образцам »степной политики», которая сводилась к личным союзам – коалициям, к установлению зависимости, выражавшейся в форме передачи власти своим ставленникам, посаженным на ханский престол. Россия искусно старалась внести раскол в среду кочевников («divide et impera» – «разделяй и властвуй», сохраняя «баланс» между группировками калмыцких феодалов с тем, чтобы ни у одной из сторон не оказалось бы большинство улусов. Присяги на верность, которые давали правители Калмыкии России, интерпретировались сторонами по-разному. В то время как кочевники рассматривали этот акт как добровольный военный союз в духе степной политики, патримониальная Москва выводила из этого претензии на свое полное господство. В процессе подчинения Степи русское правительство разработало образец той политики экспансии, которая была основана на применении разных методов: это и искусная дипломатия, сманивавшая на свою сторону калмыцкую элиту; это освоение степных пространств казаками, русскими, украинскими и немецкими крестьянами-колонистами; это введение титула наместника ханства и утверждение в ханском достоинстве правителя Калмыкии императором; это ограничение внешнеполитических связей Калмыкии; это религиозная интеграция ламаистов.

Попытка сопротивления русскому давлению, предпринятая Дондук-Омбо, показала правительству, что только гибкая, прагматичная политическая линия может, обеспечит лояльность жителей Калмыцкого ханства и позволит извлечь длительные экономические выгоды.

Серьезное воздействие на Калмыцкое ханство оказали глубокие социально-экономические сдвиги в России, вызванные реформами первой четверти XVIII в. Набиравший силу процесс вольной и правительственной колонизации Нижнего Поволжья сопровождался сокращением территории калмыцких ко-

чевий, распространением у кочевников под влиянием соседнего оседлого населения земледельческих работ, первыми попытками обоседления. Новыми явлениями в экономике ханства стали развитие товарно-денежных отношений и возникновение прослойки так называемых «капиталистых калмыков». Стартовавший процесс хозяйственно-бытовых изменений подрывал устои общества.

Одновременно произошло резкое ухудшение экономического состояния народа, вызванное произволом феодалов, затевавшимися ими междоусобицами, привлечением калмыков к участию в военных кампаниях России в 20-60-е гг. XVIII в. . В связи с процессом обеднения простолюдинов и усилением владельческого гнета начинается вымирание бедняцких слоев, отход бесскотных калмыков на заработки в русские города и села, возрастает количество желающих креститься.

При Екатерине II наметился поворот к унификации государства. Изменения в 1762 г. системы выбора заргучеев, по сути превратившихся в русских чиновников, и расширение функций Зарго значительно ослабило ханскую власть. Робкие попытки калмыков защитить земельные владения и свои прежние права не принесли успеха, в связи с чем росла их готовность вернуться в сильно обезлюдевшую после сокрушительного удара маньчжуров Джунгарию. В ответ на «внешнюю угрозу» со стороны России калмыки воспроизвели тот комплекс действий, который дал им в конце XVI в. возможность пережить похожую ситуацию с наименьшими потерями. В 1771 г. они продемонстрировали обычную для себя реакцию на конкретную угрозу извне – откочевали из России в Джунгарию в надежде воссоздать свою государственность, сохранить традиционные формы хозяйственности, религию и культуру.

Что касается психологического настроя калмыцкого общества к моменту перекочевки, то, на наш взгляд, такие черты ментальности калмыков, как монархическая доминанта, отсутствие осознанного отношения к русской культуре, осмысление себя как части ойратского универсума, «санамр» – беспечность, безмятежность, халатность, жизнь одним днем, облегчили задачу знати увлечь за собой в Джунгарию широкие народные массы.

В 1771 г. более 180 тысяч калмыков под предводительством наместника Убаши двинулись в Джунгарию. Лишь 75 тысяч калмыков достигли цели, остальные были истреблены казахами, киргизами и стали жертвами пустыни.

Такие факты, как увеличение контингента маньчжурских войск в Или в 1769-1770 гг., приказ Цинского правительства султану Среднего жуза Аблаю пропустить беглецов, сообщения яицких казаков свидетельствуют о том, что китайцам было известно намерение калмыков вернуться в Джунгарию. Согласившись на возвращение калмыков, маньчжуры встретили их крупными военными соединениями. Пришельцев поселили в изолированных районах Синьцзяна, уда-

ленных от собственно имперских земель. Китайцы разрушили внутриплеменные связи калмыков, привязали их к конкретным территориям, сломали старый аппарат управления, создав новый по военно-административному принципу. Военная колонизация Джунгарии исключила возможность возрождения калмыцкой государственности. Пришельцы растворились в общей массе некитайского населения империи. Их попытки вернуться в Россию были пресечены властями.

После ухода 70 % калмыков в Джунгарию была ликвидирована не только государственность калмыцкого народа, но упразднен субъект России. Калмыцкая степь вошла в состав Астраханской губернии и была подчинена в административном отношении ее губернатору. Улусы фактически приравняли к уездам, для надзора за порядком в которых назначались русские приставы. Общее управление калмыками возлагалось на экспедицию, созданную при канцелярии астраханского губернатора. Состав и функции Зарго были сокращены. Не успевших последовать за своими владельцами калмыков правительство раздало оставшимся нойонам, отчего структура общественных взаимоотношений существенно изменилась. Прервался в результате откочевки процесс сложения калмыцкой народности, упала военная активность калмыков, сократились территории кочевий, общее поголовье скота, размеры внутренней торговли, остановилось развитие новых видов деятельности, понесла урон культура. Проведенные правительством преобразования ухудшили положение калмыков и обусловили их участие в Крестьянской войне 1773-1775 гг. под руководством Е.И. Пугачева. В ходе последней небольшая группа калмыков, воевавшая в отрядах повстанцев на территории Башкирии, откочевала в Джунгарию.

Хотя Россия и предпринимала попытки вернуть калмыков, их исход в Китай не стал для нее особой проблемой, в то время как для калмыцкого народа последствия откочевки были исключительно тяжелы. Калмыки сумели оправиться после трагедии 1771 г., но роковой шаг, сделанный наместником Убаши, осуждается и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. *Гагашев Г.Г.* Уроки истории // Хальмг Унн. 1993. 4 янв. С. 3.

2. *Кшибеков Д.* Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). М., 1995; *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

3. *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей. Ч.2. СПб., 1832. С. 252.

4. *Иакинф [Бичурин Н.Я.].* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.,1834. С. 75.

5. Там же. С. 70.

6. *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. С. 76.

7. *Попов А.В.* Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 12. С. 19.

8. *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47, №7. С.11.

9. Там же. С. 25.

10. *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. С. 10.

11. *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего года (XIX) столетия // Журнал Министерства народного просвещения.1886. Ч.244. Отд.1. С.141.

12. Там же. С.*167.*

13. *Костенков К.И.* Указ. соч. С.8.

14. *Долбежев Б.В.* Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.86. СПб., 1913. С.1.

15. Там же. С.2.

16. Там же. С.2-3.

17. Там же. С.9.

18. Пушкин А.С. История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1981.Т.7. С. 10.

19. Там же. С. 95.

Кстати, книга Н.Я.Бичурина была отмечена не только А.С.Пушкиным. В 1834 г. за свои исследования Н.Я.Бичурин получил Демидовскую премию, присуждаемую Российской Академией наук ежегодно за лучшие отечественные научные труды. Министр иностранных дел К.В.Нессельроде писал в феврале 1834 г., что «обозрение истории калмыцкого народа … найдено во всех отношениях заслуживающим внимания и могущим даже служить важным пособием для отечественной истории». Цит. по: *Тихвинский С.Л.* Китай и Всемирная история. М., 1987. С.175.

20. Возможно, этим автором был И.В.Бентковский, который опубликовал несколько работ под псевдонимом Ко.

21. Юр.-Ко. – Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости.1869. № 5. С.5.

22. Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884. С.39.

23. Там же. С.47.

24. Там же. С.53.

25. Прозрителев Н.Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912. С.24.

26. Валиханов Ч.Ч. Аблай // Собр. соч. Т.1. Алма-Ата, 1961. С.429.

27. Ивановский А.А. Монголы-торгоуты // Труды Антропологического отдела общества любителей естествознания. М., 1893.

28. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С.83.

29. Его же. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. Астрахань, 1929. С.19.

30. Чужгинов А.А. Проблемы истории Калмыкии в трудах Н.Н.Пальмова // Вестник института / Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып.3. Элиста, 1968. С.35.

31. Любомиров П.Г. Нижнее Поволжье полтораста лет назад // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 1; Его же. Заселение Астраханского края в XVIII веке // Наш край. Астрахань, 1926. № 4.

32. Его же. Заселение Астраханского края в XVIII в. С. 63.

33. Думан Л.И. Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.-Л., 1936; Его же. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX века // Библиография Востока. Вып. 8-9 (1935). М.-Л.,1936; Его же. Завоевание Цинской империей

Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М.,1966.

34. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. Восстание Пугачева Т. 1. Л., 1961.С. 501.

35. Аполлова Н.П. К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.): Сб. статей. М., 1964.

36. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.,1967.С.221.

37. Бурчинова Л.С. Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник института / Калм. НИИ языка, литературы и истории. Элиста, 1968. Вып. 3. С.7.

38. Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775 гг.). Элиста, 1971. С.47.

39. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. «Торгутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989. С.57.

40. Санчиров В.П. Приволжские калмыки в Цинской империи в конце XVIII в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С.74.

41. Насунов А.Б. Роль Тибета в осуществлении откочевки основной массы калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Цыбиковские чтения: 5-я Всесоюзн. науч. конф. : Тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С.98.

42. Чернышев А.И. О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Общество и государство в Китае: 16-я науч. конф.: Тез. докл. М., 1984. Ч.2; Его же. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

43. Ээтин В. Туужин халхас // Хальмг унн. 1990. 24, 27 июня; *Балакаев А.Г.* Трагедия калмыков // Советская Калмыкия. 1991. 3, 9, 17, 24 янв.; *Батмаев М.М.* Роковые решения // Элстин зэнгс. 1991. 22, 29 июня, 6, 13, 20 июля; *Авляев Г.О.* Печать Убаши-хана // Элстин зэнгс. 1992. 11 янв.

44. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.), Элиста, 1992. С.18.

45. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт: В 2 кн. Элиста, 1993.

46. Батмаев М.М. Первые опыты земледелия у калмыков в XVIII в. (до 1771г.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982; Его же. Новые хозяйственные явления в Калмыцком ханстве в 40-60 гг. XVIII столетия // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983; Его же. Политическая история

Калмыцкого ханства в русской историографии // Калмыковедение: вопросы истории и библиографии. Элиста. 1988.

47. Колесник В.И. Последнее великое кочевье (о значении «торгоутского побега» для периодизации всемирной истории) // Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): Доклады российской делегации. М., 1997.

48. *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724-1741 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. М.,1997.

49. Quincey T. de Revolt of the Tartars or Flight of the Kalmuck Khan and his People from the Russian Territories to the Frontier of China. London, 1854; *Howortn H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. P. 1. The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876; *Бруннерт И.С, Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910; *Courant M.* L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles: empire Kalmouk ou empire mantchou? Paris-Lyon, 1912; *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931; *Hedin S.* Jehol – city of Emperors. London, 1932.

50. Barkman C.D. The return of the Torghuts from Russia to China // Journal of Oriental studies. Vol. 2. №1. Hong-Kong University Press, 1955. P.110.

51. Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmuk Nomads, 1600-1771. Ithaca, 1992.

52. Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. 1982. №2. С. 56-58.

53. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. (Далее ПСЗ-I). Т.6. № 3622. Т.7. № 4576, № 4660. Т.9. №6705, №7072. Т.10. № 179. Т.13. № 9727. Т. 17. №12519. Т.23. № 16937. СПб., 1830.

54. Указ императора Цяньлуна сановникам Цзюньцзичу об усилении постов на границе с Россией в связи с намерениями волжских калмыков вернуться в Россию // *Fu Luo-shu.* Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644-1820. Tucson, 1966. P. 258.

55. Архив Государственного совета. Т.1. Совет в царствование Екатерины II (1768-1796 гг). Ч.2. СПб., 1869. С. 241-251. Калмыки.

56. Н.В.Горбань, Д.Д.Орлов. Документальные материалы по истории калмыцкого народа // Записки Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып. I. Элиста, 1960.

57. Доношение омского купца З.Пеньковского генерал-майору Н.С.Федцову о взаимоотношениях хана Среднего казахского жуза Вали с цинскими властями и его стремлении развивать дружественные связи с Россией // Междуна-

родные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.: В 2 кн. Кн.2. М., 1989. С. 205-207.

58. Пугачевщина. Т.2. Из следственных материалов и официальной переписки. М.-Л., 1929; Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773-1775 годов: Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1961.

59. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы): Сб. док. и материалов. Алма-Ата,1964. С. 3-6.

60. Из рапорта оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа в Коллегию иностранных дел о бедственном положении волжских калмыков в Джунгарию // Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 2. М.,1989. С.197-198.

61. Доклад дачэня Сэбутэна Балэчжуэра императору Цяньлуну о причинах, побудивших часть калмыков откочевать с Волги в Джунгарию // *Fu Luo-shu.* Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644-1820. Tuscon, 1966. P.258.

62. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской миперии. Ч.1 СПб.,1773; [Фальк И.П.] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т.6. СПб., 1824; *[Рычков Н.П.]* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степе 1771 году. СПб.,1772.

63. Н.П. Рычков, сын историка и экономиста П.И.Рычкова, известного своими трудами «История Оренбургской губернии», 1759, «Топография Оренбургской губернии»,1762, был включен в 1771 г. в состав экспедиции Петербургской Академии Наук (1768-1774) под руководством П.С.Палласа. Вместе с отрядом правительственных войск капитан Н.П.Рычков преследовал калмыков, уходящих в Джунгарию, до Тургал-Троицкой крепости (см. *Алексеева П.Э.* Калмыкия в материалах экспедиций XVIII в. // Теегин Герл. Элиста. 1983. №2. С. 107).

64. Рычков Н.П. Указ.соч. С. 54-55.

65. [*Потоцкий И.]* Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Астраханский сборник. Издание ПОИАК. Вып.1. Астрахань, 1896; *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in den Jahren 1802 und 1803. Riga, 1804.

66. Bergmann B. Op.cit. S.181.

67. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948; *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.2. СПб.,1881; *[Данибегашвили Р.]* Путешествие Рафаила Данибегашвили. М., 1961; *Риттер К.* Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Пер. П.Семенова. Т.2. СПб., 1859.

68. *Бичурин Н.Я.* Статистическое обозрение Джунгарии в нынешнем ея состоянии // Русский вестник. Т.3. СПб.,1841; Его же. Статистическое описание Китайского государства. Ч.2. СПб., 1842; *Кириллов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.,1977; *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России // Сочинения. СПб., 1896. Т.1.

69. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

70. Максимович Л. Калмыки // Новый и полный географическмй словарь или Лексикон. Ч.II. М.,1788.

71. [Бакунин В.М.] Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев // Красный архив. 1939. Т.3 (94). С.189-254; Т.5 (96). С. 196-220.

72. Дневной журнал Волошанина и Зейферта // Уральские войсковые ведомости. 1869. 9 марта. № 10. С.10-12.

73. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. Иакинфа. Т.1. СПб.,1829.

74. Записки Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712-1715 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т.1. М.,1978. С.437-483.

75. Записки И.Х.Шничера о сопровождении цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1714-1716 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. Т.1. С.484-486.

76. [Ци-ший] Сочинение китайского князя Ци-шия « О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию». Пер. С.В.Липовцева // Сибирский вестник. Ч.12. Кн. 12 СПб., 1820. С. 267.

Подлинное имя автора – Чунь Юань. Он был родом из Чанбо. В течение долгого времени Чунь Юань служил в Восточном Туркестане, имел ученую степень магистра, цзиньши. В предисловии к своей книги (изд. в 1777 г.) он указал, что в нее вошло все то, что автор лично видел и частично то, о чем он слышал, за исключением недостоверного, им отброшенного. Что касается Цишии, то это возраст автора – 71 год (см. *Л.И.Думан.* Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX в. С.20–25; *M.Courant.* L'Asie centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles: empire kalmouk ou empire mantchou? Paris-Lyon, 1912. P.145).

73. *Анучин Д.Н.* Калмыки // Энциклопедический словарь. Т. XIV. СПб.,1895. С.57-60.

74. *Hummel A.W.* Eminent Chinese of the Ch^ing Period (1644-1912). 2 vols. Washington,1943-1944.

75. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях). Пер. с кит. П.С.Попова // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т.24. СПб.,1895.

76. Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из «Шень-у-цзи».) Пер. с кит. В.П.Васильева // *Г.Н.Потанин.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, сделанного в 1876-1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического общества. Вып. 3. СПб, 1883; Палладий. Извлечения изъ китайской книги: Шэнь-вуцзи. 1848. Пекин, 1907.

77. Сказание о дербен-ойратах, составленное Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста,1969. С.13-48.

ГЛАВА 1

1. *Костенков К.И.* Указ. соч. С.13.
2. Там же.
3. *Сахаров А.Н.* Этапы и особенности русского национализма // Россия и современный мир.1997. №1. С.61-62.
4. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.,1994. С.24-25.
5. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.: Формирование бюрократии. М.,1974. С.38.
6. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т.1. М., 1913. С.64-65.
7. *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С.62.
8. *Нефедьев Н.А.* Указ. соч. С.274.
9. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.61.
10. С начала 90-х годов XVII в. в ханстве разгорелась междоусобная борьба феодалов за власть и улусы, в которой важную роль сыграли взаимоотношения Аюки с сыновьями. Летом 1701 г. старший сын хана Чакдорчжаб застал отца в кибитке своей жены Тарбаджи. Увиденное заставило Чакдорчжаба схватиться за нож, но приближенные остановили его от отцеубийства. Тогда он вместе с братьями Санчжабом и Гунделеком поднял свои улусы и отошел от Аюки. Поползли слухи о намерении братьев уйти в Джунгарию. Русское правительство поспешило принять сторону хана. Петр I говорил, что Аюка «человек умный и рассудительный, а сын его, Чапдержап, другого состояния, он улусом и людьми люден» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. В 18 кн. Кн.9. Т.17-18. М., 1993. С.346). В 1702 году князю Б.А.Голицыну удалось восстановить непрочный мир между Аюкой и Чакдорчжабом. Непокорный Санчжаб увел 15000 кибиток в 1701 году в Джунгарию (*Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С.27-28).

11. Цит. по: *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.192-193.

12. Бакунин В.М. Указ. соч. С.31.

13. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. С.41-42.

14. Соловьев С.М. Указ. соч. С.346.

15. Там же.

16. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. С.111-114.

17. Частые конфликты между правителями ханства и астраханскими властями во время пребывания на посту губернатора А.П.Волынского (в 1719-1723 и 1728-1730 гг.) были спровоцированы, по мнению М.Ходарковского, его «беспардонностью и пренебрежительным отношением к калмыцким законам и обычаям» (*Khodorkovsky M.* Op.cit. P.165).

18. Бакунин В.М. Указ. соч. С.98.

19. Очерки истории Калмыцкой АССР. С.141.

20. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.1. С.15.

21. Цит. по: *Батмаев М.М.* Роковые решения // Элстин зэнгс. 1991. 22 июня. № 25. С.6.

22. Бакунин В.М. Указ. соч. С.30.

23. Там же. С.35.

24. Соловьев С.М. Указ. соч. С.347.

25. Там же.

26. Там же. С.348.

27. Там же. С.349.

28. Бакунин В.М. Указ. соч. С.39-40.

29. Там же. С.41.

30. Соловьев С.М. Указ. соч. С.349.

31. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. С.162.

32. Там же. С.163.

33. Соловьев С.М. Указ. соч. С.349.

34. Бакунин В.М. Указ.соч. С.44.

35. Для защиты русской границы от калмыков, ногайцев и закубанцев в 1717 г. правительство начало строить Царицынскую укрепленную линию, которая шла на 60 верст от Дона до Волги и Царицына, имела ряд форпостов и крепостей. Заселявшие её украинские и донские казаки содержали караулы на линии. Они составляли Волжское казачье войско, разделенное по Дубовской, Средней и Волжской станицам. На линии были четыре крепости: Балышевская, Караваевская, Антиповская и Дубовка.

36. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.351.

37. Там же. С.352.

38. Там же. С.353.

39. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. С. 338.

40. *Костенков К.И.* Указ. соч. С.15-16.

41. *Бюлер Ф.А.* Указ. соч. С.21.

42. ПСЗ. Т.7. № 4660. С.423-424.

43. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.363.

44. Национальный Архив Республики Калмыкия. Фонд 36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» (далее: номер фонда без упоминания названия). Д.25. Л.4.

45. Там же. Д.18. Л.10б.

46. Очерки истории Калмыцкой АССР. С.188.

47. *Аполлова Н.Г.* Указ. соч. С.385.

48. *Басин В.Я.* Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // Казахстан в XV-XVIII веках (вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С.124.

49. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. С.134.

50. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.56.

51. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т.1. С.631-632; *Sheldon Ridqe W.* Some early Russo-Chinese relation by Gaston Cahen. Shanghai, 1914. P.57; История Сибири / Сост. Андриевич В.К. Ч.II. СПб.,1889. С.84-85, 101.

52. Цит. по: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М.,1978. С.130.

53. Записки Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712-1715 гг. С. 437-483.

54. *Hummel A.W.* Op. cit. Vol. II. P.784.

55. *Cordier H.* Histoire generale de la Chine. T.3. Paris, 1920. P.354.

56. *Ивановский А.А.* Указ. соч. С.4.

57. *Гуревич Б.П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России // История СССР. 1973. № 2. С.100.

58. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.68-69.

59. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. С.160; Моисеев В.А. Дело Шоно-Лоцзана / К истории посольств из Цинского Китая в Россию в 30-е годы XVIII века // Общество и государство в Китае: 14-я науч. конф.: Тез. и докл. М.,1983. Ч. 2. С. 96-97.

60. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.,1987. С.200-201.

Возможно, стремление Лоузанг-Шоно покинуть ханство объяснялось тем, что ему был оказан далеко не лучший прием. Ханские багуты, не обратив внимания на его родственные чувства, разгромили джунгарского нойона. Они взя-

ли с Шоно 37 верблюдов, 479 коров и лошадей, 183 барана, 21 лошадь со сбруей, одежду для 12 человек. Жалуясь на эти поборы, Шоно заметил, что «другим никому таких обид не чинили» (*Карагодин А.И.* Дуальная организация у приволжских калмыков // Советская этнография. 1984. № 5. С.32).

61. *Максимов К.Н.* Указ. соч. С.31.

62. ПСЗ. Т.8. №5699. С.383.

63. Цит. по: *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков. С.96.

64. *Колесник В.И.* Институт ханской власти у калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста, 1996. С.10.

65. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.125.

66. Там же.

67. Там же.

68. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.243-244.

69. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.99.

70. Там же. С.76.

71. ПСЗ. Т.9. №6705. С. 490-491.

72. *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей родины в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста, 1965. С.77; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. СПб. , 1869. С.198.

73. ПСЗ. Т.9. №7072. Т.10. №7191.

74. *Цюрюмов А.В.* Административная система Калмыцкого ханства в первой половине XVIII века // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. науч. трудов. Элиста, 1998. С.33.

75. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.152-153.

76. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.2. С.1.

77. НА РК. Ф. 36. Д. 89. Л. 8 об.-9.

78. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 2. С.1.

79. *Колесник В.И.* Указ. соч . С.11.

80. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С 255.

81. НА РК. Ф. 36. Д. 83. Л. 10-11.

82. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.2. С.33.

83. Там же. С.34.

84. Очерки истории Калмыцкой АССР. С.193.

85. Там же.

86. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.255.

87. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа. С.48-49.

88. Там же. С.50-51.

89. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.294-295.

90. НА РК. Ф. 36. Д. 133. Л. 32-34.
91. Там же. Д. 150. Л. 1-4.
92. Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. М. , 1861. С.316-356.
93. Бакунин В.М. Указ. соч. С.102.
94. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. С.296.
95. Цюрюмов А.В. Указ. соч. С.34.
96. НА РК. Ф. 36. Д. 194. Л.32.
97. Попов Н.А. Указ. соч. С.350.
98. Чонов Е. Калмыки в русской армии. XVII, XVIII вв. и 1812 год. Пятигорск, 1912. С.15-16.
99. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. С.297-298.
100. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа. С.56.
101. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.35.
102. Очерки истории Калмыцкой АССР. С.214.
103. Позднеев А.М. Указ. соч. С.166.
104. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.37.
105. НА РК. Ф.36. Д.346. Л. 106-111.
106. Там же. Л. 135-147.
107. Там же. Л. 131-134, 147-153.
108. Там же. Д. 364. Л. 498-502.
109. Батмаев М.М. В.М. Бакунин и его «Описание калмыцких народов» // Бакунин В.М. Указ. соч. С.10.
110. Троицкий С.М. Указ. соч. С.229.
111. НА РК. Ф.36. Д. 42. Л. 193.
112. Там же. Д. 346. Л. 98-105.
113. Там же. Л. 112-125.
114. Карагодин А.И. О земельной собственности у кочевников // Известия Северо- Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1988 . №3. Ростов-на-Дону. С.82-83.
115. Позднеев А.М. Указ. соч. С.167.
116. Аполлова Н.Г. Указ. соч. С.386-387.
117. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 597.
118. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа. С. 44.
119. Его же. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3-4. С.17-18.
120. НА РК. Ф. 36. Д. 418. Л.41.
121. Шовунов К.П. Указ. соч. С. 26-27.
122. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины. С.87-88.
123. Чонов Е. Указ. соч. С.22-25; *Батмаев М.М.* Роковые решения // Элстин зэнгс.1991. 6 июля. № 27. С.6-7.

124. НА РК Ф. 36. Д. 431. Л. 19.
125. Там же. Д. 420. Л. 87.
126. *Кшибеков Д.* Указ. соч. С. 83.
127. Цит. по: *Шовунов К.П.* Указ. соч. С.28.
128. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа. С.34-38.
129. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.349.
130. *Шовунов К.П.* Указ. соч. С.30.
131. НА РК. Ф.36. Д.234. Л.446.
132. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. С.139.
133. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.354.
134. Там же. С.354-355.
135. Там же. С.355.
136. НА РК. Ф.36. Д.52. Л.395.
137. Там же. Д.71. Л.285-286.
138. Там же. Д.75. Л.112-115.
139. Очерки истории Калмыцкой АССР. С.204.
140. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.108-109
141. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.51.
142. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.353.
143. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.51.
144. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.30-31.
145. *Смирнов П.* О калмыках. СПб., 1885. С.20.

146. При Екатерине II государство проводило политику веротерпимости в буквальном смысле слова: «власть соглашалась, – отмечал В.С.Дякин, – терпеть в государстве неправославное население, регламентируя его права, но сохраняя за православной церковью значение «первенствующей» (*Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С.131).

147. Сохраняла силу инструкция, данная Сенатом 1 июля 1720 г. губернатору А. П. Волынскому, в которой указывалось: «... их (калмыков- Е. Д.) привесть в вящщую верность и послушание ... И держать при них явно и тайно, при Аюке и сыне его Чавдержапе и буде мочно и потребно, и при других главных владельцах, в которых сила есть, от себя людей, через которых бы о всём, что у них делается, он мог видеть... » (ПСЗ. Т.6 № 3622. С. 228).

148. Во второй половине XVII в. и в первой половине XVIII в. продолжались переходы калмыков из Джунгарии на Волгу, имели место и обратные откочевки отдельных групп калмыков. Так, в 1701 году Санчжаб увел 15000 кибиток в Джунгарию. Важную роль в укреплении связей между волжскими калмыками и

другими группами монголов сыграл Ойрато-монгольский съезд 1640 г. Родственные отношения, брачные узы, связавшие княжеские роды с Волги и из Джунгарии, также способствовали поддержанию регулярных сношений. Посещение калмыцкими феодалами Тибета и визиты религиозных деятелей на Волгу укрепляли влияние ламаизма среди калмыков и связи их с Тибетом и Монголией.

149. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVII веках. С.349.

150. НА РК. Ф.36. Д.246. Л.246.

151. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5; ПСЗ. Т. 17. № 12519. С. 456.

152. Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С.235.

153. Борисенко И.В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVII в. – начало XX в.) // Вестник института / Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып.3. С.45.

154. Там же.

155. Попов Н.А. Указ. соч. С.425-426.

156. Там же. С.645-646.

157. Там же. С.311-315.

158. Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне 1773-1775 гг. С.44.

159. ПСЗ. Т.13. № 9727.

160. Костенков К.И. Указ. соч. С.11.

161. Любомиров П.Г. Заселение Астраханского края в XVIII в. С.65.

162. Там же. С. 66.

163. Минкин Г.З. О феодализме в Калмыкии // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Ч. 5. Саратов, 1932. С. 44.

164. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. С. 13.

165. Там же. С.1-5.

166. Там же. С.3-4.

167. Там же. С. 4.

168. НА РК. Ф.36. Д.388. Л.120-125.

169. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.5. С.3.

170. Батмаев М.М. Калмыки в XVII -XVIII веках. С. 354.

171. Ядринцев М.Н. Начало оседлости // Сибирский сборник. СПб., 1885. С.142-144.

172. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. С. 59.

173. Там же. С. 60.

174. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С. 39-40.

Бокбон после женитьбы отца на Олзе-Орошихе проживал у наместника Убаши, который приходился ему двоюродным братом. В1771 г. он откочевал в Джунгарию вместе с наместником, «взяв часть хошоутов, хатаматов и наших из Зюнгарии пришедших хойтов – всех около 1000 кибиток» (Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем. С. 47).

175. НА РК. Ф.36. Д.359. Л.261-270.

176. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. С.27.

177. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем. С.48

178. *[Фальк И.П.]* Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России. Т.6. СПб.,1824. С.143.

179. «Чем дальше кочевники заходили от своей первоначальной родины, – писал Н. Харузин,- чем дольше они оставались в определенных местностях, тем скорее они под влиянием своих соседей, обзаводились прочными жилищами на зиму... Но чем дальше на Восток, тем меньше успехов степные народы сделали на пути к полуоседлости: у торгоутов мы видим еще зимовки...» *(Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М.,1896. С.120).

180. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М.,2000. С.125.

181. Крадин Н.Н. Указ. соч. С. 58.

182. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.354.

183. НА РК. Ф.36. Д.174. Л.39.

184. Там же. Д.265. Л.6.

185. *Кшибеков Д.И.* Указ. соч. С. 52.

186. *Карагодин А.И.* Развитие земледелия у приволжских калмыков в первой половине XIX в. // Общественный строй и социально-политическое развитие в дореволюционной Калмыкии. С.110.

187. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1.СПб., 1773. С. 471-472.

188. НА РК. Ф.36. Д.356. Л.457.

189. Там же. Д.167. Л.256.

190. Там же. Д.36. Л. 435.

191. Там же. Д.181. Л. 317-318. Д. 142. Л.125.

192. *Карагодин А.И.* Развитие земледелия у приволжских калмыков в первой половине XIX в. С.311; Записки путешествия академика Фалька. С.144.

193. *Паллас П.С.* Указ. соч. С.175.

194. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.312.

195. НА РК. Ф. 36. Д.301. Л.299.

196. Там же. Д.103. Л.14, 62.
197. Там же. Д.356. Л. 317.
198. Там же. Л. 318.
199. *Крадин Н.Н.* Указ. соч. С. 59.
200. *Масанов Н.Э.* Указ. соч. С. 75, 42.
201. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.,1972. С.180.
202. НА РК. Ф.36. Д.150. Л.126.
203. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.262.
204. *Лебединский А.* К вопросу о вымирании калмыков // Калмыцкая область. Астрахань, 1927. № 1-2. С.119-120.
205. Там же. С.120.
206. [Потоцкий И.] Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Астраханский сборник. Вып. 1.Астрахань, 1896. С.308.
207. НА РК. Ф. 36. Д.33. Л.171.
208. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 112.
209. НА РК. Ф. 36. Д.121. Л. 112.
210. Там же. Д.154. Л. 33, 37,161.
211. Там же. Д.140. Л.35-36.
212. Там же. Д. 339. Л. 522.
213. *Лебединский А.* Указ. соч. С. 120.
214. НА РК. Ф.36. Д. 194. Л.41.
215. Там же. Д. 174. Л. 88.
216. Там же. Д.300. Л. 207.
217. Цит. по: *Крадин Н.Н.* Указ. соч. С. 60.
218. Записки путешествия академика Фалька. С. 141.
219. НА РК. Ф. 36. Д.230. Л.451.
220. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 93.
221. Цит. по: *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.323.
222. *Батмаев М.М.* Новые хозяйственные явления в Калмыцком ханстве в 40-60-х гг. XVIII столетия. С.36-37.
223. НА РК. Ф. 36. Д. 174. Л.366.
224. Там же. Д. 185. Л. 344-345.
225. Там же. Д. 231. Л. 111.
226. *Батмаев М.М.* Новые хозяйственные явления в Калмыцком ханстве в 40-60-х гг. XVIII столетия. С. 41.
227. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 169.
228. *Любомиров П.Г.* Заселение Астраханского края в XVIII в. С. 55-56.

229. *Голстунский К.Ф.* Монголо – ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. С. 61.

230. Там же. С. 13.

231. Там же. С. 63-65.

232. *Бурчинова Л.С.* Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально- политическое развитие дореволюционной Калмыкии. С. 6-7.

233. *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне. С. 47.

234. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3-4. С. 40-43.

235. НА РК. Ф.36. Д.431. Л. 19-20.

236. Цит. по: *Насунов А.Б.* Указ. соч. С.98.

237. Там же.

238. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. С. 66-67.

239. *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978. С.90-91.

240. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С.67.

241. *Беспрозванных Е.Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII-XVIII вв. Волгоград, 2001. С.171.

242. Там же. С. 194.

243. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.66.

244. Там же. С.148.

245. Новая история Китая. М., 1972. С.40.

246. Беспрозванных Е.Л. Указ. соч. С.244.

247.Бакунин В.М. Указ. соч. С.143,140,104.

248. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.46-47.

249. *Крадин Н.Н.* Указ. соч .С.55.

250. *Очиров Н.* Астраханские калмыки и их экономическое положение в 1915 году. Астрахань, 1925. С.59.

251. *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков. С.70.

252. *Нефедьев Н.А.* Указ. соч. С.44-45.

253. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С. 29.

254. НА РК. Ф. 36. Д. 26. Л. 201.

255. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 109.

256. Там же. С. 113.

257. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 352.

258. Цит. по: *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.179.

259. *Гурий (Степанов).* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Ч.1.Казань, 1915. С.159.

260. *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.22.
261. *Тойнби А.Д.* Постижение истории. М., 1991. С.724-725.
262. Там же. С.10.
263. Там же. С.556.
264. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.352.

ГЛАВА 2

1. НА РК. Ф.36. Д.403. Л.573.
2. Там же. Д.425. Л.95.
3. АВПР. Ф.119. Оп.2:4. 1767-1770 гг. Д.31. Л.399.
4. Там же. Л. 462-462 об.
5. Там же. Л.416-416 об.
6. Там же. Л.462 об – 463.
7. Там же. Л.481.
8. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.354.
9. *Рычков Н.П.* Указ. соч. С.53.
10. НА РК. Фонд 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии» (далее: номер фонда без упоминания названия). Д.25. Л.663.
11. *Новолетов М.Г.* Указ. соч.С.38.
12. *Позднеев А.М.* Указ. соч. С.167.
13. *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков. С.229.
14. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.164-165.
15. *Чернышев А.И.* О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. С.151.
16. *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков. С.229.
17. *Майский И.М.* Монголия накануне революции. М.,1959. С.140.
18. *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. С.79.
19. *Barkman C.D.* Op. cit. PP. 97-98; Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. С.78-79.
20. *Berqmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in den Jahren 1802 and 1803. S. 181.
21. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.355.
22. НА РК. Ф.36. Д.418. Л.17-18.
23. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.40,42.
24. Там же. С.40.
25. НА РК. Ф. 36. Д.418. Л.2.
26. АВПР. Ф.119. 1767-1770 гг. Д.31. Л.506.

27. Там же. Л. 505 об.
28. НА РК. Ф.36.Д.418. Л.8.
29. АВПР. Ф.119. 1767-1770 гг. Д.31. Л. 505-507.
30. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.41.
31. НА РК. Ф. 36. Д.415. Л.17.
32. АВПР. Ф.119. 1767-1770 гг. Д.31. Л. 517.
33. НА РК. Ф.36. Д. 418. Л.24.
34. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.42.
35. Там же.
36. НА РК. Ф.36. Д.418. Л.28.
37. *Батмаев М.М.* Роковые решения // Элстин зэнгс. 1991. 6 июля. № 27. С.7.
38. *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей родины в С.141; *Юр.-Ко.-* Указ. соч.// Уральские войсковые ведомости.1869. .№ 5.С.8;
39. *Новолетов М.Г.*Указ. соч. С.42-43.
40. Там же. С.42.
41. Там же. С.43.
42. НА РК. Ф.36. Д.418. Л.46.
43. Там же. Д.419. Л.42-45.
44. Там же. Л.53 об.
45. Там же. Л.25.
46. Там же. Л.25-27.
47. Там же. Л.49.
48. Там же. Л.47.
49. АВПР. Ф.119. 1767-1770 гг. Д.31. Л.405.
50. НА РК. Ф.36. Д.418. Л.41.
51. Там же. Л.31.
52. Там же. Л.32.
53. Там же. Л.36.
54. Там же. Л. 33-34.
55. АВПР. Ф.119. 1767-1770 гг. Д.31. Л. 434-436.
56. Там же. Л. 477 об.
57. Там же. Л.422-426 об.
58. Там же. Л.468.
59. НА РК. Ф.36. Д.419. Л.1-2.
60. АВПР. Ф.119. 1767-1770 гг. Д.31. Л.452-453.
61. Там же. Л.501-502.
62. НА РК. Ф.36. Д.432. Л.13-23.
63. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. С.480.

64. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.43-44.
65. Там же. С.44.
66. НА РК. Ф.36. Д.427. Л.78.
67. Там же. Л.78 об.
68. Там же. Л.79.
69. Там же. Д.420. Л. 56.
70. Новолетов М.Г. Указ. соч. С. 44.
71. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.87.
72. Там же. Л. 86-87.
73. Там же. Л. 88.
74. Там же.
75. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.4.
76. Там же.
77. Там же. Л.18.
78. Там же.
79. Там же.
80. Там же. Л.3.
81. Там же. Д.425. Л.99.
82. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.54.
83. НА РК. Ф.36. Д.420. Л. 4 об.
84. Там же. Ф. 35. Д.15. Л.175.
85. Там же. Ф.36. Д.425. Л.64.
86. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.54.
87. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.28.
88. Нефедьев Н.А. Указ. соч. С.70.
89. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.84.
90. Там же. Л.85.
91. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.3-4. С.19.
92. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.54.
93. Там же. Д.430. Л.88; *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 5. С.9.
94. НА РК. Ф.36. Д.431. Л.64.
95. Там же. Д.420. Л.26.
96. Там же. Л.33.
97. Там же. Л.39.
98. Юр.-Ко. – Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 5. С.9-10.
99. Челобитная Л.Шапошникова, Ф.Морковцева и др. от имени яицкого вой-

ска имп. Екатерине II по поводу угнетения рядовых казаков // Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы). С. 3-6.

100.НА РК. Ф.36. Д.420. Л.28.

101.Там же. Ф.35. Д.6. Л.84.

102.Там же. Л.85.

103. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.48.

104. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.28.

105. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.48.

106. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. //Уральские войсковые ведомости. 1869. № 5. С.10.

107. НА РК. Ф.35. Д.6. Л.34.

108. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.49.

109. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 5. С.10.

110. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.49.

111. НА РК. Ф.36. Д.435. Л.25.

112. Там же. Л.67.

113. Там же. Л.71.

114. Там же. Д.431. Л.64.

115. *Левшин А.И.* Указ. соч. С.253.

116. НА РК. Ф.35. Д.6. Л.35.

117. *Батмаев М.М.* Роковые решения // Элстин зэнгс. 1991. 13 июля. № 28. С.6.

118. НА РК. Ф.36. Д.431. Л.119.

119. Там же. Д.427. Л.88.

120. Там же. Д.426. Л.49.

121. Там же. Д.431. Л.85.

122. Там же. Л.19.

123. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 8. С.4.

124. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.47-48.

125. *Юр.-Ко.* – Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8. С.4.

126. Там же. С.5.

127. Там же.

128. НА РК. Ф.36. Д.431. Л.85.

129. Юр.-Ко. – Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8. С.5.

130. Там же.

131. Там же.

132. Там же.

133. Там же.

134. НА РК. Ф.36. Д.431. Л.49-50.

135. Там же. Л. 52.

136. Там же. Л.55.

137. Там же. Л.55-56.

138. Там же. Л.55.

139. *Юр.-Ко.* – Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8. С.7.

140. Там же. С.5; № 10. С.2.

141. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.51.

142. Там же.

143. *Юр.-Ко.-* Указ. соч.// Уральские войсковые ведомости. 1869. № 10. С.2.

144. Там же. С.2-3.

145. Там же. С.3.

146. НА РК. Ф.35. Д.18. Л.17-18.

147. Там же. Л.54-55.

148. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.364.

149. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 9. С.5.

150. *Валиханов Ч.Ч.* Аблай // Собр. соч. Т.1. С. 428.

151. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 9. С.6.

152. Там же. № 10. С.3.

153. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.51.

154. *Долбежев Б.В.* Указ. соч. С.3.

155. В Западной части озера Балхаш вода пресная, в восточной – солоноватая.

156. «Калмыки, – писал Г.Ф.Миллер, – называли бурутами тех киргизов, которые жили в Сибири недалеко от р. Енисей, но затем в начале века переселенных контайшой в калмыцкую землю» *(И.К.Россохин.* Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах.СПб.,1764, окт. С. 318, прим. Миллера).

157. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Т.1. С.192.

158. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.51.

159. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 10.С.3.

160. Дневные журналы Волошанина и Зейферта // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 10. С.4.

161. Там же.

162. Там же.

163.Новолетов М.Г. Указ. соч. С.47.

164. НА РК. Ф.36. Д.424. Л.60.

165. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.242.

166. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 6. С.3.

167. Там же; НА РК. Ф.36. Д.432. Л.62, 64, 66, 67, 68, 70,71.

168. *Есенин С.А.* Пугачев // Сочинения. М., 1991. С.337-338.

169. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 6. С.4.

170. Там же.

171. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.68.

172. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 6. С.5.

173. Там же.

174. Там же.

175. НА РК. Ф.36. Д.425. Л.35.

176. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.54.

177. *Юр.-Ко.* –Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8. С.6.

178. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.47.

179. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.71.

180. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.361.

181. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 7. С.2.

182. Там же.

183. Там же.

184. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.28.

185. *Юр.-Ко.* – Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7.С.3; НА РК. Ф.36. Д.420. Л.31.

186. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.32.

187. Там же. Л.29-30.

188. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7. С.3.

189. Там же.

190. НА РК. Ф.36. Д.420. Л.26-27.

191. Там же.

192. *Юр.-Ко.-* Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7.С.4.

193. Там же.

194. Там же.

195. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.242.

196. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7.С.4-5.
197. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.361.
198. Очерки истории Калмыцкой АССР. С.209.
199. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7. С.5.
200. Там же.
201. Там же; НА РК. Ф.35. Д.6. Л.34.
202. Там же.
203. НА РК. Ф.35. Д.6. Л.34-35.
204. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7. С.6.
205. НА РК. Ф.3. Д.6. Л.34-35.
206. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7. С.6.
207. НА РК. Ф.35. Д.6. Л.54-55.
208. *Юр.-Ко.*- Указ.соч.// Уральские войсковые ведомости.1869. № 7. С.6.
209. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.49.
210. НА РК. Ф.36. Д.435. Л.25.
211. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.243.
212. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 7. С.7.
213. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.49.
214. НА РК. Ф.36. Д.431. Л.11-14.
215. Новолетов М.Г писал, что Траубенберг вышел из Орской крепости 19 апреля (*Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.50), Батмаев М.М. же полагал, что корпус Траунберга покинул Орск 17 апреля (*Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.362).
216. *Юр.-Ко.*– Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 8.С.7.
217. Там же; *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.362.
218. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8. С.7.
219. Там же. С.7-8.
220. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.363.
221. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.50.
222. Там же.
223. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8. С.8.
224. НА РК. Ф.35. Д.15. Л.11-18.
225. *Юр.- Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 8.С.9.
226. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.244.
227. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 9. С.3.
228. Там же.
229. Там же. С.4.

230. Там же. С.5.

231. Там же. С.6.

232. Там же.

233. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII-XVIII веках. С.363.

234. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 9. С.7.

235. Там же.

236. Там же.

237. *Новолетов М.Г.* Указ. соч. С.50.

238. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869, № 9. С.8.

239. Там же.

240. Там же. С.9.

241. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 10. С.4-5.

242. Там же. С.5.

243. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.244.

244. Там же. С.243.

245. *Юр.-Ко.*- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости.1869. № 10. С.6.

ГЛАВА 3

1. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1964. Гл. VI.

2. Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн» / Под ред. проф. Шан Юэ. М., 1959. С.549.

3. Цит. по: *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. С.77.

4. *Палладий.* Указ. соч.С. 15.

5. *Гуревич Б.П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России // История СССР. 1973. № 2. С.108.

6. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. С.565.

7. *Бичурин Н.Я.* Статистическое обозрение Чжуньгарии в нынешнем ея состоянии. С.625.

8. *Гуревич Б.П.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII-XX веках // Вопросы истории. 1974. № 9. С.54.

9. *Кузнецов В.С.* К вопросу о национальной политике цинской династии в XVIII в.// История, социология и филология Дальнего Востока./ АН СССР. Дальневосточный науч. центр: Труды, серия историческая. Т.8. Владивосток, 1971. С.139-140; *Рычков Н.П.* Указ. соч. С.55.

10. Barkman C.D. Op. cit. P. 103.

11. Ibid. P.104.

12. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.453.

13. Бичурин Н.Я. Статистическое обозрение Чжуньгарии в нынешнем ея состоянии. С. 235-236.

14. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Т.1.С.193.

15. Barkman C.D. Op. cit. P.104.

16. Доклад дачэня Сэбутэна Балэчжуэра императору Цяньлуну о причинах побудивших часть калмыков откочевать с Волги в Джунгарию // *Fu Luo-shu.* Documentary Chronicle of Sino-Western Relation. 1644-1820. Tucson,1966. P.258.

17. АВПР. Ф.119.1772-1773 гг. Оп.2 : 4. Д.37. Л. 124.

18. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа. С.104.

19. Barkman C.D. Op. cit. P.106.

20. Ивановский А.А. Указ. соч. С.7-8.

21. АВПР. Ф.119. 1772-1773 гг. Д.37. Л.124.

22. Там же. Л.158 об.

23. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.46-47; *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа. С.76.

24. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. С.365.

25. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков. С.150.

26. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. С.16.

27. Юр.-Ко.- Указ. соч. // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 5. С.10; № 10. С.5.

28. Barkman C.D. Op. cit. P.104.

29. Цит. по : *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.80.

30. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931. С.245.

31. Howorth H.H. Op. cit. P.575.

32. Hedin S. Op. cit. P.32.

33. Courant M. L'Asia Centrale... aux XY11 e et XY111e sieclec: empire kalmouk ou empire mantchon ? S.137

34. Санчиров В.П. Указ. соч. С.63.

35. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.144.

36. Там же. С.453.

37. Цит. по : *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.81.

38. АВПР. Ф.119. 1772-1173 гг. Д.37. Л.123 об.

39. *Рычков Н.П.* Указ. соч. С.5.

40. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. Собр. Максимовичем Л. Ч.2. М. , 1788. С.126.

41. *Анучин Д.* Калмыки // Энцикл. словарь. Т.XIV. СПб., 1895. С.57.

42. *Barkman C. D.* Op.cit. P.108.

43. *ЧернышевА.И.* Указ. соч. С.81.

44. *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

45. Дневной журнал Волошанина и Зейферта. С.5.

46. *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

47. Царствовавшие в Китае династии получали символические названия. Маньчжурская династия называлась Цин. Иероглиф «Цин» означает «чистый», «безупречный». Не только династии в целом, но и правление каждого императора обозначалось особым девизом – иероглифами, символизирующими «счастье», «мир», «благополучие», «благоденствие», «преуспеяние». Император Хун Ли (1711-1799) правил (1736-1796) под девизом Цяньлун (непоколебимое и славное). (Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т.1. С.5; *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1984. С.230-231.

48. *Санчиров В.П.* Указ. соч. С. 64.

49. Там же.

50. Там же. С.65.

51. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.81.

52. *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

53. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.81-82; *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

54. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.155.

55. *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

56. Ibid. PP. 89-90.

57. *Сидихменов В.Я.* Указ. соч. С.231.

58. *Санчиров В.П.* Указ. соч. С.55-56.

59. *Ивановский А.А.* Указ. соч.С.8.

60. *Риттер К.* Указ. соч. Т.2. С.164-165.

61. *Hummel A.W.* Op. cit.Vol.II. P.660.

62. *Quiencey T de.* Op. cit. P.84.

63. *Hummel A.W.* Op.cit.Vol.I. P.120-121.

64. *Сидихменов В.Я.* Указ. соч. С.231.

65. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа. С.102.

66. АВПР. Ф.119. 1772-1773 гг. Д.37. Л.124.

67. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа. С.80-81.

68. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.411-412.

69. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.83.

70. Там же.

71. Там же.

72. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.144, 145.

73. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.83.

74. *Санчиров В.П.* Указ. соч. С.67.

75. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.83.

76. *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

77. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.150,152.

78. *Санчиров В.П.* Указ. соч. С.67.

79. Там же; Мэн-гу-ю-му-цзи. С.145.

80. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.145.

81. *Бруннерт И.С, Гагельстром В.В.* Указ. соч. С.371.

82. *Бичурин Н.Я.* Статистические описание Китайского государства. Т.2. СПб., 1842. С.180.

83. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.84.

84. Там же. С.85.

85. История калмыцких ханов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. С.

86. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.89.

87. *Палладий.* Указ. соч. С.458.

88. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.145, 453-454,462; *Barkman C.D.* Op.cit. P.108.

89. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа. С.110.

90. Цит. по: *Горбань Н.В., Орлов Д.Д.* Документальные материалы по истории калмыцкого народа. С.150.

91. *Fu Luo-shu..* Op. cit. P.271.

92. Цит. по : *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.90.

93. Там же. С.90-91.

94. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С.58.

95. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л., 1950. С.220.

96. *Ивановский А.А.* Указ. соч.С.8.

97. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.91.

98. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.144.

99. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.91.

100. *Ивановский А.А.* Указ. соч. С.8.

101. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.91.

102. Мэн-гу-ю-му-цзи. С.147.

103. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.91.

104. *Hummel A.W.* Op.cit. Vol. II. P.660.

105. Чернышев А.И. Указ. соч. С.92.

106. Там же.

107. *Долбежев Б.В.* Указ. соч. С.11.

108.Hsu Immanuel C.Y. Ili crisis. A study of Sino-Russian Diplomacy. 1871-1881. Oxford, 1965. P.20

109. Чернышев А.И. Указ. соч. С.94.

110. Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн». С.551.

111. Чернышев А.И. Указ. соч. С.100, 108.

112. Там же. С.106.

113. Думан Л.И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. С.276.

114. Думан Л.И. Аграрная политика Цинского (Маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. С.169.

115. АВПР. Ф.179. 1772-1773 гг. Д.37. Л.124.

116. Там же. Л.158 об.

117. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений. Т.2. Алма-Ата, 1963. С.357.

118. Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М.,1972. С.13-14.

119. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII века. С.666.

120. Кузнецов В.С. Из истории освободительной борьбы уйгурского народа. Восстание в Уч-Турфане (1765 г.) // Народы Азии и Африки. 1974. Т.1. С.134-137.

121. АВПР. Ф.119. 1772-1773 гг. Д.37. Л.159; НА РК. Ф.35. Д.39. Л.161.

122. НА РК. Ф.36. Д.431. Л.19.

123. Цит. по: *Горбань Н.В., Орлов Д.Д.* Документальные материалы по истории калмыцкого народа. С.150.

124. Из рапорта оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорфа в Коллегию иностранных дел о бедственном положении волжских калмыков в Джунгарии / / Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 2. М.,1989. С.197.

125. АВПР. Ф.119. 1772-1773 гг. Д. 37. Л. 124 об.

126. Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 2. С. 197.

127. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.53.

128. Доношение омского купца З.Пеньковского генерал-майору Н.С.Федцову о взаимоотношениях хана Среднего казахского жуза Вали с цинскими властями и его стремлении развивать дружественные связи с Россией // Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 2. С.205-207.

129. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. С.85.

130. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. С.62.

131. Там же.

132. Там же. С.63.

133. ПСЗ. Т.XXIII. N16937.

134. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. С.63.

135. Новая история Китая. С.62.

136. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. С.62, 64.

137. Там же.

138. Новая история Китая. С.62.

139. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. С.85.

140. Там же.

141. Путешествие Рафаила Данибегашвили. М., 1961. С.27.

142. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. С.65-66.

143. Гуревич Б.П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии. С.55-56.

144. Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. С.15.

145. Думан Л.И. Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне. С.133-134.

146. Курмамбаев А.И., Накупов Ж.О. О формировании этнического состава населения Синьцзяна в XVIII-XIX вв. и политика цинского правительства // Общество и государство в Китае: 13 науч. конф.: Тезисы докладов. Ч.2. М.,1984. С. 180-186; *Ходжаев А.* О расселении ойратов после захвата Джунгарии Цинской империей // Общество и государство в Китае: 15 науч. конф.:Тезисы и доклады. Ч.2. 1984. С.161-168.

147. *Чернышев А.И.* Указ. соч. С.112.

148. Долбежев Б.П. Указ. соч. С.8-9, 15.

149. Там же. С.15-17.

150. Там же. С.18; *Эрдниев У.Э.* Историческая судьба ойратов. Элиста, 1993. С.50.

151. Потанин Г.Н. Указ. соч. Вып.II. С.43-44.

152. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. М.,1948. С.31, 40, 614.

153. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.47-48.

154. Там же. С.55.

155. НА РК. Ф.36. Д.432. Л.118.
156. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. С.366.
157. НА РК. Ф.36. Д.432. Л.72.
158. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.243.
159. Там же.
160. НА РК. Ф. 36. Д.432. Л.73-74.
161. Там же. Л.75.
162. Там же. Л.121.
163. Там же. Л.102.
164. НА РК. Ф.35. Д.12. Л.363.
165. Там же. Л.354.
166. Там же. Д.18. Л. 5.
167. Там же. Д.7. Л.486.
168. Там же. Д.12. Л.356.
169. Там же.
170. Там же. Л.360.
171. Там же. Д.13. Л.14.
172. Там же. Л.31.
173. Там же.
174. НА РК. Ф.36. Д.432. Л.4.
175. Там же.
176. НА РК. Ф.35. Д.13. Л.38.
177. Там же. Л.95.
178. Там же.
179. Там же. Д.25. Л.594; Д.30. Л.51.
180. Там же. Д.94. Л.84-85.
181. Там же. Д.19. Л.2.
182. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.52.
183. НА РК. Ф.35. Д.15. Л.175.
184. Там же. Л.176.
185. Там же. Л.177.
186. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.52.
187. НА РК. Ф. 35. Д.15. Л.178.
188. Там же.
189. Новолетов М.Г. Указ. соч. С.57.
190. Там же. С.58.
191. Там же.
192. Там же.
193. Архив Государственного Совета. Т.1. Ч.2. С.244.

194. Там же. С.245.

195. Там же.

196. Новолетов М.Г. Указ. соч. С. 58.

197. АВПР. Ф.119. 1772-1773 гг. Д.37. Л.47-48.

198. Там же. Л.48 об.

199. Там же. Л.52.

200. Там же. Л. 52 об.

201. Там же. Л.53 об.

202. Там же. Л.49.

203. Там же. Л.49 об.

204. Там же. Л.50.

205. Там же. Л. 50 об.

206. Там же. Л.52.

207. Там же. Л.54.

208. Там же. Л.54 об.

209. Там же. Л.56.

210. Там же. Л.78.

211. Там же.

212. Там же. Л. 57.

213. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч.І. Одесса, 1880. С.205.

214. Карагодин А.И. Дуальная организация у приволжских калмыков. С.33.

215. Там же. С.34.

216. Там же. С.35.

217. Цит. по: *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775 гг.). С.80.

218. Там же. Л. 139.

219. Там же.

220. Там же. С.111.

221. Там же. С. 111-112.

222. Там же. С.139-140.

223. Там же. С.139-140.

224. Там же. С.140.

225. Там же.

226. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Т.3. СПб., 1884. С.228, 239.

227. Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773-1775 гг. № 34. С.66.

228. Там же. С.67.

229. Пугачевщина. Т.2. Из следственных материалов и официальной переписки. С.222.

230. Цит. по: *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775 гг.). С.148.

231. Там же.

232. Пугачевщина. Т.2. № 72. С.223; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И.Пугачева. М., 1980. С.141.

233. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа. С.92.

234. Цит. по: *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775 гг.). С.129.

235. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907. С.125.

236. Там же. С. 126-127.

237. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири. Очерк по документам экспедиции Деколонга. М., 1898. С. 104, 108.

238. Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775 гг.). С. 133.

239. Там же.

240. Там же. С. 134.

241. Там же.

242. Там же. С. 135.

243. Пугачевщина. Т.2. С. 115.

244. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа. С.91-93.

245. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч.II.С.126.

246. Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Сочинения. Т.1. СПб.,1896. С.539.

247. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 244.

248. Там же.

249. НА РК. Ф.35.Д.72.Л.100.

250. Оглаев Ю.О., Убушаев В.Б. Динамика народонаселения Калмыкии (XVII-XX вв.) // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С.4.

251. Борисенко И.В. Указ. соч. С.46.

252. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.5. С.6.

253. Там же.

254. НА РК. Ф.35. Д.8. Л. 89-90.

255. Попов А.В. Указ. соч. С.31-34.

256. Бюлер Ф.А. Указ. соч.С. 94.

257. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. С.15.

258. НА РК. Ф.36. Д.425. Л.63.

259. Там же. Ф.30. Д.421. Л.5.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 года Т.VI, № 3622. Т.VII, №4576, №4660. Т.IX, №6705, №7072. Т.X, №179. Т.XIII, №9727. Т.XVII, №12519. Т.XXIII, №16937. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1830.

2. Указ императора Цяньлуна сановникам Цзюньцзичу об усилении постов на границе с Россией в связи с намерениями волжских калмыокв вернуться в Россию // *Fu Luo-shu.* Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644-1820. Tucson, 1966. P.258.

II. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

а) опубликованные

1. Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование Екатерины II (1768 – 1796 гг.). Ч. 2. С. 141-151. Калмыки. СПб.: Типография II-го Собственного Его Императорского Величества отделения, 1869. 913 с.

2. Горбань Н.В., Орлов Д.Д. Документальные материалы по истории калмыцкого народа // Записки Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 149-151.

3. Доклад дачэня Сэбутэна Балэчжуэра императору Цяньлуна о причинах, побудивших часть калмыков откочевать с Волги в Джунгарию // *Fu Luo-shu.* Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644-1820. Tucson, 1966. P. 258.

4. Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773-1775 гг.: Сб. документов. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1961. 230 с.

5. Из рапорта оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорфа в Коллегию иностранных дел о бедственном положении волжских калмыков в Джунгарии // Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн.2. М.: Наука. Главн. ред. вост. лит-ры, 1989. С.197-198.

6. Пугачевщина. Т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1929. 450 с.

7. Челобитная Л.Шапошникова, Ф.Морковцева и др. от имени яицкого войска имп. Екатерине II по поводу угнетения рядовых казаков // Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы): Сб. док. и мат. Алма-Ата: Наука, 1964. С.3-6.

б) неопубликованные

Архив внешней политики России (АВПР)

Фонд 119. Калмыцкие дела.

Опись 119/ 2-4.

8. Дело 31 (1767-1770 гг.).

9. Дело 37 (1772-1773 гг.).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Фонд 35. Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии.

Опись 1.

10. Дело 6. Дело об уходе части калмыков во главе с наместником ханства Убуши в Джунгарию.

11. Дело 7. Рапорта, донесения Астраханскому губернатору Н.А.Бекетову о выделении дополнительной силы из числа калмыков для предупреждения нападения со стороны кубанского мирзы Ислана Омуева.

12. Дело 8. Рапорта, донесения о выделении дополнительной силы для предупреждения нападения со стороны кубанского мирзы Ислана Омуева.

13. Дело 12. О переходе дербетева владельца Цебек-Убуши на луговую сторону р. Волги и о мерах возвращения в случае его последования за ханом Убаши в Джунгарию.

14. Дело 13. Рапорта, донесения о намерении оставшихся калмыков, кочевать вслед за ушедшими в Джунгарии сородичами и мерах воспрепятствования в этом.

15. Дело 15. Рапорта, донесения об отправке калмыков и их семейств в г. Нижний Новгород для продажи в отместку за грабеж учиненных ими над царицынскими жителями.

16. Дело 18. Рапорта, донесения о калмыках-владельцах намеревавшихся уйти вслед за своими сородичами, отобрании у них имущества и подвластных им людей, а также прошения владельцев на возвращение им имущества и людей. Жалобы царицынских купцов об их ограблении калмыками.

17. Дело 19. Рапорта, донесения о приписке в Астраханское ведомство всех татар, кочующих по калмыцким степям и даче им льгот.

18. Дело 25. Резолюции астраханского губернатора Н.А.Бекетова по делам калмыцкой экспедиции.

19. Дело 30. Резолюции астраханского губернатора Н.А.Бекетова по делам поступающим в экспедицию.

20. Дело 72. Журнал регистрации доношений и писем, поступаемых в экспедицию.

21. Дело 94. Рапорта, донесения со сведениями о крещении калмыков, кочующих по рыбным промыслам, об угоне лошадей, о перекочевке 17 семейств дербетовского владельца на р. Дон.

Фонд 36. Состоящий при Калмыцких делах при астраханском губернаторе.

Опись 1.

1. Дело 18. Письма калмыцких владельцов и донесения по текущим делам Астраханскому губернатору А.П.Волынскому. Т.I.

2. Дело 25. Указы, донесения и письма калмыцких владельцов по текущим делам.

3. Дело 36. Указы, донесения и письма по калмыцким делам. Об отношениях с Крымом и Кубанскими татарами. Письма калмыцких владельцев в оригинале и переводах.

4. Дело 42. Указы, письма, донесения, раполрты из разных мест по калмыцким делам. Письма хана Черен Дондука и др. в оригинале и переводах.

5. Дело 52. Сборник писем хана Черен Дондука и других калмыцких владельцов в оригинале и переводах.

6. Дело 83. Письма хану Дондук Омбо. Указы и письма к нему. О походе Дондук Омбо к Кубанским татарам о кабардинских владельцах.

7. Дело 89. Указ, распросные листы, письма разных лиц, касающиеся калмыцких дел.

8. Дело 103. Указы, донесения по калмыцким делам. Письма Дондук Омбо и др. Калмыцких владельцов.

9. Дело 121. Указы, донесения и письма в бытность полковника Боборыкина. Письма хана Дондук Омбо и калмыцких владельцов в оригинале и переводах по разным вопросам.

10. Дело 133. Реестр донесениям в разные учреждения; приказам и бумагам, получаемым из кабинета министров.

11. Дело 142. Черновик разных входящих и исходящих дел бытность В.Н.Татищева.

12. Дело 154. Копии указов, промеморий; рапорты, донесения и письма по калмыцким делам.

13. Дело 167. Указы, грамоты, резолюции по калмыцким делам. Письма калмыцких владельцев и Дондук Даши. Донесения и рапорты из разных мест.

14. Дело 174. Письма Дондук Даши в оригинале и переводах. Переписка В.Н.Татищева по калмыцким делам. Донесения и рапорты из разных мест.

15. Дело 181. Письма Дондук Даши. Донесения. Рапорты и письма по калмыцким делам.

16. Дело 185. Указы, инструкции, донесения, рапорты, письма по калмыцким делам. Письма Дондук Даши.

17. Дело 194. Письма Дондук Даши др. дела в бытность Астраханского губернатора Еропкина.

18. Дело 234. Донесения, рапорты и письма о принятии калмыками Христианства. Т.III.

19. Дело 236. Письма Дондук Даши, донесения, рапорты и письма по калмыцким делам в бытность Брылкина. Т.II.

20. Дело 246. Письма Дондук Даши. Указы, донесения и письма по калмыцким делам в бытность полковника Спицына.

21. Дело 265. Письма Дондук Даши И.А.Брылкину.

22. Дело 300. Письма Дондук Даши. Донесения, сообщения и рапорты по калмыцким делам.

23. Дело 301. Столы исходящим бумагам по калмыцким делам в бытность полковника Спицына.

24. Дело 346. Книга записям присланным из разных мест указам, состоящим в Астраханской губернской канцелярии по калмыцкой экспедиции.

25. Дело 364. Письма калмыцких владельцов. Указы грамоты из Коллегии иностранных дел. Выписка о приходе Дербетевых владельцов на Волгу. Резолюции.

26. Дело 403. Донесения, рапорты и письма калмыцких владельцов в бытность Астраханского губернатора Н.А.Бекетова. T.V.

27. Дело 415. Письма калмыцких и кабардинских владельцев и Крымского хана; резолюции, донесения ирапорты.

28. Дело 418. Донесения, рапорты и письма о намерении калмыков к уходу из пределов России.

29. Дело 419. Рапорты, сообщения и письма по калмыцким делам. О анряде калмыцкого войска, о подготовке к уходу калмыков. Т.II.

30. Дело 420. Донесения, рапорты и письма об уходе калмыков из пределов России.

31. Дело 421. Резолюции по письмам владельца Замьяна по спорным делам.

32. Дело 425. Реестр входящим бумагам, полученным полковником Кишенсковым, в бытность его при калмыцких делах. Об уходе калмыков. Т. I.

33. Дело 426. Реестр входящим бумагам, полученным в бытность полковника Кишенскова. Об уходе калмыков. Т.II.

34. Дело 427. Реестр входящим бумагам, полученным в бытность полковника Кишенскова. Об уходе калмыков. Т.III.

35. Дело 430. Об уходе калмыков из пределов России.

36. Дело 431. Донесения, рапорты и сообщения об уходе калмыков и о возвращении назад некоторой части.

37. Дело 432. Реестр получаемым указам, ордерам и письма в бытность при Калмыцких делах полковника Кишенскова. О наряде калмыцких войск. Рескрипты Екатерины Астраханскому губернатору Н.А.Бекетову по калмыцким делам.

38. Дело 435. Донесения, рапорты и письма об уходе калмыков и решении спорных дел. Т.III.

III. АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Национальный архив Республики Калмыкия

Фонд 36

Опись 1

1. Дело 33. Указы о наряде калмыцкого войска на Кубань и др. к хану Черен Дондуку и др. владельцам. Журнальные записи текущих дел.
2. Дело 75. Указы и Грамоты о назначении Дондук Омбо главным над калмыцким народом управителем. Указы к калмыцким владельцам и Астраханскому гебернатору Измайлову о текущих делах. Имеются сведения о крещеных калмыках.
3. Дело 150.Указы и Грамоты наместнику ханства Дондук Даше Елизаветы I. Письма Дондук Даши в оригинале и переводах. Донесения по калмыцким делам.
4. Дело 231. Указы и грамоты Елизаветы I к Дондук Даши и др. владельцам. Донесения и письма по калмыцким делам в бытность губернатора Брылкина.
5. Дело 359. Указы из Сената по разным вопросам. Сведения о возможных поселениях калмыков.

IV. ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ

1. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in Jahren 1802 und 1803. Riga: Hartmann, 1804.

2. Бичурин Н.Я. Статистическое обозрение Чжуньгарии в нынешнем ея состоянии // Русский вестник. Т.3. СПб.,1841.

3. Его же. Статистическое описание Китайского государства. Ч.2. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. 350 с.

4. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1948. 684 с.

5. *[Данибегашвили Р.]* Путешествие Рафаила Данибегашвили. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука»,1961. 303 с.

6. *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.

7. *Максимович Л.* Калмыки // Новый и полный географический словарь или Лексикон. Ч.II. М.: Университетская типография. Изд. Н.И.Новикова, 1788. С.117-131.

8. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.,1773. 657 с.

9. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.2. СПб.,1881. 181 с.

10. *[Потоцкий И.]* Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Астраханский сборник. Издание ПОИАК. Вып.1. Астрахань,1896. С.303-328.

11. *Риттер К.* Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Пер. П.Семенова. Т.2. СПб.,1859. 350 с.

12. *[Рычков Н.П.]* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз- кайсацкой степе 1771 году. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1772.

13. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887.

14. *[Фальк И.П.]* Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т.6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1824.

15. *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России // Сочинения. СПб.,1896. Т.1. 580 с.

V. МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

а) опубликованные

1. *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев // Красный архив. 1939. Т.3 (94). С. 189- 254; Т. 5 (96). С. 196- 220.

2. Дневной журнал Волошанина и Зейферта // Уральские войсковые ведомости. 9 марта 1869 г. № 10. С. 10-12.

3. Записки Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к кал-

мыцкому хану Аюке в 1712-1715 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т.1: 1700-1725. М.: Наука, 1978. С.437-483.

4. Записки И.Х.Шпичера о сопровождении цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1714-1716 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т.1: 1700-1725. М.: Наука, 1978. С.484-486.

5. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. Иакинфа. Т.1. СПб.,1829. 270 с.

6. *[Ци-ший]* Сочинение китайского князя Ци-шия « О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию» / Пер. С.В. Липовцева // Сибирский вестник. Ч.12. Кн.10. С.168-189. Кн.11. С.214-235. Кн.12. С.254-269. СПб.,1820.

б) неопубликованные

Национальный архив Республики Калмыкия

Фонд 36

Опись 1

1. Дело 71. Донесения и черновые записи разных дел.

2. Дело 140. Книги записи входящим и исходящим делам. Письма Дондук Даши о рыбной ловле калмыков.

3. Дело 339. Книга исходящим ордерам, промемориям и письмам по калмыцким делам в бытность полковника Бехтеева.

4. Дело 356. Книга отправляемым от бригадира Бехтеева в разные места ордерам и письмам по калмыцким делам с их записями.

5. Дело 362. Журнал, отправляемым от бригадира Бехтеева в разные места ордерам, промемориям по калмыцким делам.

6. Дело 388. Книга исходящим донесениям, рапортам и письмам по калмыцким делам в бытность полковника И.Кишенскова.

7. Дело 424. Реестр исходящим бумагам в бытность при калмыцких делах полковника Кишенскова об уходе калмыков.

VI. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. *Анучин Д.Н.* Калмыки // Энциклопедический словарь. Т. XIV. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 57-60.

2. *Hummel A.W.* Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644-1912). 2 vols. Washington, D.C.: U.S.Goverment Printing Office, 1943-1944.

VII. ЛЕТОПИСИ

1. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях). Пер. с кит. П.С. Попова // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXIV. СПб., 1895. 487 с.

2. *Палладий [Кафаров П.И.]* Извлечения изъ китайской книги: Шэнь-вуцзи, 1848. Пекин, 1907. 495 с.

3. Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из «Шень-у-цзи»). Пер. с кит. В.П. Васильева // *Г.Н. Потанин.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3. СПб., 1883.

4. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1969. С.13-48.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авляев Г.О. Печать Убаши- хана // Элстин зэнгс. 1992. 11 янв. №1.

2. Алексеева П.Э. Калмыкия в материалах экспедиций XVIII века // Теегин Герл. Элиста. 1983. № 2. С.106-110.

3. [Андриевич В.К.] История Сибири / Сост. В.К.Андриевич.Ч.II. СПб.: Типография В.В.Комарова, 1889. 432 с.

4. Аполлова Н.Г. К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII веке // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). Сб. статей. М.: Наука, 1964. С. 355-388.

5. Балакаев А.Г. Трагедия калмыков // Советская Калмыкия. 1991. 3, 9, 17, 24 янв.

6. *Бартольд В.В.* Калмыки // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С.538-540.

7. Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // Казахстан в XV-XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории.). Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1969. С. 50-145.

8. Батмаев М.М. Первые опыты земледелия у калмыков в XVIII в. (до 1771 г.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста, 1982. С. 15-26.

9. Его же. Новые хозяйственные явления в Калмыцком ханстве в 40- 60-х гг. XVIII столетия //Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста, 1983. С. 23-43.

10. Его же. Политическая история Калмыцкого ханства в русской историографии // Калмыковедение: Вопросы истории и библиографии / Калм. НИИ Истории, филологии и этнографии. Элиста, 1988. С. 41-59.

11. Его же. Роковые решения // Элстин зэнгс. 1991. 23, 30 июня, 6, 13, 20 июля. № 25-29.

12. Его же. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт: В 2 кн. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1993. 382 с.

13. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста: Калмгосиздат., 1965. 175 с.

14. Его же. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачёва (1773-1775 гг.) Элиста: Калм. книж. изд-во, 1971. 168 с.

15. Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII-XVIII вв. Волгоград: изд-во Волг.ГУ,2001. 356 с.

16. Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1834. 255 с.

17. Его же. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л.: издание АН СССР, 1950. 335 с.

18. Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII в.- начало XX в.) // Вестник института / Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып. 3. Элиста, 1968. С. 48-80.

19. Бруннерт И.С., Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910. 470 с.

20. Бурчинова Л.С. Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник института / Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып. 3. Элиста, 1968. С. 5-25.

21. Ее же. Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста, 1983. С. 3-22.

22. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1.СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869.

23. Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. 1846. Т. 47-49. № 7. С.1-28. №. 8. С. 59-125. № 10. С.58-94. №. 11. С. 1-44.

24. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука,1972. 314 с.

25. Валиханов Ч.Ч. Аблай // Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1961. С. 426-431.

26. Его же. Очерки Джунгарии // Там же. С. 392-425.

27. Его же. Записки о киргизах. // Собр. соч. Т.2. Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1963. С. 301-379.

28. Внешняя политика государства Цин в XVII веке / Под ред. Л.И.Думана. М.: Наука, 1977. 385 с.

29. Гагашев Г.Г. Уроки истории // Хальмг унн. 1993. 4 янв.

30. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880.

31. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т.1. М., 1913. 490 с.

32. Гуревич Б.П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России // История СССР. 1973. № 2. С. 98-114.

33. Его же. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 45-63.

34. Гурий [Степанов]. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Ч. 1. Казань, 1915. 185 с.

35. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб.: Типография Монтвида, 1907. 257 с .

36. Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / Издание Военно-учебного комитета Главного штаба. Вып. 86. СПб., 1913. С. 1-18.

37. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Т. 3. СПб. 1884.

38. Думан Л.И. Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.-Л.: Издание АН СССР, 1936. 256 с.

39. Его же. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVII и начала XIX века // Библиография Востока. Вып. 8-9 (1935). М.-Л.: Изд. АН СССР , 1936. С 15-40.

40. Его же. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1966. С. 264-288.

41. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-142.

42. Есенин С.А. Пугачев // Сочинения. М.: Худож. лит-ра, 1991. 460 с.

43. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758).М.: Наука, 1964. 482с.

44. Ивановский А.А. Монголо-торгоуты // Труды Антропологического отдела Общества любителей естествознания. М., 1893. С. 1-32.

45. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 254 с.

46. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.

47. Карагодин А.И. Развитие земледелия у приволжских калмыков в первой половине XIX в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста, 1983. С. 101-121.

48. Его же. Дуальная организация у приволжских калмыков // Советская этнография. 1984. № 5. С. 25-35.

49. Его же. О земельной собственности у калмыков // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Общественные науки. 1988. № 3. Ростов-на-Дону: изд-во Ростов. гос. ун-та. С. 78-83.

50. Колесник В. И. Институт ханской власти у калмыков в XVIII вв. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1996. 21 с.

51. Его же. Последнее великое кочевье (о значении «торгоутского побега» для периодизации всемирной истории) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): Доклады российской делегации. М., 1997. С. 30-32.

52. Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Типография В.Нусвальта, 1870. 170 с.

53. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука,1992. 240 с.

54. Кузнецов В. С. К вопросу о национальной политике цинской династии XVIII в. // История, социология и филология Дальнего Востока / Труды Дальневосточного науч. центра АН СССР. Серия ист. Т. 8. Владивосток, 1971. С. 138-141.

55. Его же. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва « Наука»,1973.182 с.

56. Его же. Из истории освободительной борьбы уйгурского народа. Восстание в Уч-Турфане (1765 г.) // Народы Азии и Африки. 1974. № 1.С.134-137.

57. Курмамбаев А.И., Накупов Ж.О. О формировании этнического состава населения Синьцзяна в XVIII-XIX вв. и политика циньского правительства // Общество и государство в Китае: 13-я науч.конфр.: Тезисы докладов. Ч.2. М., 1984. С. 180-186

58. Кшибеков Д.И. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата: Наука, 1984. 238 с.

59. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 319 с.

60. Лебединский А. К вопросу о вымирании калмыков // Калмыцкая область (Орган Калмыцкой областной плановой комиссии). Астрахань: Типография Калмиздата, 1927. № 1-2 (7-8).С.104-145.

61. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей. Ч.2. Исторические известия. СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. 332 с.

62. Леонтович Ф.И. К истории права русских инордцев. Калмыцкое право. Ч.I. Одесса, 1880. 267 с.

63. Любомиров П.Г. Нижнее Поволжье полтораста лет назад // Нижнее Поволжье (Орган Нижневолжской областной и Саратовской губернской плановых комиссий). Саратов, 1924. № 1.С.21-31.

64. Его же. Заселение Астраханского края в XVIII веке // Наш край (Орган Астраханской губернской плановой комиссии). Астрахань, 1926. № 4.С.54-77.

65. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. Восстание Пугачева. Т.1. Л.: изд-во ЛГУ, 1961. 584 с.

66. Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

67. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1978. 282 с.

68. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). М.: Горизонт,1995. 320 с.

69. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 320 с.

70. Минкин Г.З. О феодализме в Калмыкии // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М.Горького. Ч.V. Саратов,1932.

71. Моисеев В.А. Дело Шоно-Лоцзана / К истории посольств из Китая в Россию в 30-е годы XVIII века // Общество и государство в Китае: 14-я науч. конф.: тез. и докл. М.,1983. Ч. 2. С. 96-103.

72. Насунов А.Б. Роль Тибета в осуществлении откочевки основной массы калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Цыбиковские чтения: 5-я Всесоюзная науч. конференция: Тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С.88-90.

73. [Нефедьев Н.А.] Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н.Нефедьевым. СПб.: Типография Карла Крайя, 1834. 286 с.

74. Новая история Китая. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука»,1972. 637 с.

75. Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Издание владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давыда Тундутова, 1884. 77 с.

76. Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И.Пугачева. М.: Наука, 1980. 280 с.

77. Оглаев Ю.О., Убушаев В.Б. Динамика народонаселения Калмыкии (XVII-XX вв.) // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста, 1981. С.3-12.

78. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480с.

79. Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн» / Под ред. Шан Юэ. М.: Глав. ред. востю лит-ры изд-ва «Наука»,1959. 579 с.

80. Очиров Н. Астраханские калмыки и их экономическое положение в 1915 году. Астрахань, 1925. С.45-65.

81. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 137 с.

82. Его же. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч.1-5. Астрахань: Типография Калмоблиздата, 1926-1932.

83. Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего (XIX) столетия // Журнал Министерства Народного Просвещения.СПб.,1886. Ч.244. С.140-170.

84. Попов А.В. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.,1839. Ч.12. С.20-31.

85. Попов Н.А. В.Н.Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М.: Типография В.Грачева и Ко ,1861. 804 с.

86. Прозрителев Н.Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь: Типография губернского правления, 1912. 144 с.

87. Пушкин А.С. История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.7. М.: Художественная лит-ра, 1981. 485 с.

88. Россохин И.К. Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764, июль, с.3-48; август, с.99-150; сентябрь, с.196-234; октябрь, с.291-353; ноябрь, с.387-413

89. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторически очерк. Харбин: Типография Н.Е Чинарева, 1931. 348 с.

90. Санчиров В.П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста 1983. С. 60-77.

91. Сахаров А.Н. Этапы и особенности русского национализма // Россия и современный мир.1997. № 1 (14). С.56-71.

92. Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. 1982. № 2 С.48-59.

93. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1987. 448 с.

94. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. 9. Т. 17-18. М.: Мысль, 1993. 671 с.

95. Тойнби А.Д. Постижение истории / Пер. А.П.Огурцова. М.: Прогресс, 1991. 736с.

96. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М.: Наука, 1974. 395 с.

97. Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

98. Ходжаев А. О расселении ойратов после захвата Джунгарии Цинской империей // Общество и государство в Китае: 15 науч. конфр.: Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1984. С.161-168.

99. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724-1741 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

100. Его же. Административная система Калмыцкого ханства в первой половине XVIII века // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. научных трудов / Калм. гос. ун-т. Элиста,1998. С.23-37.

101. Чернышев А.И. О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Общество и государство в Китае: 15 науч. конф.: тез. и докл. Ч.2. М.: Наука, 1984. С.152-161.

102. Его же. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 135 с.

103. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва « Наука»,1978. 216 с.

104. Его же. Россия и Монголия. М.: Главная редакция восточной лит-ры изд-ва «Наука,» 1987. 240 с.

105. Его же. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. «Торгутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1989.

106. Чонов Е.Е. Калмыки в русской армии. XVII, XVIII вв. и 1812 год. Пятигорск: Электропечатня Г.Д.Сукиасянца, 1912. 70 с.

107. Чужгинов А.А. Проблемы политической истории Калмыкии в трудах Н.Н.Пальмова // Вестник института / Калм. НИИ языка, литературы и истории. Вып.3. Элиста, 1968. С.27-42.

108. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.). Элиста: Калм. книж. изд-во, 1992. 319 с.

109. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1985. 282 с.

110. Его же. Историческая судьба ойратов. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1993. 150 с.

111. Ээтин В. Туужин халхас // Хальмг унн. 1990. 24, 27 июня.

112. Юр.-Ко.- Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 5-10.

113. Ядринцев М.Н. Начало оседлости // Сибирский сборник. СПб., 1885. С.140-144.

114. Barkman C.D. The return of the Torghuts from Russia to China // Journal of Oriental Studies. Vol. II. № 1/ Hong-Kong University Press, 1955. P. 80-115.

115. Courant M. L' Asia centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles: empire kalmouk ou empire mantchou ? Paris-Lyon, 1912. 189 pp.

116. Hedin S. Jehol- city of Emperors. London, 1932.

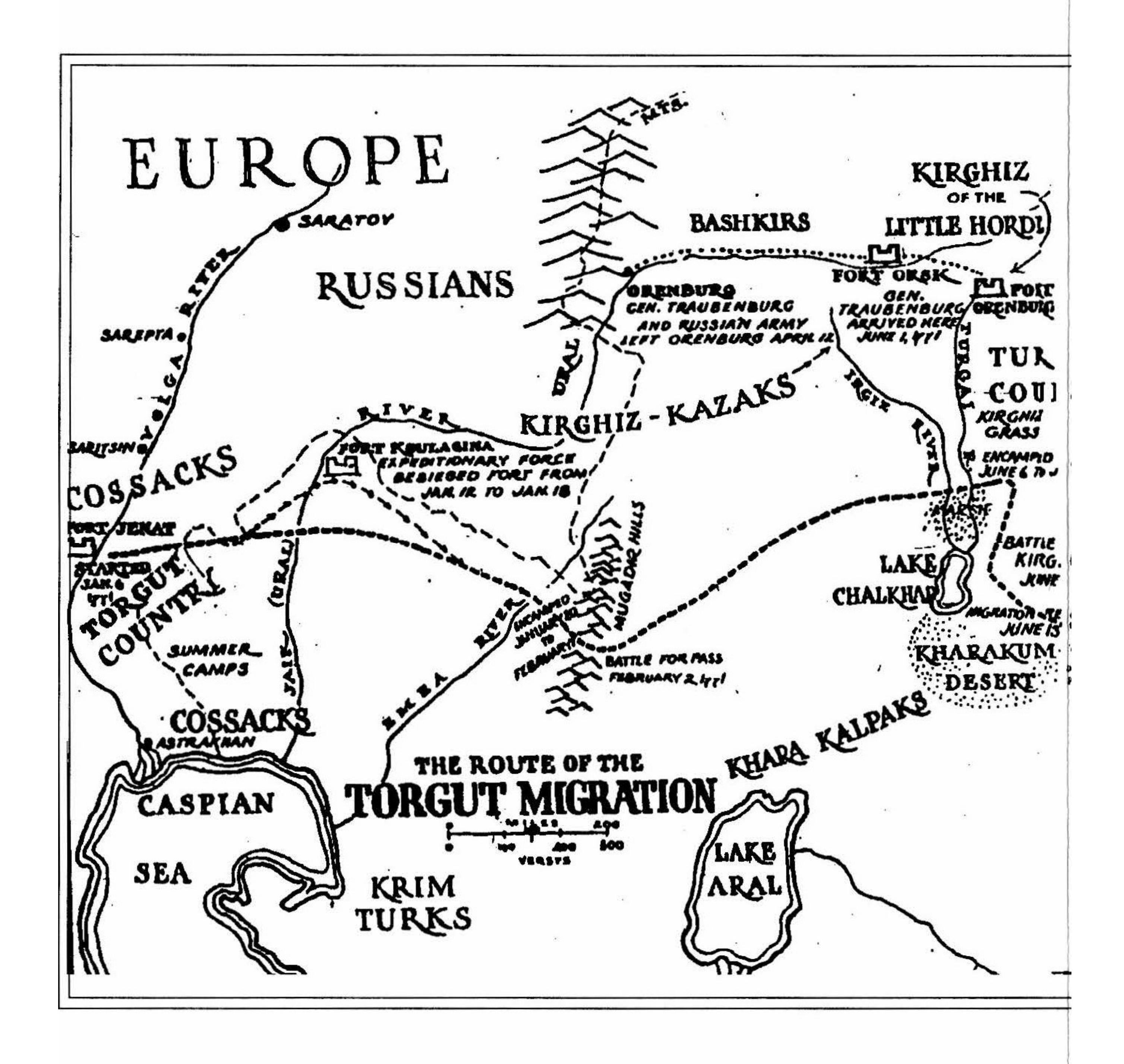
117. Howorth H.H. History of the Mongols from 9th to the 19th century. P.I. The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876.

118. Hsu Immanuel C.Y. Ili crisis. A study of Sino-Russian Diplomacy. 1871-1881. Oxford, 1965.

119. Khodarkovsky M. Where Two World Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992. 278 p.

120. Quiencey T. de. Revolt of the Tartars of flight of the Kalmuck khan and his people from the Russian Territories to the Fronties of China. New York: American Book Co, 1895.

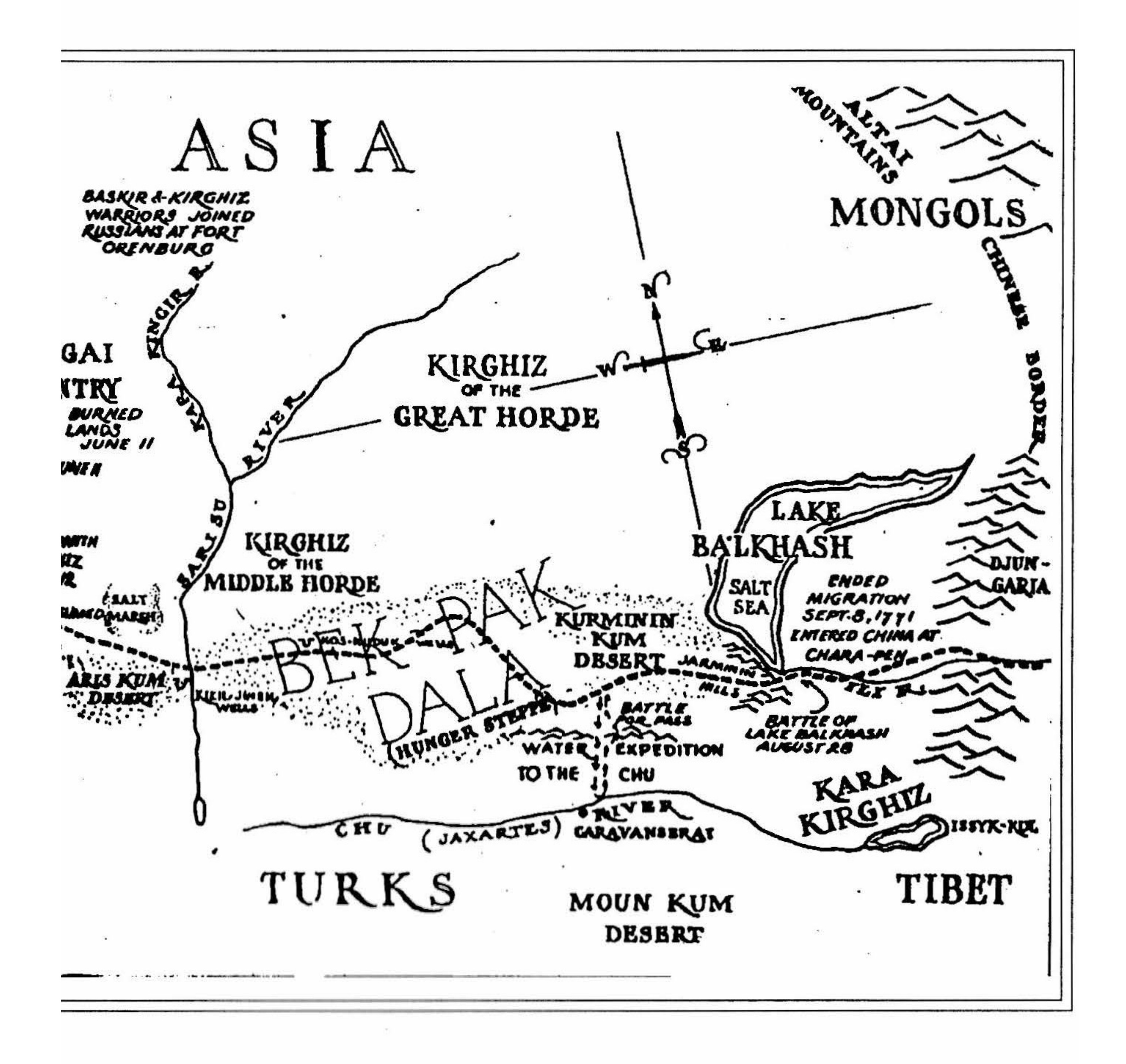
121. Sheldon Ridge W. Some early Russo-Chinese relation by Gaston Cahen. Shanghai, 1914.

EUROPE
SARATOV
RUSSIANS
SAREPTA
VOLGA RIVER
URAL MTS.
BASHKIRS
KIRGHIZ OF THE LITTLE HORDE
FORT ORSK
ORENBURG
GEN. TRAUBENBURG AND RUSSIAN ARMY LEFT ORENBURG APRIL 12
GEN. TRAUBENBURG ARRIVED HERE JUNE 1, 1771
FORT ORENBURG
TURGAI
KIRGHIZ GRASS
KIRGHIZ - KAZAKS
IRGIZ RIVER
COSSACKS
FORT JENAT
STARTED JAN. 6 1771
TORGUT COUNTRY
FORT KOULAGINA
EXPEDITIONARY FORCE BESIEGED FORT FROM JAN. 12 TO JAN. 18
RIVER
URAL
(URAL)
JAIK
SUMMER CAMPS
COSSACKS
ASTRAKHAN
MUGADJAR HILLS
EMBA RIVER
ENCAMPED JANUARY 20 TO FEBRUARY
BATTLE FOR PASS FEBRUARY 2, 1771
LAKE CHALKHAR
MARSH
BATTLE
KHARAKUM DESERT
KHARA KALPAKS
THE ROUTE OF THE TORGUT MIGRATION
MILES
VERSTS
CASPIAN SEA
KRIM TURKS
LAKE ARAL

Приложение 1

Карта миграции калмыков 1771 г., опубликованная в романе В. Ривера «Торгуты» (1939)

Приложение 2

Сводная таблица расселения калмыков в Китае, составленная

Торгоуты			
Сейм Унэн-Суцзукту			
Южный отдел	Северный отдел	Западный отдел	Восто
Состоял из хошунов Убаши (50 сумунов), Эмеген-Убаши (2 сумуна), Байджиху (1 сумун), Бархашиха (1 сумун)	Состоял из 3 хошунов Цебек-Доржи (4 сумуна), Гунге-Церена (6 сумунов), Аксахала (4 сумуна)	Состоял из 1 хошуна Момунту (4 сумуна)	Состоял Бамсбар Кипден
Имели кочевья первоначально в Тарбагатайском округе Джунгарии в местности Чжайр, затем были переведены на территорию Восточного Туркестана в Карашарский округ	Имели кочевья в Тарбагатайском округе в местности Хобок-Сари	Имели кочевья на восчточном берегу р. Цзиньхэ к северу от Тянь-Шаня и к востоку от г. Или	Имел Урумчи по р. Ч юго-зап К
В административном отношении подчинялись карашарскому правителю	Находились в ведении тарбагатайского правителя, подчиненного военному губернатору Или	В административном отношении подчинялись военному губернатору Или	Нах ведени Кур подч урум дутуну губер

… автором

		Хошеуты	
…чный отдел	Сейм Чин-Сэтхильту	Сейм Бату-Сетхильту	Аймак
… из 2 хошунов …ра (4 сумуна), …на (3 сумуна)	Состоял из 2 хошунов Шеаренга (1 сумун), Шара-Кюкена (2 сумуна)	Состоял из 3 хошунов Еремпеля (4 сумуна), Нохая (3 сумуна), Баярлаху (4 сумуна)	Состоял из 1 хошуна Менгуна (1 сумун)
…и кочевья в …нском округе …Джиргалан на …аде от г. Кур-…Караусу	Имели кочевья в Кобдоском округе на р. Булгун к югу от Алтайских гор и к юго-западу от г. Кобдо	Имели кочевья на территории Восточного Туркестона на р. Юлдус в Карашарском округе	Имели кочевья в Кобдоском округе в местности Хапчак к югу от г. Кобдо
…одились в …и правителя …-Караусу, …иненного …чинскому … и военному …натору Или	Состояли в ведении кобдоского правителя, подчиненного улясутайскому военному губернатору	Находились в ведении карашарского правителя, подчиненного военному губернатору Или	Состояли в ведении кобдоского правителя, подчиненного улясутайскому военному губернатору

Научное издание

Елена Валериевна Дорджиева

ИСХОД КАЛМЫКОВ В КИТАЙ В 1771 г.

Редактор И.А. Пехтерева

Сдано в набор 10.04.02. Подписано в печать 15.05.02.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 200 экз. Заказ №183.
Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул.. Пушкинская, 140, т. 64-30-52.

Лиц. ПЛД №16-13 от 10.12.99
Отпечатано в Центре новых информационных технологий
Калмыцкого госуниверситета
Адрес КГУ и ЦНИТ:
358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11